

Центр по изучению культуры Ирана и Центральной Азии
при Национальной библиотеке Республики Казахстан
Культурное представительство при Посольстве Исламской
Республики Иран в Республике Казахстан

*Перевод с фарси на русский язык
Заринэ Джандосовой*

*Ответственный редактор
Сафар Абдулло*

Ирану есть что сказать миру! Автор Мохаммадали Ислами
Надушан, г.Алматы, 2007 г.

МОХАММАДАЛИ ИСЛАМИ НАДУШАН

«ИРАНУ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ МИРУ!»

Книга выдающегося иранского ученого Мохаммадали Ислами Надушан «Ирану есть что сказать миру!» - это размышление автора о месте Ирана в современном мире. Автор в этой книге так же, как и в своих предыдущих книгах на тему Ирана и его культуры, пытается ответить на глобальный вопрос – «откуда мы пришли и куда свой путь вершим»? И в этом ракурсе он размышляет о судьбе своей страны, ее народе, культуре в современном изменчивом мире. Надеемся, что данная книга, которая не раз была издана на фарси, найдет своих читателей и понравится тем, кто неравнодушен к Ирану и его неповторимой культуре и литературе.

г.Алматы, 2007 г.

Абдулло С., ответ.редактор, пер.,
Джандосова З., пер., 2007 г.

Ирану есть что сказать миру!

*Солнце вина взошло на востоке чаши.
Ищешь средство для наслаждения –
оставь сон.*

Хафиз

В новое издание этого сборника добавлено несколько новых материалов, в частности, статья «Сойдутся ли когда-нибудь Восток и Запад?»

Мы подняли эту тему, потому что в начале двадцать первого века в мире наблюдается отсутствие равновесия, угрожающее человечеству серьезной опасностью. На Востоке и Западе друг другу противостоят количество и качество, бедность и богатство, невежество и наука. В самих восточных странах существенной проблемой стало нарушение равновесия внутри общества. Но, с другой стороны, и Запад находится в плену собственных противоречий, вызванных культом всего материального.

В двадцатом веке непомерной ценой войн и революционных волнений мир сумел отвести в сторону опаснейшую угрозу неравновесия. Однако двадцать первый век, очевидно, не сможет, используя лишь устаревшие методы, выйти победителем из подобного великого испытания. Поэтому необходима выработка новых подходов, предполагающих более приемлемое распределение благ мира. Следует приложить все усилия для того, чтобы как можно дальше отойти от пропасти нынешнего катастрофического положения.

Что касается Ирана, то на мировой арене, как в силу своего географического положения и колоссального груза исторического наследия, так и благодаря своим запасам нефти, эта страна принадлежит к странам самого первого ряда.

*О, Боже, с шести сторон мне перекрыли путь
родинка, брови, локон, лицо, щеки и стан*

Хафиз

Поэтому виноват в нынешнем положении Ирана не внешний мир, и не сочетание самых разных исторических обстоятельств, а сам Иран, и только он сам.

Поэтому в обозримом будущем нас ждет опасная, беспокойная, неустойчивая эпоха.

Лишь с открытыми глазами, твердой волей и незамутненным разумом можно благополучно преодолеть этот период. В противном же случае...

Мохаммадали Ислами Надушан

Содержание

<i>Предисловие</i>	7.
<i>Ирану есть что сказать миру!.....</i>	9
<i>Иранцы и греки по свидетельству «Шахнаме» и «Илиады»</i>	44
<i>Иранская идентичность в исламскую эпоху.....</i>	58
<i>Последнее слово – за человеческой природой.....</i>	74
<i>Не будем забывать о суде истории</i>	93
<i>Молодежь, развитие, экономика, цивилизация</i>	103
<i>Куда идет мир?.....</i>	116
<i>Тайна и нравоучительный смысл притч.....</i>	137
<i>Молодежь и роль книги.....</i>	172
<i>Сойдутся ли когда-нибудь Восток и Запад?.....</i>	178
<i>Как произошло возрождение Европы?.....</i>	191
<i>Прогресс и колониализм: близнецы-братья.....</i>	202
<i>Веревка с длинным концом.....</i>	207
<i>Какие различия существуют между Востоком и Западом?.....</i>	219
<i>Что можно сделать сейчас?.....</i>	229
<i>Необходимость большой проверки.....</i>	240
<i>Искренность и социальное воспитание</i>	249
<i>Остаться или вернуться?.....</i>	256

Веление времен

*Вставай же, и рубище суфия мы в харабат отнесем,
На людный базар суеверий бахвальство и треп отнесем.*

*(здесь и далее по тексту, где не указан
автор перевода, перевод З.Джандосовой)*

*Чтобы отшельники чаши подняли с утренним питьем,
Утренний чанг к дверям пира молебнов ночных принесем.*

*В честь твою в литавры забьем мы на башнях небес,
Любви твоей зная на крышу высоких небес вознесем.*

*Коль будет колючками гнева путь усыпать нам аскет,
В тюрьму из розария-сада награду себе унесем.*

*Не стоит нам грязных лохмотьев и рубищ стыдиться своих,
Когда за искусство и мудрость кудесников имя несем.*

*И коли бездействует сердце, не зная веленья времен,
Как стыдно и горько: за это мы сами расплату несем.*

*Когда ж с небесного свода яростный ливень польет,
От этой напасти мы в винный погреб укрыться пойдём.*

*Доколе в пустыне небытия блуждать?
Может, спросим путь и отправимся в сторону истины.*

*Хафиз, не роняй свое достоинство перед подлецами,
Свои нужды отнесем к высшему судье (Всевышнему).*

*(подстрочный перевод
последних двух двустиший – С.Абдулло)*

Предисловие

Настоящий сборник можно считать продолжением сборника «Иран и его одиночество». Все статьи этого сборника крутятся вокруг одной оси, которую можно обозначить вопросом: «Что делать сегодня?» Представляем ли мы, стоящие на пороге двадцать первого века и несущие обязанность передать Иран следующему поколению, насколько трудная задача стоит перед нами?

В истории Ирана было мало поколений, на которых лежала равная по сложности задача, потому что мы должны найти ответ на вопросы и ожидания, являющиеся особенностью именно этого времени, причем в стране, чрезвычайно уязвимой и с географической, и с исторической точки зрения.

Мы назвали свою книгу «Ирану есть что сказать миру!», потому что теперь, когда наша страна призвала другие страны к «диалогу цивилизаций», сам по себе возникает вопрос: «А что у тебя в дорожной суме, путник?» Конечно, Иран не принимал участия в строительстве нового мира, но его прошлый цивилизационный запас очень велик, и говорить Иран должен, опираясь именно на этот запас. Однако пока Иран молчит об этом и лишь своей политикой и своим поведением показывает, что вполне достоин своей богатой цивилизационной истории и отлично осведомлен о ней.

В статье «Иранская идентичность в исламскую эпоху», по сути, в один кувшин влито целое море. История Ирана до такой степени многозначна и полна событиями, а его культура до такой степени сложна и насыщена, что и нескольких объемных томов не хватит для того, чтобы отобразить ее полностью. А разве скажешь обо всем в одной статье? Так что заранее прошу извинить меня за неизбежные упущения.

Основной смысл статьи «Последнее слово – за человеческой природой» в том, что мы не можем выйти за пределы собственной природы, хотя именно стремление к этому, поиск путей для этого и надежда на это придали такое величие человеческой цивилизации. Мы понимаем это стремление, но не хотим вращать «колесо невозможной

фортуны», ибо кидание кирпичей в море – совершенно бесполезное занятие.

Статья «Куда идет мир?» рассматривает тревожные симптомы, появившиеся в современном мире. В нынешний век торжества науки и техники понимает ли человечество, насколько неосмотрительно опираться целиком и полностью только на разум? Понимает ли оно, что надо оставить определенную роль мудрости?

В другой статье говорится о том, что проблема «молодежи и прогресса» является самой насущной проблемой наших дней. Каждый молодой человек задает себе вопросы: «Кто я? Куда же мне идти?» Ответ даст то поколение, чья очередь наступает, и которое готово занять наше место.

Статья «Тайна и мораль притч» уводит нас в прошлые века. Ибо, хотя мы и живем в эпоху потрясающего прогресса науки, проблемы, стоящие перед человеком, остаются теми же, что и раньше, при этом лишь усугубляясь. Потому что теперь, с помощью разнообразных средств массовой информации, творческий человек способен придать своим шуткам небывалый размах. Грядущий век должен позаботиться о том, чтобы ветер нижеследующего двестишестидесятилетия (бейта) не подул на него:

Ушел раб, чтобы принести пиво.

Пиво прибыло и унесло раба.

Остальные материалы сборника скромно говорят сами за себя, и, вероятно, к ним следует прислушаться, если даже совет окажется подобным «гороху об стенку».

Ирану есть что сказать миру!

Предложение «диалога цивилизаций», выдвинутое по инициативе президента Ирана, вызвало отклик во всем мире, однако результат его сейчас предугадать невозможно. По крайней мере, ожидается, что каждая цивилизация оглянется на саму себя и выяснит, что же именно она сделала для человечества и что готова предложить в будущем.

Безусловно, мир на пороге двадцать первого века и третьего тысячелетия нуждается в такой самопроверке. Двадцатый век, к концу которого подходит человечество, был веком прогресса науки и больших достижений в области индустрии и экономики. Он принес миру колоссальные изменения. Однако наряду с этим произошло нарушение равновесия между культурой и знанием. И если в двадцать первом веке не будут предприняты шаги по восстановлению и упрочению этого равновесия, жителей Земли будут подстерегать большие опасности. Поэтому было бы очень хорошо, если бы мы назвали грядущий век веком «культурного скачка».

Именно культура настаивает на том, чтобы человеческое сообщество не забывало о человеческой природе и поддерживало равновесие между материальным прогрессом, который был за последнее столетие совершенно потрясающим, и духовными потребностями человека, которые оставались без должного внимания. И делать это необходимо решительно и с ясным пониманием цели. А поскольку человечество ищет выход из сложившегося тупика, то следует надеяться на то, что оно, на основании принципа противодействия, свернет с того пути, по которому идет сейчас, и выберет путь, который приведет к скорейшему равновесию и благополучию. Для достижения этой цели нам не остается ничего, кроме того, что можно назвать «мудростью всего мира», и что складывается из совокупности характерных черт и особенностей всех цивилизаций.

Нужно понять, можно ли уменьшить остроту всего того, что в ходе истории служило расколу и разногласиям, и можно ли, наоборот, придать новый импульс всему тому, что служило взаимному сплочению?

Нет сомнения в том, что в наше время уже никто не сможет прожить без помощи науки и техники, и что наука приобрела неограниченный размах, и остановить ее прогресс невозможно. С другой стороны, нельзя противиться основным правилам мироздания. Поэтому третий путь означает не поиски чего-то невозможного, а упорядочение возможного.

Что имеют в виду, когда говорят, что современные средства связи сделали всю Землю «мировой деревней» и чуть ли не создали «мировое правительство»? Отнюдь не то, что все жители Земли должны жить по одному образу и подобию, подчиняясь единому порядку. Скорее, эти слова подразумевают, что идеи и взгляды, пропагандировавшие разделение народов, будут постепенно сглаживаться, а наличие у всех людей общих потребностей будет способствовать тому, что они постараются, чтобы к их общим потребностям относились с уважением. Следующий вопрос заключается в том, какую же роль во всем этом может сыграть Иран. То, что инициатива начала «диалога цивилизаций» принадлежит ему, оказывается как нельзя кстати. Как говорил Бейхаки, «стрела попала в мишень». Не думаю, что можно найти другую страну, которая больше, чем Иран подходила бы для разработки этой идеологии.

И причины этого следующие:

- во-первых, географическое положение Ирана таково, что с самых давних времен он находился под влиянием самых разных цивилизаций и вел с разными странами культурный обмен;
- во-вторых, благодаря этому особому географическому положению, через территорию Ирана осуществлялась связь между Востоком и Западом, Севером и Югом;
- в-третьих, на территории самого Ирана возникла одна из древнейших и деятельнейших цивилизаций, нить которой не прервалась до сих пор;
- в-четвертых, в эпоху Ахеменидов Иран создал первую в мире империю и до определенной степени был одержим идеей мирового господства (что нашло отражение не только в политике страны, но и в иранской философии);

- в-пятых, в исламскую эпоху на смену политической империи пришла империя культурная, простиравшаяся от ворот Китая до Средиземного моря, и от полуострова Индостан до юга России. И на этом культурном пространстве было создано одно из величайших произведений человеческой мысли и литературы.

«Диалог цивилизаций» означает, что на «ярмарке» цивилизаций каждый может предложить свой товар. А что означает само слово «цивилизация»? Накопление и кристаллизацию мыслей, идей, опыта и достижений определенного народа с древнейших времен до нашего времени. Поэтому срок существования цивилизации равен сроку существования нации. Предложенный диалог следует понимать не как самовосхваление и демонстрацию превосходства одной цивилизации над другими, а как необходимую меру на пути решения проблем, стоящих перед всем человечеством.

Чтобы понять, что же может предложить на этой всемирной ярмарке Иран, сделаем конспективный обзор его цивилизационного пути.

Прежде всего, необходимо будет задать вопрос: могут ли цивилизации древности по-прежнему служить путеводной звездой для полного волнений и совершенно изменившегося мира? Или же они являются просто украшением истории и музейным экспонатом?

Что могут нам дать цивилизации древности?

За несколько десятков тысяч лет существования человека его природа, в общем и целом, не изменилась, а накопление самого разного опыта и разных поворотов судьбы превратило цивилизацию в подобие реки, берущей начало из какого-то родника, расположенного высоко в горах и несущей свои воды прямо до нашего времени. Постоянство «реки истории» вынуждает нас думать о ней, как о чем-то цельном. Помимо этого, существуют «исторические гены», порожденные событиями, случившимися в жизни каждой нации, причем событиями, как позитивными, так и негативными, и некоторые обстоятельства сегодняшнего дня и кое-что из того, что ждет нас завтра, определяются ими, а это значит, что их тоже

необходимо учитывать. В те времена, когда наши далекие предки жили гораздо проще и думали гораздо проще, чем мы, жизнь представлялась им гораздо более ясной, и они проявляли свои глубинные потребности гораздо более естественным способом. Поэтому все то, что просочилось к нам от них, в более легкой форме знакомит нас с внутренней, глубинной стороной жизни. Возьмем, например, мифы, и посмотрим, насколько они наполнены смыслом. Древняя литература и искусство по-прежнему обладают высочайшей степенью воздействия, и в том случае, если они лежат в основе любого более позднего достижения, в науке или в художественном творчестве, они делают это достижение более качественным.

Причина этого в том, что любой изобретатель и любая творческая личность обладают неким «внутренним посылом», который слово и искусство древности умел передать самым непосредственным образом.

Посмотрите на древнеегипетскую статую, созданную четыре тысячи лет назад. Разве она не говорит с вами более живым языком, чем любое произведение современного искусства? Снимите и отбросьте в сторону оболочку политики, и вы увидите, что вся новая поэзия Ирана, Афганистана и Таджикистана, вместе взятая, не может сравниться с одной газелью Саади или Хафиза. Я имею в виду звучание, мелодичность, силу «цепляния» и силу воздействия. И вы увидите, сколько по-настоящему стоящих стихотворений среди всей этой новой поэзии.

Всякой цивилизации присуще нечто существенное, что остается неизменным, пока человек остается человеком, ибо связано с постоянной душой человечества. Все наносное уходит, остается лишь жемчуг. И каждое поколение, если у него есть на это способности, должно знать, как отделить одно от другого. Университеты и научно-исследовательские центры существуют для этого — то есть для того, чтобы поставить вчерашнее на службу сегодняшнему.

Человек не может вернуть себе молодость, но для нации в этом нет ничего невозможного, ибо источник силы обновления в том, что через произведения прошлого можно осуществлять связь между поколениями. Нужно, чтобы у нации была такая жизненная основа, которая способна в самой

себе находить эликсир обновления. Обновление не означает уход за пределы исторического существования. Оно означает согласование с потребностью времени. Постоянно оставаться собой и постоянно меняться ¹. Двадцать первый век должен заняться поиском сущности каждой цивилизации, чтобы можно было лучше понять новую цивилизацию, как ее большую часть, которой надо гордиться, так и ее недостатки, которые надо исправить. История цивилизаций уже, в основном, написана. И много написано хвалебных слов в их адрес. Теперь пора браться за дело. Распространенное в двадцатом веке представление о том, что экономика может решить все проблемы, в значительной степени оказалось несостоятельным. Человечество было подобно птице, пытавшейся взлететь с одним крылом. Отныне наша задача заключается в том, чтобы дать ему второе крыло.

Перейдем к следующей теме. Что ценного дал Иран миру на протяжении своей долгой истории? Разделим эту историю на два этапа: доисламский и исламский.

Доисламский период

Страна сияющего солнца и чистого неба, расположенная в самом центре Земли, принимающая мало осадков.

Посмотрим, как отразилась на иранцах каждая из этих географических особенностей.

- Поскольку в Иране всегда ярко светит солнце, «правитель-Солнце» и «Мехр» (Митра) заняли особое место в религиозных представлениях иранцев;

- чистое небо сделало внутренний мир иранцев бесконечно глубоким;

¹ Характерным примером являются скандинавские страны, основное население которых составляют потомки древних викингов. Еще пятьсот лет назад они были разбросаны и скитались по всему свету, промышляя морским разбоем. Но после того как они осели в лесистой, болотистой, темной, холодной и обдуваемой всеми ветрами стране, они смогли своим трудолюбием, умением и силой воли создать современную Скандинавию, которая в наши дни является одним из самых обжитых, красивых и цивилизованных уголков мира.

- вечное ожидание дождя заставляло иранцев постоянно поднимать голову к небу;

- расположение «посередине мира» сделало эту страну эпицентром разных исторических событий и вынудило ее постоянно защищать себя перед лицом близкой и далекой опасности.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что иранцы с самого начала стали поклоняться Солнцу, и что именно в иранской среде родилось учение Заратуштры (Зороастра), первым выдвинувшее идею единобожия. В то время, когда во всех мировых цивилизациях (Вавилон, Ассирия, Египет, Китай, Индия, Греция...) царило многобожие, и люди поклонялись различным антропоморфным божествам, именно из Ирана раздался призыв к поклонению единому незримому Богу. Не следует забывать об исключительной важности этого события.

Здесь, однако, возможен встречный вопрос: «А кто же тогда Ахриман?»

Ахриман, противник Ахура-Мазды, явился для того, чтобы направлять все то зло, что существует в мире. Но так как он, в конце концов, оказывается побежденным, его никак нельзя считать равным Богу. Дуализм хорошего и плохого божеств, дуализм Света и Тьмы, присущий зороастризму, приводит к тому, что каждый верующий человек остается деятельной и старательной личностью, стремящейся своими добрыми деяниями приблизить победу Ахура-Мазды над Ахриманом, ибо, как обещано, это когда-нибудь обязательно произойдет. Зороастрийская идея единобожия оказала влияние на иудаизм, а иранское поклонение божественному сиянию – на мировоззрение Платона. В целом, обращение к свету истины стало основополагающей осью нескольких религиозных учений и школ, и всем хорошо известно, какого размаха митраизм достиг во всем мире.

Философия древних иранцев, как мировоззрение, опирающееся на чувства и сердце человека, не препятствовала тому, чтобы Ахура-Мазда, Бог Заратуштры, оказался также «Богом Мудрости». В древнем Иране старались не отделять божественную мудрость от божественного сияния, однако в последующие эпохи они отдалились друг от друга.

Зороастрийское мировоззрение основано на борьбе Добра и Зла, которая делит людей на армию Ахуры и армию Ахримана. Поэтому задача всякого истинно верующего человека состоит в том, чтобы вступить в армию Ахуры и тем приблизить разгром Ахримана и наступление конечного Спасения. Все нечистое, что существует в жизни – болезнь, война, грязь, грубость и лицемерие, – находится в ведении Ахримана. Война присутствует в маздаизме, но только как война оборонительная. Вообще же, из-за своего географического положения, а именно, нахождения в центре тогдашнего мира, а также по причине наличия плохих соседей, Иран постоянно должен был либо обороняться, либо ожидать нападения. Вторжения извне никогда не оставляли Иран в покое. Эти войны иранцы считали борьбой между Добром и Злом, и это нашло свое отражение в «Шахнаме». Война между Ираном и Тураном стала восприниматься как борьба идей. До этого Фаридун и Кавэ воевали с Заххаком. Важно, что Фаридун был представителем высшего класса, а Кавэ – низшего: это означает, что в борьбе со Злом должны участвовать все.

По всем дастанам «Шахнаме» красной нитью проходит мысль о борьбе Добра со Злом. Но в этой борьбе поведение иранцев по отношению к врагу никогда не выходит за рамки принятых в человеческом обществе правил. В качестве примера приведем такой эпизод:

Туранцы, обрушившие на головы иранцев бедствия и несчастья, в конце концов, терпят решающее поражение. Пленных и трофеи доставляют к престарелому шаху Кавусу. Притом, что Кавус в «Шахнаме» показан вовсе не милосердным правителем, он поступает так:

*На этих дочерей великого Афрасиаба
Посмотрел Кавус и прослезился.*

*В шахские покои их поместил,
Сразу же приставил к ним слуг*

*И каждому из пленников и заложников
определил его место по достоинству
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

А все военные трофеи распределил между бедными:

*Из тех богатств, все, что там было,
И динары, и драгоценные жемчуга*

*Разделил между бедными, чтобы
Они восхваляли иранского царя
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Так же ведет себя и Кей-Хосров с родственниками Афрасиаба:

*Из его родичей никого не обидел шах,
Поскольку это было достойно его престола
(перевод – З.Джандосовой)*

Некоторые из командующих его войска упрекали государя за такое мягкое обращение с семьей, причинившей ему столько зла. На это Кей-Хосров ответил так:

*О том, что произошло, весть
Быстро дошла до Кей-Хосрова*

*Он отправил человека за мудрецами,
Сказал им много назиданий*

*Ибо не всегда следует проявлять гнев,
Неразумную голову восхвалять не нужно*

*Пусть рядом будут ненависть и справедливость,
И когда мы победили, то мы должны творить добро*

*Ибо добро останется в этом мире,
Ибо в этом мире никто не вечен
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Воздержание от загрязнения среды обитания

Сегодня охрана окружающей среды является одной из самых насущных проблем, однако предупреждение об этом последовало еще три тысячи лет назад. Ибо мы знаем, что, согласно зороастрийскому учению, следует воздерживаться от загрязнения трех элементов: воды, воздуха и земли, ибо они кормят и обеспечивают человека и все живое. Воздержание от причинения вреда животным также является одним из первейших постулатов этого учения. Радость и благоденствие, труд и очищение тоже ведут к ускорению победы над Ахриманом.

С друзьями – снисходительность, с врагами – сдержанность

В древности обращение с побежденным врагом сопровождалось массовой резней, пытками, взятием в плен и грабежом (чему, впрочем, и до самого последнего времени было немало примеров). Куруш Великий, основатель династии Ахеменидов, внес изменения в этот обычай. Он внес в отношение победителя к побежденному известную гуманность.

Об этом свидетельствуют и тексты древнегреческих писателей, отнюдь не симпатизировавших иранцам, и соответствующие упоминания в Торе. Примеров такого обращения с побежденными в истории слишком мало, чтобы наши современники оставались о них в неведении.

Продолжительность истории Ирана

Другой призыв, скрытый в доисламской истории Ирана, заключается в том, что Иран на протяжении более тысячи лет оставался одной из двух ведущих держав мира. Ахемениды правили двести тридцать восемь лет, Аршакиды – четыреста семьдесят шесть лет и Сасаниды – четыреста двадцать восемь лет. Конечно, любая правящая династия когда-нибудь да слабеет и сходит с исторической сцены, и с этими династиями произошло подобное. Их история подтверждает принцип: «Для

государства не так страшно безбожие, как тирания». Если бы они не обладали могучей жизненной силой, они бы не смогли так долго оставаться у власти и управлять половиной известного в то время мира.

Рассматривая события прошедших двух с половиной тысяч лет, необходимо как бы поместить историю и цивилизацию в сосуд той эпохи, взвесить все «за» и «против», тщательно перебрать ее слабые и сильные стороны, сравнить с другими странами того времени. И если рассмотреть древнюю иранскую цивилизацию с такой степенью взвешенности, то станет ясно, что, в общем и целом, доисламская цивилизация Ирана была цивилизацией, которой можно гордиться. Если она отличалась от западной цивилизации того времени, то есть от Древней Греции и Древнего Рима, то лишь потому, что условия жизни в этой части Земли были совсем иными. Если она дала меньшее развитие философской мысли, чем Греция, то лишь потому, что находилась в небезопасном месте, на пути с Запада на Восток, и вынуждена была тратить силы на управление значительной частью мира. И хотя от нее осталось меньше архитектурных памятников, чем от Древнего Рима, зато она лучше сохранила связь с тем, что является духовным измерением жизни: в Иране не было ни Калигулы, ни Нерона, ни рабства, ни боев между гладиаторами и дикими животными.

Почему Иран остался Ираном?

Это вопрос, который задают все, кто знакомится с историей Ирана, – как сами иранцы, так и иностранцы. После того как арабы захватили эту страну, почему только иранцы остались иранцами, а остальные народы растворились в арабском море? В том числе, например, Египет – страна с очень древней цивилизацией, одной из двух, наряду с шумерской, древнейших цивилизаций мира. Вопрос этот – «Почему Иран остался Ираном?» – задал мне некоторое время назад один голландский арабист, профессор арабского языка и истории Лейденского университета. Отвечать на этот вопрос можно долго и подробно, но для понимания сути достаточно и вполне краткого ответа. Дело в том, что с принятием ислама у иранцев

не произошло коренных изменений в некоторых важных областях духовной жизни. Вера в единого Бога осталась на месте, а на место Ахримана встал Иблис. Храм огня превратился в мечеть. Изменились лишь молитвы, да и то в некоторых местах намаз читался по-персидски. Древние имена и названия тоже кое-где сохранились, да и такие древние обычаи, как Навруз, Саддэ, Мехреган, сохранились в неприкосновенности. Стиль сасанидской архитектуры не изменился. Барбедовская и накисайская музыка также оставили свой след. Память о древнем Иране была сохранена. Народные поэты воспевали славное прошлое. Короче говоря, «иранскость» свила себе гнездо в самой глубине иранского духа и с появлением новой религии не претерпела изменений.

А через некоторое время появился персидский язык (дари), на котором вскоре была создана «Книга царей» – «Шахнаме», которая является свидетельством самобытной иранской идентичности и подтверждением ее жизнеспособности. Иран прошлого соединился с Ираном исламской эпохи².

Обо всем этом уже говорилось не раз, и повторение этого является в некоторой степени напоминанием, но все же нет

² Переход доисламской иранской культуры в последующую эпоху изучен достаточно подробно. Можно обратиться к авторитетному исследованию г-на доктора Мохаммада Мохаммади Молайери под названием «История культуры Ирана» (Издательства «Йаздан» и «Тус»).

Гранды персидской литературы ни на миг не забывали о том, что было в иранской древности. Ясность и любовь внешнего мира переходят во внутреннюю ясность иранской мистики исламского периода. Хафиз является выдающимся примером этого перехода. Сверкание вина в чаше заменяет сверкание Солнца:

*«Подобно Солнцу восходит вино на востоке пиалы.
На поле щек виночерпия восходят тысячи маков».*

*«Солнце вина взошло на востоке чаши.
Если ищешь средство для наслаждения, оставь сон».*

*«Виночерпий, держи лампу вина на пути Солнца
И скажи: да возгорится от нее светильник рассвета»*

Хафиз

ничего плохого в том, чтобы мы знали, почему именно это произошло.

Для сохранения своей национальной жизни иранцы последовали за своей культурой, сделав культуру заменителем политического господства, способом решения стоявшей перед ними проблемы сохранения своей идентичности.

А вот Египет, несмотря на три тысячи лет предшествующей истории, с приходом ислама не сохранил ничего из цивилизации эпохи фараонов. Все эти три тысячи лет истории превратились в подобие накрепко закрытого сундука. Если бы в девятнадцатом веке Наполеон не отправился на его поиски, вполне вероятно, что в самое ближайшее время той эпохе уже не стали бы придавать такое значение, которое она заслуживала.

Разницу следует искать в разнице между двумя цивилизациями – египетской и иранской, и между египетским и иранским моральным состоянием.

Тип цивилизации, существовавшей в Древнем Египте при фараонах, не мог сохраниться при смене религии. Во-первых, потому что различие между религией фараонов и исламом очень большое. А во-вторых, людей в Древнем Египте спланивало именно религиозное, а не национальное чувство. И когда стало ясно, что религия должна уйти, возможностей для сохранения древнеегипетской цивилизации не осталось. Египтяне поклонялись множеству богов, и их многобожие не могло ни коим образом ужиться с исламом. Поклонение некоторым животным таким, как собака, шакал, орел, гриф, а также навозный жук и бык, поклонение таким божествам, как Рут и Хасур (корова), Тут (божество письма), Амулис (бог мумий), Ра (солнце), Озирис и другим, каждый из которых представлял собой один элемент природы, превращало мир религиозных представлений египтян в некое подобие зоопарка.

Фараон, будучи человеком, считался представителем Неба на земле, божественным созданием, достойным всеобщего поклонения. Помимо всего этого, древнеегипетская цивили-

лизация была цивилизацией смерти, а не жизни. Все помыслы человека были связаны с загробным миром. Все, что люди делали в этом мире, даже благоустройство и строительство, было нацелено на загробный мир. Долговечность и покой они искали только там. Они строили пирамиды для того, чтобы хоронить в них фараонов и снабжали их всем необходимым для того, чтобы в загробном мире они могли продолжать жить так же, как жили в мире этом. Во время захоронения клали рядом с погребенным фараоном продукты питания и необходимую утварь, которая, по их представлению, могла понадобиться фараону в другом мире, а также ставили статуэтки слуг, которые, по их представлениям, должны будут прислуживать фараону в другом мире.

Само искусство изготовления мумий служило тому, чтобы тело сохраняло свою форму и таким образом могло существовать в загробном мире. Фараон и в загробном мире должен был править и во всем заступаться за своих подданных, чтобы им там было легко. Искусство, литература, архитектура и все повседневные занятия людей служили смерти, которая позволяла заменить кратковременное бренное существование вечной загробной жизнью.

Мы видим поэтому, что приход ислама не оставил ничего от прежней цивилизации Египта (конечно, часть ее была уже уничтожена христианами). Даже название страны сменилось, и страна получила арабское название Миср (Меср) вместо древнего Кимийат, означавшего «черная земля». Все топонимы и антропонимы были заменены арабскими. Подытожим же различия в цивилизационной сущности Ирана и Египта:

1 – Египет: страна черных подземелий. Иран: страна света, солнца и огня.

2 – Египет: страна множества смертных богов. Иран: страна незримого вечного Бога.

3 – Египет: Все служат смерти. Иран: все свидетельствует о жизни: старание и труд во имя победы над Ахриманом.

4 – Египет: ожидание радости в загробном мире. Иран: стремление к радости от жизни в этом мире³ (надписи Дария)

5 – Египет: пирамиды. Иран: дворец Тахт-е Джамшид, олицетворяющий идею мирового господства, господства над несколькими странами и народами.

6 – Египет: мумифицирование тел усопших с целью сохранения их для загробной жизни. Иран: уничтожение трупов с целью сохранения чистоты земли, воды и воздуха.

Жизнелюбие иранской цивилизации стало причиной ее долговечности, а ненависть к жизни древнеегипетской цивилизации погубила ее, поставив вместо нее более жизнеспособную цивилизацию.

Исламская эпоха

Что можно сказать об иранской цивилизации в эпоху, последовавшую после принятия ислама? Переход иранцев от одной религии к другой был великим событием, однако произошел в удивительно короткие сроки. Пришлось начать жизнь сначала. После падения Сасанидов границы открылись, и крепостная стена классового противостояния рухнула. Таланты и дарования получили свободу, все классы общества смешались между собой, и произошло смешение национальностей. В результате возникла культура гармоничная, кипучая, ищущая и способная себя защитить.

Поскольку другого общего для всех языка в то время не было, иранские мыслители использовали арабский язык и сделали так, чтобы одна из наций на Востоке сохранилась. Для этого они заменили политическую империю культурной. Во всех областях знания и науки стали применяться арабский язык и письменность, и здесь в самовыражении иранцы опередили другие народы, и в том числе первенствовали над самими арабами.

³ В своей надписи Дарий упоминает Ахура-Мазду как Бога, сотворившего для своего народа радость. Жизнерадостность была характерна для жизни иранцев в доисламскую эпоху, что нашло отражение в «Шахнаме» в изображении образа жизни иранцев в эпоху Бахрама Гура. Очевидно, что стихи Омара Хайяма (или стихи в стиле Хайяма) хранят искры гедонизма того времени.

С помощью иранцев арабский язык стал языком науки того времени. Но нельзя было на этом останавливаться. Иранская цивилизация ранней исламской эпохи должна была сделать своим новоперсидский язык (дари) и благодаря этому стать полностью самостоятельной.

С появлением новоперсидского языка (дари) иранская цивилизация явила собой поразительное сочетание, в котором проявляются гибкость, мягкость, резкость, разлука, страсть, ожидание, рвение, самопожертвование, созидание и, наконец, любовь, а также другие качества, говорящие о беспокойной природе, пытливости иранцев и их настроенности на постоянный поиск. Все эти усилия иранцев были направлены на то, чтобы не уйти с исторической арены и не стать второстепенной нацией. Очень важной задачей было написание истории. В то же время превратности судьбы не позволили иранцам должным образом проявить себя в науке и логике. Такие личности, как Рази, Фараби, Бируни и Ибн Сина, провели несколько атак и сошли с арены битвы, после чего никто не пришел им на замену. И эту ношу пришлось взвалить себе на плечи взволнованной речи и полной воображения мысли: за дело взялись литература и поэзия. С этого времени сознание иранцев, в прежние времена склонное больше к философии, стало литературным. Полное печали веселье поэзии эпохи Саманидов отражает духовное состояние иранцев того времени. Но это продолжалось недолго. Течение истории определяло повороты мысли этого народа. С приходом тюрок – Газневидов и Сельджукидов – основными темами поэзии стали прославление правителей и наслаждение жизнью. Наступило время регресса в мыслительной жизни иранцев, продолжавшегося до тех пор, пока на спасение духовной жизни иранцев не пришло мистическое познание Бога. Персидский язык стал языком иносказания и тайнописи.

Исключительное положение занимает в этом контексте «Шахнаме». Это произведение воспекает силу упругости народа в эпоху его наибольшего могущества. Это был последний разумный призыв, повествование о судьбе народа, прочно стоящего на земле, но при этом не оторванного и от Неба.

«Шахнаме» громко провозгласила желание иранской нации «быть и остаться». Но, поскольку эпоха героев-богатырей подошла к концу, «Шахнаме» передала знамя в руки иранского мистицизма.

Мистицизм открыл окно в космос

Своего высшего выражения иранская мысль достигла в мистических сочинениях. Поскольку она не смогла сделать так, чтобы окружающий мир принял приемлемую для нее форму, она постаралась создать для себя такой приемлемый мир. Мир, озабоченный не бранным телом, а парящей мыслью. Этот удивительный мир, устранивший все границы. Мир, в котором обрушились все стены, и где во всю свою бесконечную ширь воссиял «зеленый сад любви», в котором царили равенство и согласие.

Да будет благословен пир любви, ибо там

Нет различия между нищим и царем.

(подстрочный перевод – С.Абдулло)

Когда на земле все двери оказались запертыми, необходимо было открыть дверь, ведущую к Небу. В то же время человек никогда не может полностью оторвать себя от земли. Это его ноша. На глубоком уровне мистическое учение служит и для очищения этого, земного, бытия, потому что устраняется от упования на получение воздаяния в другом мире. Рабиэ Аддавиэ говорила: «Хочу в одной руке держать воду, а в другой – огонь, чтобы огонь бросить в рай, а водой залить ад». Она имела в виду, что человек хочет совершать добро ради добра, в качестве подтверждения своей человеческой значимости, а вовсе не из страха перед адом и желания попасть в рай.

Мистицизм можно считать учением противодействия. Он появился в политических и социальных обстоятельствах эпохи, характеризующейся господством идеологии корыстолюбия и мирского благополучия, из которой вытекали междоусобные войны, фанатизм, кровопролитие, карьеризм, алчность, лицемерие, продажность... Мистицизм претендовал на то, чтобы человек, не ослабляя поводов, смог освободиться от сдерживающих его цепей и кандалов.

Религию в то время толковали и использовали как угодно. Мистицизм поставил вопрос: если правители, полицейские надзиратели, традиционное духовенство, проповедники и богатеи действуют в соответствии с требованиями религии, как они утверждают, то почему тогда существуют несправедливость, дискриминация, неравенство?

Короче говоря, с точки зрения мистицизма, необходимо было взять орех сознания и снять с него скорлупу. Неверное понимание и использование происходило оттого, что задействовали скорлупу, а не сердцевину. Основной упор был сделан на отказ от «эгоизма», единственной целью которого было удовлетворение плотских желаний человека.

Конечно, отказ от «эгоизма» и пренебрежение естественными потребностями человека были не очень гуманным делом, но мистицизм говорил о заветной цели, достичь которой смогут лишь немногие. Практически упование было на то, что удастся обуздать желания или, по крайней мере, добиться того, чтобы их осуществление не причиняло вреда другим.

Человек не может отказаться от своей человеческой природы, но может достичь смягчения и уравнивания. Если согласиться с тем, что человек – это свободная личность (а Абу Саид Абулхайр говорил: «Бог создал тебя свободным, так будь свободным!»), то следует задать вопрос: Что такое свобода? С точки зрения мистического знания, свобода обретается тогда, когда человек обуздывает свои желания. Именно тогда человек сбрасывает с себя оковы и обретает внутреннюю свободу.

Если мы опустимся на глубину мистического знания, то сможем увидеть, что все желания делятся на две группы. Первая группа – это желания, относящиеся к самой сути человека, такие желания, на которые нельзя закрыть глаза. Ко второй группе относятся желания, берущие начало из человеческой алчности. Их-то и следует подавлять.

Попробуем объяснить, что такое желания первой группы. Возьмем, например, красоту. Разве можно закрывать на нее глаза и считать ее чем-то, неотличимым от уродства? Никогда. Влечение к красоте является желанием, изначально присущим

человеку. Оно до такой степени глубоко, что иногда даже другие живые существа разделяют его с человеком. Конечно, притяжение красоты более волнительно, чем постоянное пребывание в круге правил шариата и обычного права. Однако игнорирование или отрицание красоты лишает человека человечности. А что опаснее: лишиться человечности или закрыть глаза на красоту? Но если кто-нибудь в своем стремлении к красоте опустится до совершения преступления или проявит подлость, его следует признать грешником.

Мистическое знание является лучшим посредником между человеком и красотой. Оно приводит различные толкования, объясняющие приемлемость красоты. Самое основное из них заключается в том, что красота связывает тело с незримой красотой духа. В ней всегда есть тайная искра, которая исходит из сокровенного мира. Другое объяснение заключается в том, что «Бог прекрасен и любит все прекрасное». Еще одно объяснение такое: «Кого Бог любит, того он создает красивым», то есть красота является признаком божественной милости. В некотором смысле красота связана и с Добром. Согласно зороастрийским представлениям, на мосту Чинват (соответствующему исламскому Сират) воплощение дел добродетельного человека встречает его в образе красивой девушки. И, наоборот, воплощением злодеяний грешника злодея является уродливая старуха.

Красотой можно даже смыть грех. В дастане, входящем в приписываемую Хайяму «Навруз-наме», об этом очень выразительно сказано.

Абдулла Тахир, один из тахиридских эмиров, приказывает заковать в кандалы одного из своих военачальников, совершивших какое-то преступление. Многие просят помиловать его, но заступничество не действует. А у этого военачальника была очень красивая служанка. И вот однажды эта служанка прикрыла лицо покрывалом и, отправившись к Абдулле Тахиру, попросила освободить своего хозяина. Эмир говорит: «О, служанка! Грех твоего господина больше того, что сможет добиться его прощения». Служанка ответила: «Заступник мой перед тобой так велик, что ему нельзя отказать». Эмир говорит: «Что это за заступник такой,

которому отказать нельзя?» Служанка снимает с лица покрывало и говорит: «Вот мой заступник!» Абдулла Тахир с улыбкой говорит: «Воистину велик заступник, которого ты привела с собой, и воистину драгоценна твоя просьба!», освобождает военачальника и жалует ему халат.

В предисловии к этому рассказу автор «Навруз-наме» справедливо говорит: «Красивое лицо знающие люди считают хорошей приметой». Он сравнивает красивое лицо со счастливым сочетанием звезд и говорит: «От красивого лица рождается такая радость, с какой никакая другая радость не может сравниться». Красивое лицо делает «день удачным для созерцающего» его, делает «наслаждение приятным», открывает путь «благородству и великодушию», увеличивает «богатство и высокое положение». «Говорят, что красивое лицо делает старого молодым», и поэтому красоту называют «пустыней веселья, садом любви, украшением создания и признаком рая».

И в мистической литературе, как с помощью разных иносказаний, так и весьма откровенно, прославляется телесная красота. Однако вызывает сожаление то, что красота преходяща и имеет свойство увядания. Поэтому мистическое знание выступает за все восхитительное, что дозволено шариатом. Музыка и пение в обществе мистиков, величайшим из которых является Джалаладдин Мавлави, занимают высокое место. Диван Хафиза воистину является «музыкой в слове». Как говорится в этом бейте:

*Раз под рукой прекрасный руд
Сыграй музыкант приятную мелодию*

*Чтобы мы плясали и пели,
От радости теряя голову*

(подстрочный перевод – С.Абдулло)

В их обществе музыка и пение позволяют уменьшить тяжесть телесного бремени и увеличить духовное измерение. Иранский мистицизм является результатом искажения веры, а также отчаяния и утраты надежды на торжество истины и установление справедливости в обществе, появившиеся вследствие союза трех сил того времени: властителя, знатока шариата и корыстолюбца.

В любом случае, с распространением мистицизма, иранская литература выходит из затруднительного положения и начинает получать всеобщее одобрение, потому что в первые века ислама поэты были ограничены кругом тем, включавшим чрезмерное описание природы, восхваление правителей или описание возлюбленных.

Появление мистицизма вывело литературу из этого тупика. С приходом мистицизма страдавший и усталый, но в то же время стойкий и ищущий иранский дух обрел более широкие горизонты. В тех трудных условиях ему нельзя было найти более удобного убежища, чем суфийская мысль.

Обсудим другой важный вопрос. Как мы сегодня относимся к мистицизму? Мистицизм является одним из отростков на древе истории Ирана, и его самые глубокие корни нисходят к Авесте. Оттуда ток его поднимается к сасанидской литературе и «Шахнаме», и, наконец, обретает мощь и широкие горизонты в исламскую эпоху.

Если мы говорим о мистицизме как о важнейшем мыслительном и литературном явлении Ирана, то это не означает ни того, что сегодня мы желаем построить свое мировоззрение на мистическом учении, ни того, что это в принципе возможно.

Однако иранский мистицизм является ценным капиталом по двум причинам. Во-первых, большую часть исторических побед Ирана можно вывести только из него, потому что традиционная письменная история никогда их не фиксировала. Во-вторых, в иранском мистицизме скрыто несколько принципов, относящихся к высоким человеческим идеалам, которые применимы в любую эпоху, то есть, разумеется, и теперь, когда мир находится в смятенном состоянии, превосходящем все кризисы, случавшиеся в прошлом.

Конечно, следует честно отделять чистую воду от осадка и отвергать негативные и несовместимые с жизнью учения. В каждой религии и религиозной школе были люди, которые старались привести ее к упадку и дискредитировать ее. Суфизм тоже не избежал подобного посягательства. Хафиз говорил:

*Суфий расставил силки и открыл кошель,
Начал жульничать с Небом-мошенником*

*Игра судьба разобьет яйца в его шапке (т.е. опозорит)
Ибо мошенник представился истинным суфием*

(подстрочный перевод - С.Абдулло)

Мистическая мысль может оказаться полезной, по меньшей мере, в двух областях. Во-первых, в создании равновесия между потребностями материальными и потребностями духовными. Положение в настоящее время таково, что человек тратит большую часть своих усилий на удовлетворение своих материальных потребностей. Работа, получение денег и трата денег стали тремя столпами западной цивилизации, и это отношение получило распространение и в отстающих или, как их еще называют, «развивающихся» странах. Приправа мистицизма, в том случае, если не будет никаких отклонений и излишеств, может внести равновесие в соотношение материальных и духовных устремлений. В противном случае жизнь станет сухой и бессодержательной. Легковесные телевизионные передачи предназначены для заполнения этой душевной пустоты, и если все будет продолжаться в том же духе, как и сейчас, люди привыкнут к уродству, грубости и пошлости.

Во-вторых, мистицизм может выступить как противовес фанатизма, представляющего собой политическую крайность, в том числе и в форме религии. Такого фанатизма, который имел место в Афганистане и в Алжире. Если что-то и может встать преградой на пути атеизма и фанатизма, то это иллюзия мистицизма. Этот постулат следует воспринять со всей серьезностью. Сегодня атеизм и фанатизм воюют друг с другом. Результатом их противостояния будут социальный взрыв и паралич экономики.

Гедонизм и нищета

Другим признаком отклонения, являющимся характерной особенностью негармоничного общества, является роскошная и разгульная жизнь одних людей и, напротив, крайняя бедность и нищета других.

С одной стороны, для некоторых людей жизнь является горестной, скорбной и вызывающей мысли о смерти. С другой стороны получил распространение бесплодный гедонистический разгул. Обе эти печальные тенденции в известной степени придают жизни изъян.

Наслаждение жизнью является естественным правом человека. Хафиз является выдающимся представителем сразу двух направлений мысли: мистического и хайямовского, и тем самым связывает землю и Небо. Положение человека таково, что ни земля не может перестать нуждаться в Небе (ибо тогда человек превратится в тело, лишенное духа), ни Небо – в земле (ибо в этом случае потребности тела будут растоптаны гнетом невежества). Хайямовская философия не является призывом к разгулу и разврату. Она является приглашением к размышлению. Человек должен понимать сущность жизни и не забывать о ценности каждого ее мгновения.

Искусство жить – это тонкое искусство

Искусство жить – это очень тонкое искусство. До сих пор человек далек от окончательного решения всех своих проблем. За последние двести лет, с тех самых пор, как Запад вступил в индустриальную стадию, у людей появились новые стандарты жизни. Возникло представление о том, что с помощью промышленной техники можно достичь вечного благосостояния. По сути, это было представление о том, что, наконец, найден ключ к всеобщему счастью. А вскоре появился марксизм с его убеждением в том, что на основе этого учения можно будет решить все проблемы, стоящие перед человечеством.

И та, и другая философии потерпели крах, потому что учитывали лишь одну сторону жизни. Перед нашими глазами стоит пример того, как марксизм и в России, и в Китае поспешил возвратиться на иной путь. Что касается западного

мира, то и он, несмотря на материальное благоденствие и весь внешний блеск, подобного которому человечество еще никогда и нигде не достигало, не смог дать окончательный ответ населяющим его людям. Огромное число людей в восточных странах и в других уголках Земли надеются и уповают на то, что когда-нибудь смогут заполучить эликсир западного прогресса. Однако прогресс не является синонимом счастья, доказательством чего можно считать то, что само население Запада далеко от чувства удовлетворения, восторгов и ликования. Материального освобождения недостаточно для освобождения всего человеческого существа.

Приведем в качестве примера скандинавские страны. В настоящее время это самые благополучные в материальном отношении страны мира, но чего им недостает, так это тепла и радости жизни. Там все есть, кроме одного – того, что согревает и улаживает душу, и чему нельзя дать определение, что можно назвать просто «состоянием».

Например, в настоящее время около пятидесяти тысяч эмигрантов из Ирана проживают в Швеции, а семь тысяч – в Дании. И можно сказать, что почти у всех у них жизнь вполне благополучна. Некоторые из этих иранцев происходят из сельской местности, и им пришлось сразу окунуться в жизнь наиболее развитого на сегодняшний день общества. Другие приехали туда из задымленного, грубого Тегерана, в котором так много всего того, что способно вызвать у человека раздражение, и оказались в тишайших на Земле городах. Так вот, при всем при этом, лица их обращены в сторону родины, и они живут, мучимые ностальгией. Они пребывают в состоянии «нерадостного благополучия», они подобны дереву, не желающему остаток дней провести в кадке. Кадка – место, может, и неплохое, но в ней не хватает почвы, в которую можно пустить корни. Если бы можно было представить себе земной рай, то образцом его были бы скандинавские страны, однако, к сожалению, в душе каждого смертного есть нечто такое и при этом очень существенное, что делает его неготовым к пользованию благами земного рая.

Еще один тип представляет собой ситуация, сложившаяся в странах так называемого «третьего мира». Она столь

хорошо известна, что нет нужды пояснять ее. Так если не то и не это, что же тогда следует делать?

В прошлом не было современных средств связи, позволяющих мыслям и идеям путешествовать и добираться до всех и каждого. Теперь путешествие мысли актуально как никогда. Теперь нельзя не знать друг о друге, нельзя не говорить друг с другом.

Из соприкосновения и накопления идей возникает мировоззрение, которое, в конце концов, примет форму «мирового требования». Требования и претензии заразны. Из любой точки Земли они способны распространиться до любой другой точки. Например, еще двести лет назад выплата обязательной ежемесячной заработной платы рабочему или служащему не была обычным явлением, и всего сто лет назад рабочие не находились под надежным прикрытием страховки. Теперь же по всему миру это самая обычная практика. Поэтому проблемы, охватывающие весь мир, требуют решения, способного охватить весь мир.

Всем известно, что в одном из отдаленных уголков Земли еще совсем недавно существовал диктатор по имени Пол Пот, который лишил жизни сотни тысяч людей, и еще сейчас в одной из стран мира вспарывают животы женщинам и отрезают головы у младенцев, а в другой стране мира подвергают публичной уличной порке мужчин, если у них борода не той длины, что нужно, и женщин, если покрывало на них недостаточно длинное. А помимо этого, восемьсот миллионов человек в нашем маленьком мире голодают, а еще столько же или даже больше – недоедают. И в то же время значительно меньшая часть жителей Земли пребывает в роскоши, погрязла в расточительстве.

И те, и другие – представители человечества, люди, имеющие одни корни и похожие друг на друга. В прошлом это не бросалось в глаза, а сейчас бросается. И если раньше причину происходящего искали у Неба, то теперь этого уже не происходит. Поэтому для этого «мирового требования» нет иного выхода, кроме того, как организовать поиски этого выхода всем миром. И мелкие разногласия, вытекающие из

различия национальных стилей поведения, языков, обычаев и цвета кожи, отступят перед лицом этого великого благого дела.

Сейчас настало время для того, чтобы слова хоть немного приблизились к делу, а требования не оставались без ответа. Чтобы средства массовой информации меньше говорили неправду, а подношения играли меньшую роль при приеме на работу. И чтобы на базаре политики вращалось меньше платежных поручений, адресованных несуществующим источникам.

Совершенно очевидно, что при накоплении в мире все новых и новых проблем, в будущем веке не будут уже действовать те методы, которые имели успех в веке двадцатом. Три главных проблемы: перенаселение, загрязнение окружающей среды и социальная напряженность – превращают будущее в подобие вулкана. Чтобы предупредить глобальную катастрофу, одни предлагают материальное решение (создание экономического равновесия и порядка), другие духовное, то есть понимание человечеством того, что именно выгодно для него, и успех этого заключается в создании такого морально-нравственного порядка, который соответствовал бы потребностям новой эпохи.

В это опасное время, подобного которому человечество еще не знало, необходимо, чтобы каждая нация и каждая цивилизация искренне поделилась с остальными всем, что имеет.

Иранская цивилизация исламского времени основана на письменности. Весь опыт нашего народа, пережившего в течение веков много невзгод и тягот, хранится в многочисленных книгах. Все это время иранцы говорили и говорили о своей истории, повторяли и повторяли ее, взывали о помощи, молились и никогда не переставали надеяться, и снова говорить, и говорить. Конечно, у иранцев были и иные цивилизационные достижения, отрицать которые невозможно, однако драгоценное зерно гениальности и величайшее выражение своего существования иранцы проявили в письменности и особенно в поэзии.

Из всего множества написанных иранцами книг главными являются четыре книги, в которых в сжатом виде отображены все три тысячи лет иранской цивилизации.

Несмотря на то, что переводы всех четырех книг на другие языки существуют, эти шедевры, по сравнению с шедеврами западной литературы, еще не получили всемирного признания. Причина этого кроется в «отшельническом» состоянии персидского языка, который, будучи восточным языком, не смог привлечь к себе внимание мира. Свою роль сыграла и слабость персидской экономики.

Взглянем же на эти четыре сокровищницы и посмотрим, какой тип человека стоит за каждой из них.

Первочеловек «Шахнаме»

Поскольку «Шахнаме» является книгой, рассказывающей о сражении Добра со Злом, в ней представлены два типа человека: человек, стоящий на службе Добра, и человек, стоящий на службе Зла. Хороший человек в «Шахнаме» представлен в трех ипостасях: богатырь, мученик и тот, кто находится между ними. Рустам – пример первого, Сийявуш – второго, а Кей-Хосров – третьего. Если их соединить, то получится некий обобщенный тип человека, способного дать ответ на все вопросы жизни и человеческой природы. Этот человек любит жизнь, но не желает продолжать ее любой ценой. Жизнь без чести не имеет для него смысла. Честь является для него драгоценным зерном, квинтэссенцией жизни. Тем, что придает ей дух, смысл и свет.

В «Шахнаме» жизнью движет сила. Однако сила вынуждена подчиняться определенным правилам. Правильный жизненный путь описывается так: «В силе была правда мужчины!» Рустам, являющийся примером идеального человека, поддерживает в мире порядок – но только до тех пор, пока он жив и деятелен. Рустам представляет собой не просто тело, но и дух, и образ правильного человека. Он состоит из телесной силы (мощи), находчивости (ума) и справедливости (нравственности). Ни за какую цену не готов он попятить гуманистические принципы и благородство. Поэтому до тех пор, пока он жив, за ним стоят и слава, и победа.

Но рядом с ним существует Сийявуш, который поддерживает росток бытия не яростью и гневом, а принесением в жертву своей собственной души – самого драгоценного, что только есть. Он хочет уплатить свой человеческий долг. Именно с его появлением на сцене во всей своей мощи проявляется характер Рустама, который ратует за то, чтобы битва между Добром и Злом не прекращалась, и все то, что является основой человеческой жизни, то есть стремление и труд, бок о бок с нравственностью, не было повержено ленью и праздношью.

А между ними находится Кей-Хосров. Он проявляет, как яростную силу, так и терпимость и снисходительность. Разные черты проявляются в его характере в необходимом равновесии, и поэтому он осознает «зов времени» и, не дожидаясь наступления осени тела и осени духа, отказывается от жизни в этом мире и сливается с вечностью (что и является целью мистиков).

Его мистицизм является земным мистицизмом, и его добровольный уход является ответом на переполнение «чаши». Переходом с одной станции на другую. Слияние его с вечным бытием делает его собственное бытие совершенным.

Человек Мавлави

Второй тип человека – это человек Мавлави, вступающий в мир через двести пятьдесят лет после создания «Шахнаме». Двести пятьдесят лет человек брел по каменистой тропе веков. Его ноги истерты в кровь, и он устал. Но тут он встречает другого человека, такого же бесприютного бродягу, как он сам. Это – Шамс, Рустам своего времени, у которого нет иного оружия, кроме языка, и никакая другая сила, помимо воспаленного мозга, не гонит его вперед. Человек Мавлави не находит прочной опоры на земле, а посему подвешивает себя к Небу. Он словно ищет прибежища в космосе. На крыльях любви хочет он отправиться в путешествие в недостижимую, бескрайнюю, неведомую страну: «Эта родина – место, которому нет названья».

Но найти такого человека, которого искали мистицизм и Мавлави, настолько невероятно, и он находится на такой стадии величия, что для персидской культуры чрезвычайно важна одна лишь способность, составить о нем более или менее целостное представление. Отказ от всяких дел с землей, с миром. Неверие в возможность контакта с вероятным и сущим. Что хотят сказать эти взволнованные газели, десятки тысяч бейтов, повторяющие, пересказывающие одно и то же снова и снова? Разве это не плач о непрочности, зыбкости существования на земле, похожей на постоянный двор, убивающий своих постояльцев? Лишь иранский гений и величие Мавлана смогли извлечь из них перспективу иного – прекрасного – местообитания. И если одно место он отрицает, то взамен предлагает другое. В мире Мавлана невозможно жить, потому что он чрезвычайно неустойчив и эфемерен, однако в нем скрыто ценное знание, некая «гармония всего сущего», достигаемая преодолением противоречий. В этом мире все известные противоречия разрешаются и смешиваются. Зло и Добро не соприкасаются. Война Моисея с фараоном превращается в войну Моисея с Моисеем. Призыв ко всеобщему миру ничем не обусловлен и всеобъемлющ. Он является ответной реакцией и противоядием против кровавой, мучительной истории, которую до сих пор переживало человечество. Исправление мира, которое в «Шахнаме» осуществлялось путем борьбы Добра со Злом, во времена Мавлави превращается в личное исправление и борьбу с самим собой. У каждого человека есть свой собственный внутренний «Туран», и каждое племя порождает своего собственного Заххака. Мавлави хотел оторвать несчастья души от их корней. А поэтому призывал человека на очень трудную битву. Но это не значит, что его призыв неосуществим. В каждой школе или доктрине имеется, как вполне осуществимая духовная цель, так и иная, вытекающая из первой цели цель, которая оказывается выше или ниже предела достижимости. Битва с душой – именно такая цель. И, тем не менее, современного человека, которого материальное притягивает еще больше, чем человека других эпох, можно сделать более духовным, а, следовательно, и человечным. Не следует упускать из виду, что это не забава

мистиков, а необходимое условие мирного сосуществования всех народов Земли ⁴.

Человек Саади

Хотя Саади был не чужд мистического познания, его человек не забывает о том, что сотворен из праха. Такой человек подвержен двум веяниям, одно из которых заставляет его тянуться вверх, а другое – вниз. Человек Саади – это человек, находящийся в гармонии с землей. Но трудности земной жизни превращают его в подобие «муравья, упавшего в скользкий таз»: он должен жить, выбиваясь из сил в поисках дороги к спасению.

Он пытается примирить в себе противоречивые склонности и мысли. Поскольку его главным желанием является жажда жизни, он должен найти для этого лучший путь. В Иране, находившемся под властью монголов и подвергавшемся разным вторжениям извне и в домонгольский период, нельзя было вести образ жизни человека «Шахнаме» и невозможно было осуществить идеал человека Мавлави. Поэтому необходимо было выбрать средний путь. Поэтому человек Саади – это некий сплав. Такого человека можно назвать «нравственным риндом ⁵». Это благонамеренный иранец, который не хочет впадать в грех, но, в то же время, не хочет сходить с более легкого пути. Это беспечный, легкомысленный человек, поклонник прекрасного. С его точки зрения, первейшая обязанность человека – жить, и лишь вторая обязанность – жить нравственно. Наслаждение красотой и чувственное удовольствие для него настолько естественны, что он считает их вполне нравственными. Себя он считает дитем праха, которое должно обращать лицо к Небу. Ноги его связаны установлениями шариата, но поскольку горизонты его

⁴ Заслуживает внимания успех переводов «Маснави» в Америке. По сообщениям газет, в прошлом году отдельные стихи Мавлави были опубликованы в двадцати книгах, ставших бестселлерами.

⁵ Ринд (рэнд) – букв. «беспутный гуляка», «пьяница», «плут». В суфийской поэзии – человек, воплощающий идею самоотверженной любви и внутренней чистоты (=мистик).

широки, мистические размышления, созерцание прекрасного, изучение дальних стран и людских характеров, и в целом жажда знаний ему совершенно не чужды. Каждое мгновение его жизни – это постижение чего-то или увлечение чем-то: «Каждый вдох способствует жизни, каждый выдох веселит нрав». Вопреки всем трудностям, человек Саади не желает расставаться с жизнью: ноги у него идут, язык говорит, а мозг впитывает.

Весь предыдущий опыт человечества в кратком виде проявился в Саади. Его мудрость по мгновениям собрана из многих и многих часов жизни. Поэтому остроты и тонкие мысли, рассыпанные по его сочинениям, можно извлекать и сейчас, и он по-прежнему является величайшим источником пословиц и афоризмов во всей персидской литературе. Конечно, никто, кроме персо-язычных людей, не сможет понять удивительную красоту его языка, однако его мысль, подобная тому неустанному путешественнику, каким был и он сам, обладает таким проворством, что способна проникнуть в самые отдаленные уголки мира.

Человек Хафиза

Человек Хафиза испытывает боль пронизательности, однако уживается с этой болью и даже рад ей:

*Если вышло из-за завесы мое сердце, не упрекай,
Благодарю Бога, что оно не осталось за завесой воображения
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Он стал пронизательным ценой терзаний и мучений. Он – ринд, а ринд – это человек, который более или менее знает все и знает всех, а потому не поддается на обман, даже если иногда и прикидывается, что на обман попался. Проницательный человек хафизовского типа – сложная личность, похожая на птицу, которая меняет окраску для того, чтобы ее не поймали.

Такой человек страстно жаждет красоты, искренности и справедливости, однако видит в окружающем его мире лишь прямо противоположное. Мир полон грязи и развалин, оценивающих взглядов, расчетливых улыбок, жертвования милостыни на злодеяния, грубых слов, бедности и подлости, и все это покрыто одеянием лицемерия, подобным оболочке из грязи. Все люди, существующие в этом мире, носят имена-перевертыши, именуя себя государственными чиновниками, аскетами, суфиями и законниками... Они видят только себя самих и лишь в одном лице, тогда как Хафиз видит их во многих лицах. Он движется к самой истинной из всех истин, но знает притом, что не дойдет до нее, потому что там находится граница человеческого познания. И понимая это, он ищет и исследует, и этот поиск является плодом его проницательности:

*Весь тот нектар, который льется с моих уст,
Это вознаграждение за терпение, которое льется из
источника сладости
(т.е. от Всевышнего)*

(подстрочный перевод – С.Абдулло)

Бодрствуя, человек Хафиза корчится в муках, а во сне видит кошмары. На этом безумном пиру есть одна единственная подушка, да и та утыкана колючками. Он пешком направляется к Каабе «проницательности»:

*Когда в пустыне направишь свой путь к Каабе,
и причинят тебе страдания колючки пустыни, не печалься
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Но этот одинокий путник чувствует себя очень уверенно, ведь «обитательницы райского гарема скромности и целомудрия» пьют с ним пьянящее вино, а сами ангелы «рассказывают его стихи наизусть». Вместе с тем проницательность не мешает ему бояться «темной ночи, высокой волны и кошмарной пучины». Его жизнь мечется между страхом и надеждой, радостью и печалью. Но сердце его радуется, ибо его чаша полна:

*Хафиз, на судьбу жаловаться несправедливо!
Дара, подобного воде, и струящихся газелей мне достаточно
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Многотысячелетний опыт иранского народа, жившего на одном из наиболее оживленных и исторически значимых – как в доисламскую, так и в исламскую эпоху, – перекрестков мира, является сокровищницей мудрости, к которой стоит обратиться, прежде всего, потому, что она является плодом непосредственного, прямого взаимодействия с жизнью и несет информацию из самой глубины событий. Речь идет не о философских теориях, а обо всей иранской литературе. При всей своей противоречивости, она заслуживает научного доверия. Надо только учитывать время и обстоятельства появления тех или иных произведений слова и очищать их от всего лишнего и наносного.

Иногда иранцев упрекают: мол, почему они это сделали, а это не сделали, и почему они жили так, а не иначе. Если мы спустимся в глубины иранской истории, то воздадим иранцам должное по справедливости, ибо они не могли поступать лучше, чем поступали. Мы не будем их ни осуждать, ни оправдывать. Они жили в такой географической среде и в таких тяжелых условиях, что время смогло навязать им много очень трудных задач. И надо быть благодарными им за то, что они не пропали, не сошли с пути, а продолжали свой поиск, насколько это было возможно. Каждая эпоха была трудной и плодотворной по-своему. Даже в Сефевидскую эпоху, когда наступил упадок мысли, иранцы продолжали строить мечети и общественные здания и создали настоящие шедевры архитектуры. Даже в последнее столетие иранцы не утратили своего энтузиазма. Во всяком случае, итогом этого долгого исторического путешествия и этого, как позитивного, так и негативного опыта являются несколько сочинений, доведенных до нас, как говорится, «пыльным караваном» истории. Их-то мы и можем предъявить всему миру, предварительно сделав из

них необходимые выжимки. При всем том поразительном прогрессе, который сделал мир, он кардинальным образом не изменится до тех пор, пока будет опираться лишь на свои грандиозные научно-технические достижения. К сожалению, экономический расцвет и материальное благоденствие для определенной части мира подобны орлам Кавуса, которые сначала поднимают его ввысь, а потом роняют на землю⁶.

Если сейчас мир придет к тому, чтобы принять предложение Ирана о «диалоге цивилизаций», это будет верным признаком того, что необходимость в этом назрела. И эта необходимость начала чувствоваться уже давно, хотя и достигла состояния зрелости лишь теперь. Уже после второй мировой войны появились приметы того, что мир движется в неверном направлении. С одной стороны, было много достижений (к которым можно отнести, например, освобождение большинства стран от колониальной зависимости). С другой стороны, было много негативных явлений, таких как усиление международной напряженности, холодная война, продолжительные конфликты, убийства и репрессии, рост фанатизма, вплоть до массовых разрушений и терроризма, и, наконец, социальная распущенность.

Все эти признаки говорят о том, что необходимо установить в мире новый порядок, причем не только в политике, где необходимо выработать общие правила, но и во всем человеческом обществе, для чего необходимы исследования морального состояния, материальных и духовных потребностей людей. Ни в одну из предыдущих эпох низменные человеческие страсти не подпитывались так активно, как в двадцатом веке. Посмотрите на эти бесполезные траты:

⁶ Кавусу, царю из династии Кийанидов, ударяет в голову желание летать по небу. Для него строят особый трон, который привязывают к четырем орлам. Кавус садится на этот трон. Голодных орлов дразнят кусками сырой баранины, и те, стремясь добраться до мяса, пытаются взлететь. И это у них получается. Но так как птицы привязаны к трону и вынуждены тащить его, то, в конце концов, они устают и падают на землю в районе рощи Амоль («Шахнаме»).

ежегодную смену моды, нелепое, чрезмерное развитие отрасли, производящей декоративную косметику, агрессивную рекламу товаров и дурных привычек, разноцветные глянцевые журналы, забытые пошлостью, всяческие игры и развлечения, причем в совершенно головокружительном количестве, нездоровые соревнования и конкурсы, игорные дома и бордели... На все это, в целом, тратятся сотни миллиардов долларов, с помощью которых можно было бы обиходить и благоустроить весь земной шар. А ведь мы еще не говорили о гонке вооружений и приготовлениях к войне — это требует отдельного разговора. Исходя из вышесказанного, «диалог цивилизаций» ставит такой вопрос: «Как подобное могло случиться в эпоху, когда человечество претендует на то, что достигло зрелого возраста?»

Индустриальный мир, который в настоящее время господствует с экономической, военной и технической точек зрения, не может отгородиться от остального мира стеной и жить в качестве неприступной крепости. Трудности скоро настигнут и его, потому что в то время, когда в остальной части мира неспокойно, индустриальный мир не может чувствовать себя в безопасности. Поэтому мир придет к тому, что поиски выхода станут общей и насущной для всех задач. Нет сомнения, что президент Ирана достоин того, чтобы в предстоящем «диалоге цивилизаций» выступать от имени Ирана. Однако если Иран хочет сделать его слова более эффективными, он должен, прежде всего, показать, что ценит все достижения своей прошлой цивилизации и несет за них ответственность, и привести доказательства того, что в этой стране соблюдаются и уважаются такие всеобщие и постоянные признаки цивилизации, как безопасность, порядок, нравственная чистота, справедливость и права человека. До вступления в контакт с индустриальной цивилизацией народ Ирана жил более или менее в гармонии с собственной культурой, и наши великие писатели никогда не отказывались от того, чтобы указать иранцам на недостатки их нрава и характера.

У каждого народа есть как весьма похвальные, так и достойные порицания черты и склонности. И следует рассматривать и принимать их все в совокупности. Ведь иранская нация – это нация, создавшая собственную цивилизацию, и если мы будем учитывать все те трудности, что вставали на ее долгом историческом пути, то у нас будет меньше права в чем-либо ее упрекать. Главный же вопрос таков: что ждет нас в будущем? Если мы хотим продемонстрировать свою цивилизацию всему миру, то не должны закрывать глаза на то, что в ней есть отдельные отрицательные элементы. И в то же время мы должны всемерно поддерживать ее положительные стороны⁷ (азар 1377 / ноябрь-декабрь 1999 г.).

⁷ То, что изложено в этой статье, имеет отношение к трем другим, более ранним публикациям:

а) статье «Ирану тоже есть что сказать», которая впервые появилась тридцать три года назад в виде доклада для «Ассоциации философии и гуманитарных наук», который был прочитан 16 ордибехешта 1346 г. (6 мая 1968 г.) и вскоре опубликован в журнале «Йагма», а затем в книге «Не забудем Иран». Там было кратко сказано о том, чем может иранская культура поделиться с другими культурами; б) докладу под названием «Человек обновляющийся и человек отстающий», который был прочитан на международном семинаре в Гарвардском университете, США, 20 июля 1967 года. Его персидский перевод был впервые опубликован в журнале «Негин» (№ 39), а затем в книге «О нарушении прав человека в Третьем мире» (издательство «Арман»). Там было высказано предложение о встрече культурологов всех стран для выработки общемировой культурной политики и поиска путей решения общемировых проблем;

в) статье под названием «Какое противостояние?», являющейся ответом на работы Сэмуэля Хантингтона и впервые опубликованной в журнале «Политико-экономический вестник» («Этелаат-е сийаси – эктесадии»), хурдад-тир 1372 г., а затем в книге «Иран и его одиночество».

Иранцы и греки по свидетельству «Шахнаме» и «Илиады»⁸

В настоящей статье речь пойдет о том, возможно ли, сопоставив два древних эпоса – «Илиаду» и «Шахнаме», найти в них данные об этнопсихологии и мировоззрении двух этносов – иранцев и греков? Я полагаю, что можем. Это только кажется, что названные эпосы имеют отношение исключительно к прошлому. На самом деле, в них рассматривается одна из самых злободневных проблем современности, а именно отношения Запада и Востока. С момента своего создания «Шахнаме» всегда была для Ирана актуальной книгой – «книгой дня». И такое же значение она имеет и сегодня. Поэтому, сопоставляя «Шахнаме» с «Илиадой», мы можем увидеть, о чем думал и как жил с самого начала цивилизации Восток и о чем думал и как жил Запад. Мы употребляем здесь термин «Восток», потому что Иран, хотя и занимает срединное положение, является, по сути, кристаллизацией того, что принято называть «Востоком». Особое географическое положение и особенности исторического развития нашей страны часто ставили ее в эпицентр событий разного генезиса. И один из самых тяжелых периодов иранской истории получил отражение в «Шахнаме». Для познания собственных основ и истоков у нас нет более древнего, более важного и более правдивого документа, чем «Шахнаме», и можно сказать, что настало самое благоприятное время для того, чтобы перечитать эпос и посмотреть на него свежим взглядом. Ведь сейчас мы стоим на перепутье двух дорог – прошлого и настоящего, и для того, чтобы пойти по пути настоящего, мы должны сначала трезво оценить свои силы. Все знают Запад как мир прогресса, науки и открытий, и мы теперь тоже достигли той стадии, когда нельзя обойтись без прогресса, науки и новых открытий.

⁸ Сжатое изложение лекции, прочитанной по приглашению Колумбийского университета и Совета по распространению персидского языка и литературы в Северной Америке 6 тира 1377 г. (27 июня 1999 г.) в Колумбийском университете, США. Полный текст лекции будет опубликован отдельно.

Проблема лишь в том, как нам повернуться лицом к Западу. В последнее время много говорится о «культурной атаке» Запада. Но это понятие возникло не сегодня и не вчера. По меньшей мере, уже лет пятьдесят говорится об этом. Однако получилось так, что нынешняя ситуация поразительно напоминает ту, что существовала во времена сочинения «Книги царей». В то время Омейяды и Аббасиды обращались с нами так высокомерно и непочтительно, что было необходимо громко и решительно заявить о своих основах. И сейчас в своем противостоянии Западу мы занимаем оборонительную позицию. В наше время существует так называемая «мировая культура». И это культура, целиком и полностью исходящая с Запада. Однако не все то, что называется «мировой культурой», на самом деле является культурой. В это понятие входит и то, что направлено прямо против культуры: то, что полностью подчиняет себе экономику и своим привлекательным видом привлекает молодежь и приводит ее в крайнее возбуждение. Поэтому было бы совершенно неправильно встречать такую культуру аплодисментами.

Вышесказанное не означает конфронтацию с Западом. Запад делает свое дело, а мы должны делать свое дело. На протяжении последних пятидесяти лет были даны многократные предупреждения, которые остались не услышанными. Если мы скажем, что у нас связаны руки, то это будет просто попыткой оправдать свою лень. Если проблема серьезна, следует переходить от лозунгов к делу. Запад – это мир науки, а с наукой никто не может спорить. Тем ценится «научная применимость» и соответствие науки здоровому развитию общества. Научное применение открытий налицо, но с ним, без сомнения, не все в порядке. Достаточно назвать загрязнение окружающей среды, возросшие психологические трудности семейной и социальной жизни, убийства, бомбардировки, загазованность городов, нарушение самых основных прав человека. И это лишь малая толика существующих проблем.

Иран – одна из тех азиатских стран, которая в настоящее время во многом зависит от всей мировой семьи. Но это страна с очень сложным характером – настолько сложным, что подобного ему найти трудно. Главная особенность Ирана – его

древность. Это страна с гармоничной культурой и огромным многострадальным историческим опытом. Именно по причине этой своей сложности Иран никого не подпускает к себе.

Поэтому об Иране говорится так много противоречивых слов.

И если теперь, в нынешнем бушующем мире, мы решим обратиться лицом к будущему и играть на мировой арене роль, достойную столь великой страны, мы должны выполнить, прежде всего, такое условие: обратиться к себе и познать себя, как сказал тысячу лет назад тот же Абу-л Касим Фирдоуси:

Сначала подумай, затем действуй!

Не считай себя недостойным (не пренебрегай собой)

(подстрочный перевод – С.Абдулло)

Что значит «не пренебрегать собой»? Это означает - не относиться к себе легковесно, это означает - ценить в себе то драгоценное зерно, что хранится в самой твоей сущности, это означает - не тратить время на пустые мечтания и развлечения, и, разумеется, не закрывать глаза на собственные недостатки.

В этой статье мы рассматриваем лишь один аспект этой проблемы, но, по моему мнению, это основной аспект, важнейший аспект.

Иран и Греция были теми двумя странами, чье знакомство означало первую встречу Востока и Запада и их первый контакт. Ахеменидский Иран более двух веков находился в сложных отношениях с Грецией, которые иногда были враждебными, а иногда – мирными. Две эти цивилизации считались лучшими в мире, хотя между ними имелись и существенные различия. Впоследствии, во времена парфян и Сасанидов, Иран был соседом Римской империи, наследницы древнегреческой цивилизации, и периодически оказывался то ее другом, то противником. Две эти страны делили между собой существенную часть известного в то время мира, и их противостояние продолжалось в целом около тысячи лет. Из всех азиатских стран Иран больше всех остальных контактировал с Западом.

Поэтому можно сказать, что «Шахнаме» и «Илиада» являются древнейшими свидетельскими показаниями об этих двух цивилизациях. Первая из этих книг отразила сущностное зерно иранской цивилизации, а вторая – западной.

Различия и сходство, которые мы видим между этими двумя цивилизациями, заслуживают серьезного внимания. Во-первых, и в «Илиаде», и в «Шахнаме» прослеживается некая пророческая миссия. Если «Шахнаме», появившись уже в исламскую эпоху, словно заново открыла неповторимый характер иранской нации и подтвердила непрерывность ее исторического развития, то и поэма Гомера приобрела огромное значение в период европейского Ренессанса и рождения новой Европы.

Древнегреческий мир хотел быть миром «Илиады». И Рим по-своему мечтал о том же. Европа эпохи Возрождения после длительного застойного периода средних веков заново открыла для себя Древнюю Грецию и «Илиаду». В конце концов, это привело к прекрасному соединению древнегреческой культуры с христианством, ведь человеку вообще свойственно смешивать чувство и озарение с логикой и разумом. Вместе с тем, поскольку мышление европейцев является преимущественно материалистическим, для того, чтобы роль телесного начала в союзе Неба и земли не осталась незамеченной, в христианстве развился образ Иисуса как «сына Божьего». В этом смешении присутствуют остатки «илиадического» восприятия мира. Ахейские воины связывали с волей олимпийских богов малейшее движение в этом мире. Но, на самом деле, это земля диктовала свою волю Небу, то есть «смертные» передавали свои человеческие желания «бессмертным», и не боги и богини воспитывали их, а они сами воспитывали богов и богинь.

Западная цивилизация берет начало из этого корня и базируется на этом материалистическом основании. Марксизм выдвинул для нее «вечную» теорию, а практическое осуществление этой теории взяло на себя индустриальное общество Запада. С этой точки зрения материалистическое познание мира человеком не знает границ и пределов. Человек – это не тот бесконечный духовный мир, который Мавлави

называл внутренним миром человека и считал, что именно он приводит в движение мир внешний, а лишь небольшая, не больше тысячи ста граммов, масса скрытого в человеческом черепе серого вещества, способная при этом к раскрытию тайны Вселенной.

Западные люди так любят истину, что говорят, что основание их цивилизации зиждется на древнегреческих принципах и черпает из них свою силу. Помимо материалистического мышления, лежащего в основе всех поразительных открытий и изобретений и являющегося центральным ядром, из мира «Илиады» происходят и несколько других существенных для Запада ценностей:

1 - голосование и демократия (поскольку совокупная масса нескольких мозгов больше массы одного мозга);

2 - соревнование и конкуренция (поскольку соперничество порождает старание и доводит способности человека до предела продуктивности);

3 - поклонение красоте (поскольку существует связь между образом, добром и пользой);

4 - спорт (поскольку здоровье духа должно гармонизировать со здоровьем тела);

5 - накопление богатства, даже ценой эксплуатации (поскольку богатство есть средство, гарантирующее власть над жизнью);

6 - свободное обсуждение и дискуссия (поскольку они рождают идеи, а идея открывает путь к решению проблемы);

7 - справедливость и бесспорность победы, достигнутой любой целью – хоть хитростью, хоть силой (поскольку победа, являясь признаком силы, силу же и порождает, а сила управляет миром).

Наряду с этим, существуют также слава, честь и почет. Они выделяют отдельных людей среди им подобных и позволяют им осуществлять свои великие деяния. Все эти ценности получают толкование с точки зрения материалистической логики и являются тем важным уроком, который можно извлечь из «Илиады».

Согласно воззрениям древних греков, жизнь важна только в этом мире. Иной мир, именуемый Аидом, – темен, мрачен, расположен под землей. Поэтому и добро, и зло должны принести свои плоды, быть вознаграждены или наказаны не там, в загробном мире, а здесь, в мире этом. То старание, с которым античный человек осуществлял добрые дела и приносил пожертвования для того, чтобы обрести славу, было связано с надеждой на то, что после смерти он не исчезнет в одночасье с лица Земли, и его дети и потомки смогут извлечь житейскую пользу из его славы. Пышные почести, воздававшиеся умершим, и включавшие в себя жертвоприношения, сожжение и захоронение, а также страх перед любым действием, которое могло быть расценено как неуважение к телу покойного, были направлены на то, чтобы покойный отправился в иной мир с высоко поднятой головой. В то же время такой способ похорон означал торжество потомков и повышал их авторитет.

Но в «Шахнаме», в эпическую эпоху, мы имеем дело с единым Богом. Незримым, всеведущим и всемогущим, управляющим всем сущим и покровительствующим Добру. Слово *дадар*, являющееся одним из эпитетов Создателя, означает «дарующий справедливость». Все, что Он делает, правильно, и это следует принимать. Конечно, в мире происходят и такие дела, которые в глазах человека выглядят неприемлемыми, однако, предполагается, что и в них есть определенный смысл, тайну которого никто не знает. Человек «Шахнаме» остается за стеной незнания и не знает способа перебраться за нее. Древний грек роет и роет подкоп под эту стену. Из-за того, что он относится к жизни реалистически, он объясняет всякое затруднение или несчастье волей богов. Он говорит: «Боги завидуют людям. Они не могут спокойно смотреть на их счастье и радости жизни».

«Илиада» – это эпос, повествующий о Троянской войне, случившейся между двумя племенами, объединенными общим языком, этническим происхождением и религией, но разьединенными Эгейским морем. Несмотря на близость расстояния, мир того времени показан таким большим, что Троянскую войну часто называют войной между Европой и Азией.

Поэтому война между Востоком и Западом началась еще до того, как в 480 году до нашей эры Ксеркс напал на Грецию. Одним из доказательств этого является то, что по пути в Грецию Ксеркс остановился в районе Трои (современный Хисарлык в Турции), где принес жертвоприношения и устроил тризну в честь павших⁹. А сто сорок с лишним лет спустя уже Александр Македонский, направляясь с походом в Иран, провел в том же самом месте церемонию жертвоприношения ради успокоения греков и поднятия их боевого духа¹⁰. Как будто в предстоящей ему войне один, как представитель Востока, хотел связать свое имя с троянцами, а другой, как представитель Запада, – с греками.

Но разве можно утверждать, что и сегодня Восток остается Востоком, а Запад – Западом? Ведь даже при том смешении, что произошло в результате развития отношений и многочисленных контактов между народами, пройдет еще очень много времени, прежде чем сущность Запада и Востока окажется тождественной. Конечно, мы вовсе не намерены сравнивать сегодняшний мир с миром 2-тысячелетней давности. Наша цель – иная. Взглянув на далекое прошлое, более четко увидеть настоящее. Поскольку мы знаем, что две нации – иранская и древнегреческая – существенно различались между собой, и эти различия получили отражения в двух эпосах. Но это как раз не удивительно. А удивительно то, что в некоторых моментах между «Илиадой» и «Шахнаме» обнаруживается такое сходство, что, углубившись в них, я был глубоко поражен. Я обнаружил около семидесяти явных параллелей!

Но откуда проистекает это явное сходство? Неужели Фирдоуси или собиратели рассказов, легших в основу «Шахнаме», были знакомы с Гомером? Нет, хотя временной и

⁹ Геродот, Книга Седьмая.

¹⁰ Гиршман. «Иран с древних времен до принятия ислама», с. 203.

пространственной разницы между ними не было ¹¹. Общего мировоззрения у них не было. Тогда откуда же это сходство? Полагаю, что все дело в общем корне человеческой природы. Неважно, когда и в какой точке земного шара появляется на свет человек – его природа едина. общность человеческой природы и порождает схожую реакцию, однако формы проявления реакции делает различными. Например, каждый человек более или менее стремится к самоудовлетворению. Однако один ищет его в богатстве, другой – в славе, третий – в наслаждении, четвертый – в приобретении знаний, пятый – в самоотречении. Возможно также, что некоторые сходные черты унаследованы от архаичной арийской традиции, которую каждая из групп переселенцев несла с собой на место нового обитания.

События «Илиады» и «Шахнаме» происходят в очень ранние времена, когда человек напрямую противостоял жизни. Всякий считал, что, чем больше у него силы, тем больше и прав. Никто не был либо однозначно хорошим, либо однозначно плохим. Вот, например, Ахиллес. Иногда он мягкий, иногда – суровый. Если он теряет что-то, принадлежавшее ему по праву, то может плакать как дитя из-за самой малой вещи. В другом же случае может демонстрировать самое настоящее жестокосердие.

И Афрасиаб в «Шахнаме» порой бывает добрым и ласковым. Иногда он даже проявляет благородство. Рядом с положительными героями обеих книг присутствуют «честолюбцы». Различие лишь в том, каким способом они пытаются заработать себе славу. Здесь следует обратить внимание на один момент. Герои «Илиады» цельны, нетронуты. Они такие, какими могли быть в восьмом веке до нашей эры, то есть в то время, когда, вероятно, и появились стихи «Илиады». В то же время герои «Шахнаме» уже скользят по склону истории. В них видно влияние времени – как

Сасанидской эпохи, в которую создавалась «Худайнаме», так и эпохи Фирдоуси, в которую была создана «Шахнаме». Гордясь величием Ирана, Фирдоуси не мог немного не приукрасить иранцев, прежде всего, потому, что они должны были предстать в качестве образцовых людей по сравнению с арабами и тюрками.

Вернемся же к «честолюбию». В «Илиаде» главным героем-богатырем является Ахиллес, а в «Шахнаме» – Рустам. Когда боги дают Ахиллесу право выбрать либо короткую, но славную жизнь, либо жизнь долгую, но бесславную, он выбирает первое, и поэтому вся его короткая жизнь наполнена геройскими подвигами. Возможно, все честолюбцы Запада – и, в том числе, Александр и Цезарь – брали пример с него. Такой человек должен прославиться любой ценой – даже проявляя жестокосердие и действуя негуманными методами.

Что касается героя «Шахнаме», Рустама, то он тоже ценит «доброе имя» выше всего остального. Эта его черта достигает апогея в его противостоянии с Асфандияром.

Общей чертой между ними двумя является «любовь к жизни», которая может доходить до степени страстности. В «Илиаде» «страстность» Ахиллеса проявляется в ссоре с Агамемноном из-за рабыни, а затем в его сражениях с Гектором, но в обоих случаях причиной его поступков является желание славы.

В «Шахнаме» поведение Рустама с Сухрабом также диктуется его «страстным» характером. Хотя Рустам и великий человек, но «Шахнаме» изображает характеры столь реалистично, что не отказывает ему в человеческих слабостях. «Страстность» свойственна всем, однако люди различаются, как по степени страстности, так и по умению обуздать ее. Нет никакого сомнения в том, что «Шахнаме» наделена более высоким моральным духом, чем «Илиада». Это видно уже на примере того, что послужило стимулом для начала войн, описываемых в обеих книгах. Троянская война возникает из-за похищения Елены, супруги Менелая, правителя Спарты, троянским царевичем Парисом, сыном Приама. Причем эта женщина отнюдь не была непорочной, и сама согласилась на похищение. В то же время война между Ираном и Тураном,

¹¹ По данным Кристинсена, война между Ираном и Тураном в «Шахнаме» происходила между 900 – 800 годами до нашей эры. Это приблизительно совпадает со временем сочинения «Илиады». Троянская война случилась в 1300 году до нашей эры.

сопоставимая с Троянской войной, возникает из-за убийства Сийявуша, невинного иранского царевича, и отмщение за него соответствует религиозно-нравственным установлениям иранцев. Древнегреческие боги являются для людей образцом для подражания, или, лучше сказать, являются порождением человеческого сознания, а потому и обладают человеческими качествами. Для них типичны хитрость, коварство, склоки и ссоры. Поэтому как в отношениях богов между собой, так и в их отношениях с людьми так часто притворство, которое никого не удивляет, поскольку является средством достижения цели. Создается впечатление, что средство оправдывает цель.

Мы воздержимся от перечисления всех случаев параллелей между обеими книгами – «Шахнаме» и «Илиадой» – потому что их число перевалило за несколько десятков, и они будут подробно рассматриваться в отдельной статье. Здесь ограничимся изложением нескольких параллелей в сжатом виде, и положим конец дискуссии.

1 – Гомер помог объединить греческие племена. Фирдоуси сыграл такую же роль в Иране;

2 – «Илиада» считается важнейшим литературным произведением Европы. Такую же роль играет «Шахнаме» в Иране и на всем пространстве распространения персидского языка;

3 – герои «Илиады» стали образцом для подражания для людей Запада. Такую же роль в глазах иранцев играют эпические богатыри «Шахнаме»;

4 – стихи Гомера разносились сказителями по всей Греции, и из них черпали люди и утешение, и вдохновение. Таким же было положение «Шахнаме», звучавшего и в многолюдных собраниях, и в тихих кофейнях, и у пастушеских костров в отдаленных племенах;

5 – повествование Гомера во всех смыслах является эпосом. Для него характерен уверенный, величественный, пафосный стиль и такая высокая степень детализации, что, кажется, будто Гомер сам присутствовал при описываемых им событиях. Стилю «Шахнаме» это тоже присуще. Но несколько веков, разделяющих два эпоса, сделали язык «Шахнаме» более современным, менее архаичным. Но повествование и в том, и в

другом случае питается из одного и того же источника. Учитывая время создания «Илиады», она имеет дело с более глубокой древностью. Привлекательность, которую эта древняя книга имеет до сих пор, объясняется тем, что людям свойственно стремление возвращаться к самым истокам своего существования. Нельзя отрицать, что в каждом человеке есть желание убежать от цивилизации для того, чтобы исследовать собственные возможности без каких-либо препятствий и ограничений и в полном объеме. Рассказ о лучнике Арее, который самоотверженно выпустил стрелу и поплатился за это жизнью, содержит многозначительный намек и может быть критикой человечества, стремящегося разорвать все преграды;

6 – обе книги пронизаны хайямовской атмосферой: сквозь них просачивается призыв пользоваться быстро уходящим временем. Конечно, в «Шахнаме» это проявляется в более сдержанном виде;

7 – в обеих книгах жизнь человека сопряжена с трудностями и страданиями, однако в «Илиаде» это выражено с большей горечью и пессимизмом, чем в «Шахнаме»;

8 – для «Илиады» характерно представление о тщете или пустоте жизни, о непрочности ее основ. Книга начинается такими словами:

*Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал...*

*С одного дня, как воздвигшие спор воспылали враждою,
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.
(рус. пер. Н. Гнедича)*

В «Шахнаме» мотив напрасности жизни тоже встречается, но не выражается так явно, как в «Илиаде». Но встречается он, например, в рассказе о Фуруде, сыне Сийявуша, который совершенно напрасно погибает от рук своих иранских друзей. О такой же бессмысленности жизни повествует и рассказ о самом Сийявуше. Сын приезжает для того, чтобы разыскать отца, и от руки этого самого отца отправляется в страну небытия;

9 – в «Илиаде» боги и люди равным образом обвиняют друг друга. Агамемнон называет Зевса и других богов бессердечными тиранами, насылающими на людей несчастья, и продолжающими при этом вести безбедное существование. В свою очередь, боги обвиняют во всех грехах людей. В «Одиссее» Зевс говорит:

*Как глупы люди, несправедливо упрекающие бога.
Ведь их судьба в том, чтобы влачить страдания.
По невежеству их на себя навлекают,
а вину за них на богов возлагают*

И в «Шахнаме» упреки порой обращаются к Небу, хотя сам Фирдоуси не разделял такую точку зрения и считал, что человек должен сам нести ответственность за свои поступки ¹²;

10 – в нравственном отношении между героями «Илиады» и героями «Шахнаме» много различий. Среди них:

- отношение к грабежу. У иранцев грабеж не является важной целью войны, тогда как у греков таковым является;

- отношение к божественному. В «Илиаде» человек имеет дело с антропоморфными, телесными богами, моральные качества которых, очевидно, связаны с телом. В «Шахнаме» Бог – это нечто духовное, эфемерное, незримое, недостижимое. Именно это делает конечную цель гораздо выше простого телесного удовлетворения. Для привлечения внимания богов греки совершают жертвоприношения. Иранцы же для этого совершают омовение и возносят молитвы. Не забудем при этом, что в «Шахнаме» война идет между Добром и Злом;

- отношение к личному и общественному. Заметным различием между двумя книгами является связь между личным

стимулом и общественным делом. В «Илиаде» она есть, а в «Шахнаме» ее нет. В «Илиаде» что бы ни делал герой, он должен делать это и для себя лично. В «Шахнаме» направление общего движения должно следовать по пути Добра, хотя бы и ценой огромных потерь. Благоразумная осторожность, любовь и гнев служат одной цели.

Современная цивилизация Запада и новое знание имеют прочные корни в античном, «илиадическом» мировоззрении. Философия жизни ограничивается усилиями и стараниями, целью которых является победа. Надо стараться идти вперед, преодолевая судьбу.

Примером такого мышления является десятилетнее противостояние ахейцев стенам и башням Трои. Западная цивилизация любит думать, что она побеждает всегда, так же, как победили ахейцы в Троянской войне. Со времен Ренессанса в умах людей Запада господствует представление о том, что главное – это победа, выигрыш – победа любой ценой, даже и ценой приобретения великих опасностей.

Платон не одобрял Гомера и изгнал его из своего фантастического города за то, что тот опустил богов до уровня простых смертных, сделав их такими же недалёкозоркими и развратными, как люди. Но он не смог предугадать, что это гомеровское мировоззрение, при всей его кажущейся неубедительности, получит такое распространение и подчинит своему влиянию жизнь Древней Греции, Римской империи и всего Западного мира.

Древняя Греция преподавала Западу три больших урока, которые в настоящее время являются основой западной цивилизации и прогресса. Эти уроки: голосование и дискуссия; законопослушание; логика.

Голосование и дискуссия передают управление страной непосредственно ее гражданам; однако подобный способ управления и ответственность за его результаты возлагает на граждан. Мы видим в «Илиаде», как иногда устраиваются собрания с всеобщим голосованием, и простые люди могут высказывать свое мнение и даже сурово говорить с царем.

Законопослушание. Это означает, что дела вершатся на основе установленных и всеми признанных правил. Если

¹² Такой дало ответ высокое небо:

Что ты говоришь, старик безобидный?

Почему ты думаешь, что и Добро и Зло – от меня?

И кто от знания начинает плакать?

Ты в любом случае выше меня.

Это ты придаешь знанию жизнь.

Поэтому все, что ты сказал, меня не касается,

Солнце и Луна не ведают об этом знании.

Агамемнон берет у Ахиллеса Брисеиду, то лишь потому, что должен получить возмещение за то, что у него отняли. Ахиллес, в свою очередь, основываясь на законе и праве свободного человека, устраняется от дальнейшего участия в сражениях, и его возвращение в строй происходит в то время, когда все его желания удовлетворяются.

Логика – это оценка дел и обстоятельств с помощью мыслительных и чувственных аргументов. Ничто не имеет смысла, если не связано с каким-либо материальным основанием.

Совсем по-другому обстоит дело в «Шахнаме». Совещания и дискуссии занимают здесь гораздо меньшее место. Что касается логики, то логика – это чувство. Мудрость противостоит рассудку, а закон не руководствуется материальными и чувственными принципами.

В «Шахнаме» все управляется волей Неба. В «Илиаде» все решается на земле, и это происходит потому, что люди и боги суть одно и то же, и человек все делает самостоятельно и сам несет ответственность за свои деяния. Поэтому человека «Илиады» можно даже назвать человеком без бога.

«Шахнаме» свидетельствует о том, что древние иранцы жили более гуманно и благородно, чем древние греки «Илиады». По их представлению, нельзя было лишать жизнь духовного смысла, составляющего ее сокровенную суть. Древняя эпоха «Шахнаме» начинается с победы над злобным захватчиком Заххаком. Война между Ираном и Тураном, которая мыслится как борьба за победу Добра над Злом, – это эпоха расцвета, в которую Иран движется к тому, чтобы утвердиться в качестве нации. А для этого он должен проложить свой путь на основе светонорм и гуманистических установлений.

Если мир Запада, основываясь на уроках «Илиады», достиг нынешнего состояния, почему мы не можем обратиться за помощью к ценным урокам «Шахнаме»? Ведь в нынешнюю сложную, полную трудностей и тягот эпоху мы больше, чем когда-либо, нуждаемся в мобилизации общих усилий. Сейчас, используя достижения науки и техники, мы должны постараться стать хозяевами собственного дома и перестать

подбирать крошки со стола Запада, столь резко отличающегося от мира «Шахнаме», где доминируют чувство собственного достоинства, свобода и отвага.

В «Илиаде» и «Шахнаме» мы видим две параллельные линии, которые сегодня неизбежно должны пересечься. «Илиада» движется по пути науки, техники, материалистической логики, которые являются необходимым условием продолжения жизни в новом мире.

«Шахнаме» движется по пути духовности и стремления к высокому, без которых жизнь, даже при том благоденствии и процветании, что наблюдаются в настоящее время на Западе, становится пустой и бессодержательной.

Но есть и средний путь – путь гармонии и равновесия. Именно этот путь может сделать будущий мир более светлым.

тир 1377
июнь-июль 1999

Иранская идентичность в исламскую эпоху

Важнейшим событием истории Ирана за все три тысячи лет является падение Сасанидов и вторжение арабов на территорию этой страны. Отличие этого события от других, случившихся за всю долгую историю на этой земле, в том, что произошла смена религии, а вслед за ней – череда неизбежных изменений во власти и обществе. Династия Сасанидов, которые более четырехсот лет были правителями Ирана, была одной из самых долговечных и могущественных правящих династий в истории человечества, и в древнем мире лишь Рим мог равняться с нею. И вдруг они так внезапно и с такой легкостью сходят со сцены, что это почти не имеет прецедентов в истории. Их падение положило конец тысячелетнему величию Ирана, начавшемуся с династии Ахеменидов.

Религия, пришедшая на смену предыдущей, отчасти напоминала ее, отчасти была от нее отлична. Сходство заключалось в том, что обе религии провозглашают веру в

единого Бога и признают, что управление миром сущего находится в руках могущественного и всевышнего Создателя. Иблис, вставший на место Ахримана, тоже не сильно отличается от него.

Но существенная разница заключается в культурах. Разумеется, между такой страной, как Иран, за плечами которого было почти две тысячи лет, наполненных событиями и превратностями исторического пути, и арабами, которые впервые вступили на историческую арену, не могла не существовать заметная разница.

Поэтому в результате этого события происходят следующие глубокие изменения:

1 – Сасанидское классовое общество рушится, и открывается путь к тому, чтобы класс крестьян и ремесленников, как и вся беднота в целом, смог подняться на более высокий социальный уровень, вследствие чего способности, скрытые в крестьянах и глубинах общества, получают возможность роста;

2 – поскольку ислам не видит разницы между нациями, границы открываются, и страну заполняют чужестранцы, которые до сего времени не имели права въезда в нее. В результате иранское общество начинает становиться полиэтническим;

3 – вследствие этого из смешения разных культур начинается складываться новая культура, которая волей-неволей несет в себе некоторые противоречия.

Географическое положение Ирана, поставившее его на перекрестке четырех дорог – Запада и Востока, Севера и Юга, – стало благоприятным обстоятельством для этих изменений.

После того, как произошли эти изменения, для иранцев начинается удивительная эпоха, в течение которой они не очень-то хорошо понимают, каково их новое положение. Они не понимают, какое их ждет будущее. В отличие от раннего халифата, правление Омейядов знаменуется восстаниями и бунтами. Омейяды с презрением относятся к покоренным землям и считают население этих стран мусульманами второго и третьего сорта, называют их *мавали*, то есть рабами, и вынуждают их для приобретения хотя бы каких-то минимальных прав вставать под защиту какого-нибудь араба.

Те, кто не принял ислам, занимают свое место. Они вынуждены платить *джизью*, а в социальном плане сносить двойные оскорбления. В результате для иранцев наступает эпоха унижения их достоинства, что, в свою очередь, находит отражение либо в вооруженных восстаниях, либо в шуубитской поэзии.

Но всему рано или поздно приходит конец. Хорасанское войско с помощью небольшого отряда арабов свергает династию Омейядов и сажает на их место Аббасидов, пришедшихся родственниками семье Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) С этой переменой власти происходит нечто вроде выздоровления, однако дело еще не закончено. Аббасиды, правление которых, по словам одного из историков, «построено на прощении», под именем ислама возрождают почти Сасанидскую пышность и роскошь, вступившие в противоречие с религией ислама.

В конце этой эпохи, которую можно назвать эпохой формирования нового Ирана, страна неспокойна. Проблема заключается в том, что иранцы не могут забыть того, что около тысячи лет они сами правили страной. Память об этом сидит в иранцах как заноза и не покидает их ни на минуту.

Когда прошло какое-то время, иранцы, словно смотрят на себя со стороны и спрашивают себя: теперь, когда политическая власть уже больше не находится в их руках, на что должны они бросить свои силы и способности, если хотят в полной мере соответствовать славному прошлому?

После прихода Аббасидов в стране начинают утверждаться местные династии – Тахириды, Саффарины, Саманиды и Буиды. Но еще важнее этого было культурное движение, взявшее на себя главную роль. Ситуация перевернулась таким образом, что культурное господство пришло на место политическому господству. Никто этого не планировал. Это случилось само собой. И способствовали этому два фактора: первый – запасы «динамизма», заставлявшего иранцев в любых условиях работать и двигаться вперед при поддержке своей культуры и древней истории, и второй – сама ситуация того времени, которая требовала соответствующего отражения и реакции. Культура стала защитным средством для сохранения бытия, для того, чтобы иранец мог сказать: «Я жив».

Со второго века постепенно начинается удивительная эпоха. Хочу привести в качестве примера троих людей, каждый из которых проявил усердие и пыл, свойственные иранскому народу. Первый – Рузбех ибн Мукаффа (убит в 162 г. по лунной хиджре, что соответствует 783 г. по христианскому летосчислению), который больше других пытается вернуть Ирану самобытность, присущую его прошлому, и связать ее с новой эпохой, а, в конце концов, отдает за это жизнь.

Второй – Мохаммад Джарир Табари (226 – 310 гг. по лунной хиджре; 847 – 931 по христианскому летосчислению), который, наряду с тафсиром Корана, пишет подробную историю Ирана и тем самым тоже стремится установить связь между Ираном доисламской эпохи и Ираном исламской эпохи.

Третий – Хусейн Мансур Халладж (убит в 309 г. по лунной хиджре, что соответствует 930 году по христианскому летосчислению) – самоотверженный мусульманин, поливший своей кровью саженец иранского мистицизма и противопоставивший свободу фанатизму, бунту и лжи.

В третьем веке происходят два важных события, с моей точки зрения, делающие этот век важнейшим в исламской истории Ирана. Первое – это появление новоперсидского языка (дари), с помощью которого иранцы обретают средство самовыражения. Второе – это создание «Шахнаме», которая становится документальным подтверждением иранской самобытности и стимулом к дальнейшему развитию национальной сущности Ирана. Два этих фактора на протяжении последующей тысячи лет служили этому народу опорой, определяли его путь и дарили утешение.

Если бы духовный настрой третьего века продолжался дольше, и более или менее научное мировоззрение таких людей, как Рази (251 – 313 годы по лунной хиджре, что соответствует 872 – 936 гг. по христианскому летосчислению), Фараби (260 – 339 годы по лунной хиджре, 881 – 960 годы по христианскому летосчислению), Ибн Сина (370 - 428 по лунной хиджре, 991 – 1049 годы по христианскому летосчислению) и Бируни (362 – 440 годы по лунной хиджре, 983 – 1061 годы по христианскому летосчислению), проложило бы себе путь рядом с незыблемым мировоззрением «Шахнаме», Иран

принял бы другой облик. Но приход в страну туранцев – Газневидов, затем Сельджуков и Хорезмшахов, вкупе с влиянием Багдадского халифата, создали совсем иное положение. Иран неизбежно принял другое направление, и на поле жизненной битвы занял постоянную оборонительную позицию.

Важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Иранцы с самого начала рассматривали ислам отдельно от народа-победителя, принесшего его в Иран. Когда ислам был принят как религия, к нему относились с уважением, однако на проводников арабизации, как тюрок, так и иранцев, смотрели неодобрительно. Это было не прямым столкновением, а подспудной борьбой, протекавшей под прикрытием разнообразных личин: противостоянием дехканства и недехканства (третий и четвертый века), рафизитов и суннитов, мистиков и благочестивых ревнителей шариата, знати и плебса и т.п.

Речь не шла более об иранской *нации*, потому что страна была разорвана на части. Речь шла о драгоценном зерне «иранского начала», хотя вслух об этом не произносилось и слова. За это драгоценное зерно и велась тайная битва. Все пытались найти способ освобождения от оков, по сути своей посягавших на «иранское начало».

Следует теперь задать вопрос: а что означает это «иранское начало»? Полагаю, что определение «иранского начала» или «иранскости» не может быть исчерпывающим, поскольку это очень сложное и смутное понятие. Имея за спиной три тысячи лет истории, оно не является чем-то удивительным и чуждым. На самом деле, его нельзя «очистить», но его можно «подправить», по аналогии с тем, как у дерева спиливают засохшие ветви. «Иранское начало» порождено географическим положением и исторической судьбой этой страны. Это скорее культурное, чем этническое понятие. События приходят и уходят, а культура остается несмотря ни на что.

Характерная черта всей этой эпохи заключается в том, что Иран стал страной двух культур. То есть остатки древней культуры, обладающей глубокими корнями, соседствовали с учением и культурой ислама. И многие усилия нашего народа

были затрачены на то, чтобы совместить или примирить между собой две эти культуры. На протяжении последней тысячи лет и литература, и искусство, и история наглядно демонстрируют эти усилия. Эти две культуры сосуществовали всегда и соперничали между собой, пытаясь установить некое равновесие. Пример такого рода являет собой Абу Хамид Газзали, весьма убежденный мусульманин, который, тем не менее, не может устраниваться от «иранского начала». Он и мистик, и благочестивый ревнитель шариата, и он же пишет книгу «Насихат ул-мулук» («Назидание царям»), которая прославляет доисламский Иран.

Таким же образом поступает и Низам ул-Мулк, который, с одной стороны, пишет «Низамийе», а с другой стороны – «Сийасатнаме», которая в качестве образцового государства представляет доисламский Иран.

Другой важной чертой является сосуществование мистицизма и шариата. Немало было мыслителей, которые сочетали в себе оба направления. Например, Баха ад-Дин Валад, отец Мавлави. Да и «Маснави» самого Мавлана Джалаладдина, вызывавшие возражения у некоторых знатоков шариата, часто являются, вопреки этому, «аятическими». Сплошь и рядом они являются отражением веры, однако при этом в них встречаются отдельные слова, способные вызвать возмущение правоверных мусульман. И эти два бейта, имеющие отношение к знаменитому суфию Ахмаду Джаму, можно сказать, выражают состояние многих иранцев:

*Ни в мечеть не иду, ибо это плутовство,
ни в кабак, ибо это пустое похмелье.*

*Между мечетью и кабаком есть путь.
Я странник влюбленный. Какой же путь – этот?*

Большинство иранцев знать не знали о раздвоенности собственного сознания, ставшей частью их культурной природы и воспринимавшейся ими как нечто естественное. Конечно, были и такие, кто стоял в двух более определенных рядах, и это те, кого можно назвать, одних, «иранофилами»,

а других – «арабофилами». Об этом я уже говорил в статье "Кипарис, отбрасывающий тень» («Сарв-е сайефкан»), посвященной Фирдоуси. В четвертом веке это противостояние стало заметнее. И это то самое время, когда, вследствие политики Саманидов, на повестке дня оказываются воспоминания об иранском прошлом и это заканчивается составлением разных «Шахнаме», начиная от «Шахнаме» Абу-л-Муида Балхи, «Аммаре» Марвази и Дакики и «Шахнаме» Абу Мансури, и кончая «Шахнаме» Фирдоуси. Побудительным стимулом к этому являются давление и грубое отношение Дамаска и Багдада, сопровождаемые народными волнениями и, конечно, память иранцев, никогда не забывавших о славном прошлом Ирана.

Ярчайшим выражением двойственности сознания является известная касыда «Айван мадаэна» («Айван-и мадаин»), автор которой – Хакани – стал выразителем сокровенного внутреннего мира народа. Этот Хакани был очень набожным мусульманином, но ему нисколько не казалось странным со слезами и вздохами вспоминать о немусульманском прошлом Ктесифона. Несомненно, Багдад времен Аббасидского халифата, Багдад «Тысячи и одной ночи», давал ему наглядный пример перемены судьбы.

Многое зависело от встречной реакции. Иранофилы были людьми, которые очень отрицательно относились к правлению тюрок в союзе с Багдадом. В целом они хотели повернуть страну к независимости и сделать ее более открытой. В отличие от них, арабофилы представляли собой кучку людей, питавшихся со скатерти, расстеленной туранцами, и считавших, что поддержка Багдадского халифата поможет им сохранить их положение.

Это деление, достаточно смутное и приблизительное, не означает, однако, что иранофилы были менее верующими людьми по сравнению с представителями другой группы. Нет, все дело в типе восприятия и степени использования религии. Даже можно себе представить нечто прямо противоположное: у тех, кто открыто заявлял о своей приверженности шариату, приверженность мирскому и корыстолюбие были развиты больше. Доказательством этого является то, что они все время

укреплялись в самом центре власти, как в правительстве, так и среди народа.

В конце концов, поскольку иранофилы находились в религиозном обществе, и их лозунги были недоступны для понимания большинства людей, они стали проводить политику совмещения. В результате этого вся сила национального чувства была отдана мистицизму. Фирдоуси и Дакики передали свое знамя Санаи и Аттару. Некоторое время спустя появились «Маснави» Мавлави, который вольно или невольно взял на себя обязанность сложения иранского эпоса исламской эпохи и встал плечом к плечу с Фирдоуси.

Приход мистицизма в иранскую литературу – да еще с таким блеском и с таким размахом – имеет очень большое значение. Иранцы устали от традиционных способов борьбы, как оружием, так и пером. Они видели, что из этой борьбы ничего не выходит.

Поэтому они стали искать укрытие в мире смысла. Приход тюрок к власти ударил по крепкому столбу под треснувшим потолком Аббасидов, но надежда на освобождение не уходила. Последней попыткой вооруженного сопротивления стала борьба аламутцев¹³, отвага которых не смогла принести им победу. Мистицизм, игравший двойственную роль, сам того не желая, стал средством сохранения иранской идентичности. С другой стороны, он послужил и исламу, потому что открыл совершенно завораживающее, космическое пространство.

Сообразно своему положению и условиям жизни, иранцы всегда имели склонность к мистическим размышлениям, однако в доисламскую эпоху, по причине могущества общегосударственного и деятельного оптимизма зороастрийской традиции, это не находило такого явного отражения в культуре страны. В исламскую эпоху, начиная с середины четвертого века, сложились все предпосылки для развития

¹³ Аламутцы - исмаилиты, чье государство с центром в крепости Аламут (в районе Казвина) на протяжении всего двенадцатого века (по Р.Х.) оказывало решительное сопротивление Сельджукидам. Сокрушительный удар исмаилитскому государству смогло нанести только монгольское нашествие (прим. пер.)

иранского мистицизма, потому что в такие эпохи, когда социальные основы расшатываются, обращение к сверхъестественному приобретает большую силу.

Совершенно очевидно, что речь никоим образом не идет об отрицании сущностной ценности мистицизма, ибо его роль в повышении значимости человека отрицать невозможно. Речь идет об утрате равновесия, в котором всегда нуждается более или менее справедливое общество: равновесия между мышлением логическим и мистическим. Мистицизм сделал мысль иранцев более изящной, однако с социальной точки зрения, особенно своим упадочным суфийским ответвлением, вызвал что-то вроде осеннего упадка духа, депрессии, результатом которой стали неразумие, беспечность и своеволие. Для всего этого существовали и социально-политические причины, действовавшие помимо воли иранцев, однако какой бы ни была причина, результат был одним и тем же, и он заключался в том, что ответ иранского общества потребностям сегодняшнего мира стал проблематичным.

Культура Ирана в эпоху, следовавшую после принятия ислама, конечно, пыталась проявить себя в разных областях, но основную тяжесть взяла на себя поэзия. Почему так произошло? Прояснение этого вопроса для нашей темы является очень важным. Если выразиться кратко, то это произошло потому, что иранцы потянулись за утешением, надеждой, пышным слогом, а больше всего за возвышенным языком, ставшим крепостной стеной, защищавшей его от невзгод и несчастий. Культура пришла на смену политическому могуществу, а наиважнейшим средством выражения этого стала поэзия. Это до некоторой степени отвечает на вопрос, почему персидский язык стал одним из самых богатых поэзией языков мира, и почему иранцы нашли для себя укрытие под сенью дерева поэтического слова.

Можно сказать, что нет такой проблемы, стоящей перед человеком и человечеством, анализа которой или ответа на которую не нашлось бы в персидской поэзии. Мне уже приходилось говорить о том, что важные языки мира, как правило, имеют одного самого главного выразителя, то есть одного человека, ставшего великим певцом, так сказать,

«драгоценного зерна их бытия», в то время как у нас есть четыре таких певца, четыре человека, воспевшие это бытие с четырех сторон. Причина этого, несомненно, и в разнообразии проблем, стоявших перед Ираном, и в особом поэтическом гении этой нации.

Социальное неблагополучие не давало народу возможности сохранять те благородные помыслы, что извлекались из этих произведений, и при этом не обращать внимания на реальность жизни, пресыщенной источником разума. Поэтому иранцы склонны считать, что любую проблему можно разрешить с помощью того или иного поэтического бейта, и что поиски корней и приведение доказательств недостойны образованного человека.

Конечно, сладких обманов такого рода в поэзии тоже немало:

*Если как врач придеши ты к моему изголовью,
двум мирам не отдам наслаждение этой болезнью.*

Насколько мы знаем, способ мышления каждого народа больше всего зависит от социальных, экономических и исторических условий и обстоятельств.

Этот бейт Саади по сей день на устах иранцев:

*Все мои предки были знатоками религии,
Для меня же твоя любовь стала учителем поэзии
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Жить в Иране всегда было небезопасно, так как в стране часто царило беззаконие. И поскольку люди не были уверены в завтрашнем дне, им было легче воздерживаться от поиска причин, потому что поиск причин неизбежно влечет за собой поиск выхода, требующий приложения сил, а приложение сил, не дающее надежды на спасение, не вызывает интереса.

Иранцы воспитаны гармоничной культурой. Культурой, которая так продвинула их вперед, что они не могут довольствоваться одной верой и всегда хотят рядом с ней видеть еще что-то. Поэтому они и мистики, и ревнители шариата, и, в некоторой степени, последователи Хайяма, и хранители

остатков доисламской культуры, и люди, жаждущие обновления, и с этими своими текучими идеями они не отказываются и от того, чтобы, в случае необходимости, отделить одну от другой и признать более целесообразным то направление, к которому в данный момент склоняется душа.

Когда речь идет об иранской *идентичности*, по моему мнению, в первую очередь следует обратиться к литературе. История следует на втором месте, потому что литература более проницательна, более бесстрашна и более надежна. Когда мы обращаемся к литературе, мы удивляемся тем сложным поворотам, иносказаниям, зигзагам, ироническим оборотам и приемам, которые применяются для того, чтобы сказать о сути дела, докопаться до самой глубины.

Ни в одном другом языке искусство иносказания не развилось так, как в персидском, потому что об очень горьких истинах требовалось говорить вежливым и приемлемым языком. И это показывает, какой огромный груз тайн хранится в сердце иранцев.

Последним великим разоблачителем, сказителем и прорицателем был Шамс ад-дин Мохаммад Хафиз. В нем сконцентрированы все предшествующие идеи. В его стихах в сжатом виде присутствуют мысли «Шахнаме», «Маснави», Хайяма, Саади и других мыслителей. Он одновременно и тот, кто вносит сомнение, и тот, кто приносит радостную весть.

При внимательном взгляде на поэзию Хафиза, мы увидим, что в ней представлен весь набор иранской мысли. Вот два-три примера:

*Мир и дела мира - совокупность ничего ни в чем.
Тысячу раз мне приходилось убеждаться в этом.*

Прямо противоположное:

*Соловей, влюбленный в тебя, жаждет жизни, потому
что, наконец,
сад станет зеленым, и расцветут красные розы.*

Он и знаток Корана (хафиз), и поклонник Джамшида:

* * *

*Ничего прекраснее, чем твоя поэзия, не встречал Хафиз,
Клянусь Кораном, который в ларце моей души.
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

И прямо противоположное:

*Где ты видел в этом мире преданность? Принеси чашу
вина!
Чтобы я тебе рассказал о Джаме и царе Кавусе.
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Он и ринд, и человек, склонный оплакивать утро:

*Доколе будешь по утрам пить вино и сладко спать?
Стремись к тому, чтобы ночами спать и по утрам
плакать
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Он в нем не нуждается, и нуждается одновременно:

*В изголовье кирпич, а ноги достают до созвездия
Большой медведицы,
Взгляни, что сделала \с ним\ рука власти и его высокая
должность
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Прямо противоположное:

*Пришла весть о том, что наступила весна и пробилась зелень.
Когда поступит жалованье, потрать его на цветы и вино.
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

И Саади в своих произведениях тоже выражает эти особенности иранского мировидения.

Контакт Ирана с западной цивилизацией внес в иранскую идентичность третий фактор. Вероятно, начало этому положил Туркманчайский договор 1828 года по христианскому летосчислению. Иран становится соседом двух колониальных держав – царской России и Британской империи в Индии – и с этого момента вступает на международную арену.

Здесь мы не касаемся военных и политических последствий, укажем только на культурное влияние. С этого момента Иран, неся на плечах ношу своей прежней идентичности, более или менее сельской жизни и однозначно традиционного мышления, открывает глаза на другой мир. Поражение в войне с Россией и заключение унижительных Туркманчайского и Гулистанского мирных договоров, в которых часть его территории была уступлена в обмен на поддержку династии Каджаров, наносит ему тяжелый удар. С этого момента иранцы начинают понимать важность развития промышленности, особенно военной промышленности. О Хадж-мирзе Агаси, визире Мохаммед-шаха, рассказывают, что его интересовали только две вещи: рытье каналов и форма пушечных ядер. Этот интерес очень важен для человека, совсем не сведущего об ином мире. Это требование времени. Каналы необходимы для обеспечения населения хлебом, а пушечные ядра – для защиты страны.

Кайем Макам и Амир Кабир прославились как представители реформистского направления. Оба не жалеют жизни для осуществления реформ. Пытаясь защитить свои традиции, иранцы оказывают сопротивление реформам. Впоследствии мы увидели, какие последствия принесла поспешность в осуществлении реформ.

Постепенно Иран пробуждается от зимней спячки, и появляется конституционное движение.

Конституция, или право на участие людей в определении собственной судьбы, – это западное изобретение. Именно с ее принятием в стране и появился этот третий элемент. И естественно, внедрение его происходило не без столкновений. Реформа или традиция? Иранцы колебались между ними.

*Я сижу между двух похитительниц сердец, и мое
сердце колеблется...*
(подстрочный перевод – С.Абдулло)

По сути своей, иранцы одновременно являются и традиционалистами, и новаторами. Это обстоятельство лишь увеличивает неопределенность иранской идентичности. Даже сейчас в самых отсталых и нетронутых современными веяниями иранских семьях заметны следы модернизации.

Можно сказать, что телевизионная антенна воткнута прямо в сельскую скирду. Радио считается теперь чем-то совершенно заурядным. Более того, все слушают передачи зарубежных радиостанций. Дальше – больше: мотоцикл для юноши, а западная косметика для невесты становятся самыми обязательными вещами. В то же время представители старшего поколения не перестают посещать общую пятничную молитву.

Итак, перед нами три направления: *иранское начало, исламизм, модернизация*. Иранская идентичность сегодня принимает три эти формы. Есть ли в этом какое-то противоречие? Надеемся, что нет. Иранское начало – это культура, имеющая глубокие корни. Со своими недостатками и достоинствами. Достоинства ее надо ценить, а с недостатки – изживать. Если мы хотим твердыми шагами вступить в двадцать первый век, то иного пути у нас нет. Что касается исламизма, то ислам – это религия, достойная всякого уважения, поскольку она стала средством создания глубочайшей связи человека с Небом и Создателем. Необходимо оставлять открытым путь к ней и следить за тем, чтобы чистота ее осталась незапятнанной. А величайшим врагом этой чистоты является принуждение к лицемерию. Иначе говоря, ситуация сейчас такова, что видимость религиозности считается гарантией прогресса и условием сохранения спокойной жизни. Такое лицемерие будет постоянно подпитываться страхом или расчетом, или и тем, и другим одновременно, и может серьезно расшатать общество.

Представим себе общество, которое мечется в тисках лицемерия. Это болезнь истории, и на борьбу с ней нужно

подняться так же, как на борьбу с саранчой и малярийными комарами. Во всех выдающихся произведениях персидской литературы, от Насира Хосрова и Санаи до Суфийе и произведений самого последнего времени, из уст представителей иранской мысли не прекращают литься жалобы на эту заразу. Не думаю, что в мире есть какой-то другой язык, который так упорно и настойчиво говорил бы об этой напасти. Так что лицемерие – это старый противник, и забывать о нем не следует.

Однако сейчас, хорошо это или плохо, но мы находимся в цепких когтях модернизации, и избавления от этого нет. Модернизация проявляет себя в форме науки, а наука в форме хлеба. Поэтому если сказать кому-нибудь: «Держись подальше от всего нового», это все равно, что сказать: «Не ешь хлеб». Таково состояние сегодняшнего мира. Возможно, если бы он был другим, то было бы проще. Но этого нет. С другой стороны, отделить одно от другого невозможно. Нельзя есть хлеб прогресса, а его самого избегать.

В современном мире люди спят стоя, потому что звук машинных колес не дает им возможности спать нормально. Но при этом человеческая пытливость натянула свой лук почти до предела. Своими научными изысканиями человек доказал, что сущее безгранично, и все, что ему осталось, так это заново доказать, что существует и человек.

В конце нашей дискуссии рассмотрим еще один вопрос: кто мы и чего хотим? Если мир двадцать первого века сохранит свое равновесие, естественно, что каждая страна должна будет посмотреть на себя со стороны и подготовиться к вступлению в эпоху, которая, по причине большего давления и большей сложности, будет требовать большей сознательности.

Мы – нация, которая обладает очень тесной связью с прошлым. Это может, как помочь в разрешении проблем, так и усугубить их, в зависимости от того, как мы с ним обращаемся. Мы уже говорили о том, что после принятия ислама Иран оседлал конька культуры и именно на нем добрался до сегодняшнего дня. Все, что произошло с Ираном, произошло от культуры, благодаря культуре.

И сегодня, как наши надежды, так и наше беспокойство, связаны с культурой. А это значит, что нас беспокоит, какими будут духовное состояние и образ мыслей нынешних жителей Ирана, как будет идти воспитание молодого поколения и какой будет нравственная сила, пробуждающаяся в мужчинах и женщинах. Экономика, управление и политика тоже следуют в фарватере культуры, и без развязывания культурного узла ни один другой узел развязан быть не может.

С материальной точки зрения, у Ирана нет недостатка ни в чем: ни в размере территории, ни в природных богатствах, ни в плодородии земли, ни в географическом положении. Всего этого Ирану хватает, однако тот последний рычаг, который может привести в действие все эти факторы, должен заключаться в идеологии.

Культура нашего прошлого считается одной из трех-четырех великих древних культур всего мира. Однако не следует оставлять этот великий капитал в пределах восхищения и любования. Если живые элементы этой культуры не будут применены в сегодняшней жизни, то с учетом, как мощных побед, одержанных западной культурой, так и всей логики прогресса, мы обнаружим, что заблудились в лесу истории и остались без какого-либо приюта. Но если мы заново откроем себя, то нет никакого сомнения в том, что мы сможем снова обрести положение, достойное нашей страны.

Не будем забывать, что все эти великие достижения культуры прошлого, начиная от каллиграфии, росписи золотом, архитектуры, живописи и ковроткачества и кончая словом и книгой – то есть литературой, – это плод сознания и рук людей, которые создавали их в очень неблагоприятных условиях, в обстановке войн и социальных катаклизмов. Что, кроме терпения, благородства, веры и мудрости, могло их поддерживать?

Единственным отличием двух – трех последних поколений иранцев от иранцев прошлого является столкновение с волной западной культуры.

Это столкновение потрясло нас. Теперь нам надо заново обрести уверенность в себе. Это необходимо для того, чтобы правильно оценить то, что мы имеем и чего не имеем, и для

того, чтобы понять ценность того, что мы имеем, и разумно принять то, в чем действительно нуждаемся.

Если для этого и есть препятствие, то лишь единственное. Мы должны стать «детьми своего времени». Когда речь заходит о «перестройке» и модернизации, то в первую очередь нужно иметь в виду культурное обновление, необходимость которого просто висит в воздухе.

Последнее слово – за человеческой природой

*Посади дерево дружбы, и плодом его станет
сбывшееся желание.*

*Выкопай саженец вражды, ибо принесет он
лишь бесчисленные страдания*

Хафиз

Если мы назовем подходящий к концу двадцатый век самым полным на события столетием человеческой истории, наши слова не будут пустой болтовней. Две мировые войны, первая и вторая, которые по количеству убитых и тяжести разрушений не знали себе равных в истории, российская и китайская революции, претендовавшие на то, чтобы коренным образом изменить судьбу человечества, затем крушение Советского Союза и Восточной Европы и завершение культурной революции в Китае, обретение независимости колониями, ликвидация в ряде стран, и в том числе в Египте и Иране, монархии, великий прогресс науки и техники, расщепление атома и высадка человека на Луне, появление компьютеров и Интернета, изобретение новой тактики под названием терроризм, бомбардировки и взятие заложников, загрязнение окружающей среды, которое мешает дышать всем людям, живущим на этой просторной планете, унижение уважаемых и почитание презренных, и десятки других событий такого рода являются порождением именно этого века.

Люди, жившие в двадцатом веке, а особенно в его второй половине, можно сказать, прожили жизнь пророка Хизра: так много исторических событий выпало на их долю. И если глаза у них были открыты, они должны радоваться тому, что вдоль и поперек исходили сад бытия. Все, о чем было написано в книгах, все, о чем мечтали или предостерегали писатели прошлого, все, что воображение человека рисовало или чего боялось в мифах и эпических сказаниях, все в частичном или сжатом виде предстало перед нами в двадцатом веке.

Воистину удивительно поэтому, что сам человек остался таким, каким был. Мир, конечно, стал меньше (так как возросли скорости), а также теснее и грязнее, и наука старается как-то решить эти проблемы, но человек, по сути, остался тем же существом, что и прежде, – добрым и злым, мечтательным и алчным, стареющим и неудовлетворенным, и, к сожалению, как и прежде, покидающим этот мир. Поэтому давайте обсудим сейчас, был ли двадцатый век действительно самым плодотворным из всех веков истории или нет. Если взять достижения человечества в отдельных областях, то да, был. Но если мы будем иметь в виду качество жизни, то вряд ли сможем дать столь же утвердительный ответ.

Несомненно, что человек дал максимальную нагрузку своему мозгу. Однако тот спор между мозгом и сердцем, что был начат в очень давние времена, никуда не делся и лишь обострился в последнее время, потому что человек сам избрал такой путь, где был вынужден отдавать приоритет мозгу.

Двадцатый век был полем битвы, по которому человек промчался, используя все присущие ему способности и показав, что он тот же старый плут, каким был описан в сказках, но только чуть более ловкий и иногда более злой и распутный.

Но куда же движется этот торопливый человек, не знающий никаких границ для своего научного развития? Двадцать первый век даст ответ на этот вопрос. Если наука покажет, что может развязать все узлы и решить все проблемы, то это будет означать, что человечество направится в сторону более прекрасного мира. Если же она сможет решить эти проблемы лишь частично, то есть некоторые узлы будут

распутаны, а другие нет, то это будет, вероятно, означать, что запутанные узлы сложнее распутанных. Двадцатый век, наряду с научным прогрессом, принес с собой огромные социальные потрясения и показал, что последние всегда сопровождают первый. Ни в одну из предыдущих эпох не было затрачено столько усилий на обретение свободы, обретение личности и обретение самого себя. Напротив, подавление свободы не имело той же силы, что раньше. Ни в одну другую эпоху кипение жизни не распахивало и не захлопывало с такой силой двери тюрем. Неповиновение, восстания и жажда денег – это другие характерные черты двадцатого века. Конечно, число университетов стало огромным, однако никогда еще до сих пор знание и материальная заинтересованность не были так тесно связаны между собой.

Ни в одну другую эпоху банки индустриальных западных стран не были так переполнены деньгами, а богатства стран третьего мира не подвергались такому разграблению. Колоссальная часть этих богатств была украдена лидерами самих этих стран, которые уже опозорились на весь мир (или опозорятся скоро)¹⁴. Эксперименты различных политических режимов и применение разных «-измов», каждый из которых увлек за собой целые группы людей, тоже относятся к «открытиям» двадцатого века, но человечество до сих пор не знает, какой из многих путей выбрать, не знает, какая дорога приведет его домой.

Русский коммунизм, китайский коммунизм, фашизм, военная диктатура, капитализм и картели, традиционализм, смешанная экономика, монтаж – ни один из этих путей не смог доказать, что является путеводной звездой, обязательной для всех. Даже парламентская демократия западного типа, которая в некоторой степени оказалась более выносливой, чем остальные, тоже начала прихрамывать. Свобода, которую выбрал для себя западный мир, это зерно, не отделенное от

¹⁴ Недавно информационные агентства сообщили, что сто мил-лионов долларов, хранившихся в швейцарских банках на счетах Маркоса, бывшего президента Филиппин, возвращаются в его страну. Общее число заграничных вкладов этого человека превышает астрономическую сумму в десять миллиардов долларов.

плевел. Она потворствует проявлению буйных человеческих инстинктов, и теперь обязанность гуманизма заключается в том, чтобы придавать инстинктивным желаниям форму культуры, приручать и смягчать их. Поскольку ни один из экспериментов прошлого не принес долговечных результатов, это показывает, что мир вплотную подошел к эпохе, которая должна принести новую идею. Все предпосылки для перемен уже сложились и сделали их неизбежными. Неудачи предыдущих экспериментов, социальные взрывы, скорость связи, повышение уровня образования и повышение ожиданий, существование оружия массового поражения, ужасающий разрыв между отдельными странами, между богатыми и бедными, а также между правительством и народом в достаточно большом числе стран – все это указывает на то, что должно появиться нечто, совсем не похожее на то, что было раньше.

Отличие двадцать первого века от прошлого будет заключаться в том, что охраняемые границы и предохранительные клапаны в них сократятся до минимума полезности, и местные проблемы могут стать проблемами мировыми. Следствием ускорения связи стало то, что все страны стали близки друг другу, можно сказать, как ближайшие соседи. Поток беженцев в богатые индустриальные страны сделает контроль границ более затруднительным, чем прежде. Производство средств разрушения оказалось таким доступным, что всего несколько человек могут ввергнуть в состояние хаоса самые безопасные и оснащенные города или за одну ночь разрушить планы целой страны¹⁵. Поэтому если уж говорить о «новом мировом порядке», то в двадцать первом веке новый мировой порядок обязательно должен поставить весь мир на более прочное основание. Он должен постараться преодолеть все «-измы» и тому подобные определения и увидеть, что требует сама человеческая природа. Уже теперь необходимо прочертить красную линию, переход за которую будет

¹⁵ Убийство иностранных туристов в египетском Аксаре – один из последних примеров. Учитывая то, какую важную роль играет туризм в экономике Египта, обратим внимание на катастрофичность этого события.

непредсказуемо опасен. Человеческому обществу противостоят два противника: оно *само* и *природа*. Само себя человечество какое-то время может развлекать или обманывать, но теперь эта чаша уже практически переполнена. Но вот природу нельзя обмануть никак. Если человечество по невежеству своему захочет посягнуть на честь природы, то оно будет наказано. Признаки этого уже сейчас заметны в многочисленных предупреждениях окружающей среды.

Но что касается связи людей с собой, то здесь все относительно. Жизнь, хоть частная, хоть общественная, никогда не может совпасть с мечтой. Она может стать достаточно приемлемой. И то, что с самого начала цивилизации до нынешнего дня человечество хоть как-то смогло себя сохранить, произошло благодаря тому, что существовало некое неустойчивое равновесие. Если какие-то течения, противоречащие природе человека, захотят под каким-либо именем и каким-либо способом, силой или пропагандой, навязаться ему, они столкнутся с сильнейшим противодействием. Правление Сталина в России было самой железной рукой, которая до того времени правила каким-либо народом¹⁶, однако конец его ни для кого не является тайной.

Советский Союз, который был второй великой державой мира и хотел поставить под свои знамена весь мир, сейчас беден настолько, что не может выплачивать зарплату солдатам и рабочим. Не говоря уже о бывших советских республиках, которые после семидесяти лет «сказочного режима» влечат жизнь более тяжелую, чем Шри-Ланка. Культурная революция в Китае хотела связать дух китайского народа так же, как связывали (пеленали) ноги китайских девушек в императорском Китае. И сегодня еще не остыл ее пепел¹⁷. Конфуций актуален и по сей день, несмотря на то, что прошло более двух

¹⁶ Подробно об этом можно прочитать в книге Эдварда Радзинского «Сталин», которая недавно была опубликована газетой «Этелаат».

¹⁷ Для сравнения двух периодов культурной революции и ее результатов можно обратиться к моей книге «Дневник путешествия в Китай» (особенно главу «Куда идет Китай?») и к серии статей «Снова Китай» в журнале «Хасти», где они печатались с осени 1372 (1994) до осени 1373 (1995) г.

с половиной тысяч лет, а вот судьба деятелей культурной революции служит назиданием для других.

Мы привели эти два примера, как близкие нам по времени. Но подобных им немало в театре истории.

Решение проблемы уплотнения мира должно быть глобальным. Уже сейчас мир переживает культурный кризис. В ряде районов мира этот кризис проявляется в столкновении между национальной культурой и культурой глобальной, которая с помощью спутников и других средств массовой информации навязывается всем народам. В связи с этим возникает вопрос: какой будет культура человека грядущего века? Очевидно, в мир придут поколения, порожденные как глобальной, так и национальными культурами. Но что такое эта «глобальная культура»? В основном, она идет из индустриальных стран Запада или же из источников, подпитываемых индустриальным обществом. В любом случае, это – культура, порожденная промышленностью и прогрессом. Любые мечты о том, что в один прекрасный день индустриальная культура прекратит существование, бесполезны и беспочвенны. До тех пор, пока человечество будет иметь дело с таким громадным населением и его нынешними потребностями, у него нет иного выхода, кроме как связывать свою жизнь с развитием индустрии, если только какая-нибудь чрезвычайная катастрофа не приведет к основательному отступлению назад. Индустрия же, предоставленная самой себе, создает собственную культуру. Необходимо противопоставлять ей заслон. До сих пор доверие человека к тому, что наука сможет решить любую проблему, не ослабевало. И причиной этого было то, что наука с энтузиазмом бралась за любую проблему. Но недовольство и ропот, которые доносятся то с той, то с другой стороны, указывают на то, что здесь не все гладко.

Ни в какую другую эпоху человек не был так обеспокоен своим будущим, и не считал свою жизнь такой бессмысленной, как сейчас. Наука, которая шла вперед одновременно с развитием техники, удовлетворила основные потребности человека, и, конечно, человеку свойственно в первую очередь думать об удовлетворении этих потребностей и мечтать о лучшей еде, о

более комфортабельном жилище, о больших удобствах. Семья, которая вечером проводила пару часов у очага, служившего единственным источником света, а затем ложилась спать, теперь проводит ночь с электричеством и телевизором (или, по крайней мере, радиоприемником). Разве это плохо? И такая семья никогда не откажется от такого образа жизни. Конечно, добираться куда-либо с помощью микроавтобуса гораздо удобнее, чем пешком или верхом на осле.

Но когда произошло накопление благ индустриализации, мало-помалу начали проявляться последствия этого. Деревенским жителям не дает спать и отдыхать вой мотоциклов. Молодой человек, нуждаясь в средствах, начинает заниматься контрабандой и попадает в тюрьму. Молодая сельчанка восхищается внешностью какой-нибудь телевизионной «звезды» и недовольна тем, как выглядит. Она впадает в отчаяние. Теперь она должна либо страдать и терпеть, либо разводиться с мужем. Полагаю, что найти другие подобные примеры не составит труда. В больших городах молодежь совсем позабыла о своих сельских корнях. Перед нашими глазами миллионы таких людей. Но при этом более миллиарда человек во всем мире живут за чертой бедности. Смерть от голода в Африке и в некоторых других районах мира не является чем-то необычным. Конечно, подобное было и в прошлом, и в прошлом имело большие масштабы, но в мире, где все всё знают обо всех, это становится нездоровым явлением. Да, и в прошлом было много войн и убийств, были распространены пытки, и во всех странах были ужасные тюрьмы, где заключенных держали в кандалах и цепях. Но и теперь, в удивительный век научного прогресса, осветившего сознание людей, в эпоху, когда новости мгновенно распространяются по всему миру, мы видим, что в такой стране, как Афганистан, двадцать лет продолжается гражданская война, в которой люди без всяких причин убивают друг друга, и их хоронят в братских могилах. И каждое утро об этом сообщают всем жителям планеты, и те хладнокровно слушают сообщение об этом в новостях. А в Алжире отрезают голову хоть старому, хоть молодому, хоть маленькому ребенку и кладут ему на грудь. И причина не в том, что мир стал более

кровавым, чем раньше. Причина в том, что все сторонние наблюдатели по всему миру или поражены болезнью, именуемой жестокосердием, или же их одолела полная апатия духа. Отличие сегодняшнего мира от прошлого в осведомленности и неосведомленности. Что ж, если мир и дальше будет развиваться в этом направлении, да еще и быстрее, чем раньше, то есть населения будет все больше, полезных ископаемых все меньше, а алчности и корыстолюбия все больше, то куда придет мир?

Учитывая все это, я полагаю, что иного пути нет, кроме как сделать двадцать первый век веком выхода из тупика. Двадцатый век был веком научных чудес. В двадцатом первом веке надо в первую очередь развивать культуру. Культура – это не что-то удивительное и незнакомое, это не красота и роскошь, не поэзия, не роза и соловей. Культура – это в некотором смысле наука жить, причем жить в согласии со временем. С помощью культуры человек должен вспомнить, что он человек, а не существо, научную половину сознания которого гонит вперед шквальный ветер, притом, что вторая его половина остается бесполезной и ненужной. Мы знаем, что это очень трудная задача. Человек привык стремиться к комфорту и благополучию (которые каждый понимает по-своему) изо всех сил, «оседлав волну», даже если рискует разбиться о скалы. Он так занят сегодня, что у него нет возможности думать о завтрашнем дне. Но делать нечего. Нужно остановиться и найти выход из тупика. Двадцать первый век – это век принятия решения, век, который принесет изменения. Но это не значит, что это век забвения науки, ибо стремление к знанию, наука – в природе человека. Знание само по себе является признаком человечности человека. Если человек когда-либо утратит свою научную любознательность, это будет признаком того, что он утратил свою человеческую сущность. Но, с другой стороны, если научное знание не обуздывается культурой, происходит его соединение с «душой», то есть оно становится тем губительным элементом, о котором в своих произведениях так часто предупреждают мудрецы прошлого.

Никто не может предугадать, какой будет судьба двадцать первого века. Несомненно одно: мир не будет двигаться вперед так же, как двигался тысячи лет до этого – медленно и верно, как верблюд. Хочется оптимистически надеяться на то, что человеческий разум снова одолеет возникшие перед ним трудности. И в то же время надо немного остерегаться того, что этот самый разум может, не дай Бог, возгордиться или переоценить свои силы, или возомнить себя богатырем и отправить за дверь ту *древнюю мудрость*, которая до сих пор была его советчицей.

Как мне представляется, будущее будет весьма тревожным в том случае, если сейчас человечество не сможет дать ответ на четыре вопроса: 1) перенаселение; 2) загрязнение окружающей среды; 3) социальное равновесие; 4) права человека.

Кратко рассмотрим каждую из названных проблем.

Перенаселение

Проблема быстрого роста населения планеты волнует многих людей во всем мире. Но все дело в том, как с ней справиться? Если в скорейшем времени не будет открыт способ многократного увеличения урожайности, земля не сможет вместить и прокормить такое количество людей. Помимо недостатка продовольствия и иных средств поддержания жизни, перенаселение повлечет за собой отрицательные социальные и культурные последствия: загрязнение окружающей среды, хаос, рост преступности...

Загрязнение окружающей среды

Не меньшую тревогу внушает загрязнение окружающей среды, ибо до сих пор человечество демонстрирует полное бессилие в попытках справиться с этой проблемой. Много говорится, но практических мер предпринимается мало. Все движется по замкнутому кругу. С одной стороны, промышленные страны не хотят с исправлением ситуации сократить уровень потребления и снизить уровень благосостояния. С другой стороны, неразвитые бедные страны хотят с помощью промышленности обеспечить своему народу лучшую жизнь,

а рост населения превращает это в насущную и совершенно неизбежную необходимость. Ни то, ни другое остановить нельзя. Проблема касается теперь не только земли, но и неба, в частности, наблюдается разрушение озонового слоя. Проблемы эти очень сложны. Урбанизация и рост населения, рост населения и рост потребления, рост потребления и рост промышленности завязаны в один крепкий узел с поисками средств существования и алчностью, и именно этот узел и порождает загрязнение.

Социальное равновесие

Двадцатый век с его лихорадкой прогресса и давления сделал отбор талантов составной частью своей программы. Однако проблема в том, что талант не всегда служит общему благу. Когда общество начинает считать нравственные вопросы второстепенными, и прежде всего покупает «полезность» и «продуктивность», то получает распространение лозунг «умри, но сделай!», и вперед продвигается тот, кто смог доказать свою способность быть полезным. В этом плане абсолютным чемпионом является Америка, где эффективность имеет прямую связь с долларом. Будь тем, кем хочешь, будь человеком любой национальности и любых нравственных принципов, но только добывай достижения! Да, с одной стороны, этот подход стал причиной успеха и прогресса во многих областях. Отрицать это нельзя, и некоторая часть научных скачков обязана своим появлением именно этой практике. Однако, с другой стороны, наука, экономика и все, что связано с судьбой общества, стали добывать «достижения», идущие на пользу не большинству, а лишь небольшому числу людей.

Если эта тенденция получит общее распространение, и способности будут иметь большее значение, чем моральные критерии, социальное расслоение усилится, а вслед за ним усилятся и социальная напряженность. Общество превратится в пирамиду, вершина которой окажется тяжелее основания.

Что же касается экономики, то я не думаю, что двадцать первый век согласится на сохранение нынешнего положения, когда восемьдесят процентов мировых богатств находятся в

руках 20-процентного меньшинства, и внутри каждой страны существует примерно такое же соотношение. Мир будет вынужден принять решение двигаться в сторону более или менее гомогенного окружения или же согласится на то, чтобы мириться с нынешним положением.

Нет сомнения, что стремление к мировой гегемонии, характерное для богатых индустриальных стран, создает препятствие для установления здорового равновесия в человеческом обществе. Как можно уменьшить негативное влияние этого явления? Все надеются на развитие промышленности в менее развитых странах. Да, это один из возможных путей, однако не единственный. Большее значение имеют социальное воспитание и образ мышления, ибо всегда важно, на каких принципах основывается деятельность человека. Например, возможности индивидуума и его доход тесно связаны с документом о получении образования, и если не тратить время на праздное шатание по улицам или загорание под солнцем, то каждый сможет получить зарплату по труду и способностям, и не больше того, и т.п.

Для противодействия силе нужно привлечь силу, а это требует всесторонней мобилизации нации. Нужно делом, а не словами и лозунгами, доказать, что страна сошла с орбиты раболепия, потому что существует опасность того, что алчность окажется сильнее необходимости.

Права человека

Всякое улучшение в мире является заложником осуществления прав человека. Насколько нам известно, существуют разногласия по поводу того, какие именно права имеются в виду. Из всех этих споров можно выделить два основных мнения.

Первое. Права человека – это права, имеющие отношение к любому человеку, то есть существу, стоящему на двух ногах и благодаря этой и другим внешним и внутренним характеристикам особенностям отличающемуся от остальных животных. Неважно, кто этот человек и где живет – эскимос он или африканец, белая у него кожа или красная. И поскольку он обладает способностью к познанию и ощущению, это его

неотъемлемые права. Если его унижить, то он обидится. Если его ударить, то он испытает не только физическую боль, но и душевную муку. Он способен грустить и радоваться, а самое важное – он хочет, в разумных и законных пределах, оставаться свободным. Если же недостаток свободы переходит эти границы, человек опускается до положения не человека.

Но есть права человека второго рода. Они имеют отношение к культурному окружению человека, то есть к тому, какое время, какое место и какие условия жизни предоставляет ему общество.

То, что в течение ста последних лет не являлось в том или ином обществе нарушением прав человека, теперь им является. Поэтому права человека в разных странах могут быть разными. Эти различия, конечно, не должны касаться сокровенного. Если покушаются на сокровенное, то возникает опасность исчезновения «человеческого зерна» человека. Чтобы держаться подальше от этой опасности, следует определить основные принципы таким образом, чтобы никакая культура – достойная называться культурой – не имела возможности для отступления.

В той или иной форме права человека существовали всегда и в любой цивилизации, однако не имели специального названия. С рождением нового мира, а точнее, с Великой Французской революции, возникла необходимость дать им определение и характеристику и очертить их пределы. Речь идет о следующих тонких нюансах:

- защита прав человека не должна наносить вред древней культуре той или иной нации;
- нарушение прав человека не должно быть препятствием к свободомыслию, являющемуся правом, данным человеку свыше.

Более конкретное определение прав человека зависит от взаимопонимания, мудрости, благожелательности. Это дело непростое. Нельзя, чтобы это происходило таким образом, чтобы сильные мира сего устанавливали их границы так, чтобы это служило их экспансии. Нельзя допустить и то, чтобы разные провокаторы использовали их для организации волнений и смуты.

Двадцать первый век – Вселяющий страх или Дарующий надежду?

Мировоззрение двадцатого века предполагало, что мыслительная и познавательная способность человека бесконечна и может найти ответ на любой вопрос. К настоящему времени это представление принесло серьезные затруднения и требует пересмотра. В прошедшем веке акцент делался на количественный прогресс. Теперь следует перейти от количества к качеству. Человечество спрашивает себя: «А что теперь?» Что такое «успешный человек» с точки зрения западной цивилизации? Тот, кто работает, выбиваясь из сил, для того чтобы получить как можно больший доход и потратить этот доход на свою жизнь, на ее бытовое облегчение. А за пределами этого ничего нет.

Однако природа человека такова, что перед ним неизбежно встает вопрос: «А что теперь?» Если бы это было не так, то человек оставался бы вечно несчастным существом – поденным работником жизни.

Нет сомнения в том, что для значительного большинства людей вопросом первостепенной важности является вопрос средств существования, однако люди пытаются добыть средства к существованию для того, чтобы за этим последовало еще *нечто*. Если этого *нечто*, того, что нельзя назвать, не будет, жизнь потеряет вкус, и никакое богатство, никакие удовольствия не смогут заполнить ее черную яму. Если бы этой неназванной вещи не было, не появилось бы ни цивилизации, ни культуры, и человек не знал бы ничего иного, кроме работы на земле, еды и войны.

Мы не говорим, что в двадцатом веке человечество обращало мало внимания на цивилизацию и культуру. Нет, наряду с научным и техническим прогрессом прогресс культуры также был поразительным. Культура перестала быть достоянием аристократии и распространилась в широких слоях простого народа. Сейчас есть люди, которые летают на самолете из Европы в Австралию лишь для того, чтобы услышать один-единственный концерт. Сейчас в мире столько музеев, театров и библиотек, и выходит такое разнообразие

книг, чего не было никогда прежде. Но мы не можем понять, почему среди всего этого оказалось так мало того самого неназываемого, неуловимого, и почему человек был отлучен от своего самого сокровенного внутреннего желания. В двадцатом веке все получило название, но только не это. Можно ли снова обрести это или же нам суждено навеки с этим попрощаться? Полагаю, что двадцать первый век должен обрести если не это *нечто*, то хотя бы то, что способно его заменить. А это то, что рассматривает человеческую жизнь во всей ее совокупности. Недостаточно только явного. Надо искать и неявное.

Человек – подвижное и переменчивое создание, и никакой застой для него неприемлем. С древних времен существует поговорка: «Если отправляешься в город тростника, надо ехать верхом на тростнике». Сегодня, когда наука довела мир до такой степени технического прогресса, что он превратился в «маленькую деревню», необходимо предпринимать шаги, соответствующие его новому объему.

Конечно, люди делятся на разные этнические группы, и у каждой нации есть своя культура, и речь идет совсем не о том, что нужно стремиться к тому, чтобы все стали на одно лицо. Но когда дело касается единой судьбы человечества, необходимо либо уничтожить совсем, либо снизить уровень того, что вызывает раскол, разногласия и распри. Люди и нации, при всех различиях между ними, происходят из одного корня, связаны общечеловеческим единством. И если мир, уменьшившись в размерах, не сделал едиными человеческие радости, то он все же сделал общими для всего человечества беды и опасности.

Деление на группы под разными лозунгами – региональными, идеологическими, религиозными и т.п. может в короткий срок создать массу полезных предпосылок, однако, в конце концов, для создания прочного и пригодного для жизни мира дальнейший раскол не даст результата. Сейчас так остро встала необходимость определения самых насущных задач человечества, что надеяться на ее решение можно лишь в случае, если участвовать в его поиске будут все.

Помимо обеспечения достойного существования для всех, современное человечество, заикнувшееся на всем материальном, нуждается в общей мечте, целью которой будет человечество в его целостности. Это – необходимое условие для всеобщего мира и благополучия. Но помимо стремления к миру, существуют соперничество, групповые интересы и конкуренция. Природа человека такова, что для продолжения жизни и развития он нуждается в стимуле. Если искать этот стимул в мировой кооперации и мировой солидарности, это окажется гораздо более эффективным, чем его поиски в локальной конкуренции. Всякое деление на идейные группы приведет к делению на группы, противодействующие друг другу. А это, в конце концов, приведет либо к войне, либо к катастрофическому противостоянию. Мы уже видели это в противостоянии НАТО и Варшавского Договора. Какую пользу принесло это противостояние, кроме того, что миллиарды и миллиарды долларов были затрачены на оружие, драгоценные жизни молодых людей были зря потрачены на бесконечную гонку вооружений, а Запад получил оправдание для захвата господства над всем миром. И это было в то время, когда население Советского Союза и стран Восточной Европы остро нуждалось в улучшении условий жизни и образования. В конце концов, они были вынуждены вернуться в ту же точку, откуда начали. Возможно, обстоятельства того времени не очень корректно сравнивать с нынешними, однако в любом случае всякая война заканчивается расколом на лагерь, польза от которого является поверхностной, а вред – глубинным.

Все мыслители прошлого едины в том, что человек имеет двойственную природу – хорошую и плохую. Священные писания тоже подтверждают это. Религиозные и философские школы тратили огромные усилия на то, чтобы направить человека и человеческое общество в сторону расцвета доброй, хорошей половины. Следует приветствовать любое средство, благоприятствующее этому, и воздерживаться от того, что ему мешает.

При всем своем эгоизме человек обладает драгоценным зерном, на основе которого ему и дано обещание спасения. Это драгоценное зерно находится в самой сокровенной глубине его

существа, и оно либо бодрствует, либо спит. Нужно стараться делать так, чтобы оно как можно больше бодрствовало. Поскольку человечество не объединено единой религией, следует довольствоваться тем элементом, что является общим для всех. Это – культура. Это то, что при любых обстоятельствах сознательно или бессознательно было нацелено на то, чтобы открыть человечеству более правильный путь жизни и сохранить самое существенное, было нацелено на взаимодействие и принесение радости. Даже в тех людях, которые считались или считаются отъявленными злодеями, присутствует доброе начало, которое с помощью культуры может принести плоды, а до сих пор было скрыто неблагоприятными причинами и обстоятельствами.

Двадцать первый век, приближение которого мы все уже ощущаем, больше других веков несет груз тяжелой ответственности за сохранение цивилизации, ибо теперь животворные и смертоносные факторы уравнились. Становится очевидным, что наилучший выход в том, чтобы создать международную организацию, но только отличающуюся от нынешней Организации Объединенных Наций – гораздо более широкую, более заботящуюся о культуре и более могущественную, которая взяла бы на себя ответственность за создание программы развития человечества, приняла бы реально осуществимые решения в жизненно важных областях (беспечное отношение к которым смерти подобно) – таких, как перенаселение, окружающая среда, экономическое равновесие, права человека, и смогут придти к общему мнению относительно устранения причин разногласий и споров, которые до сих пор лежат в основе господства меньшинства над большинством. Теперь, когда новейшие средства связи сделали мир «одной большой материальной деревней», почему бы не представить себе, что он станет одной «духовной деревней», где «сыны человеческие будут единым целым»?

Вполне уместно спросить себя: какую роль в этом весьма проблемном и ответственном грядущем веке сможет сыграть наша страна? История показывает, что в иные века Восток вновь обретал то значение, которое имел в древности. Цивилизация зародилась на Востоке и оттуда распространилась

на Запад. Почему бы нам не представить себе, что она может вернуться в свою колыбель? Конечно, деление на Восток и Запад – это необоснованное деление. Может, Востоку стоит брать с Запада пошлину за транзит Солнца? Это, конечно, шутка. Но вполне разумно было бы, чтобы Восток и Запад поделились тем, что имеют. Несколько веков Восток отдыхал и запасался сил, и этот отдых стал причиной того, что он меньше делился своей мудростью в обмен на разум Запада. Иран, как одна из четырех главных стран Азии (три других – это Япония, Китай и Индия), не должен оставаться в стороне. Значение страны определяется четырьмя факторами: полезные ископаемые, культура и история, социальное развитие и мобильность, географическое положение. Иран обладает всеми четырьмя факторами. Ему необходимо лишь верно направить свою гуманитарную силу. Иран занимает более благоприятное географическое положение, чем остальные азиатские страны. Поэтому ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он забыл о себе. Как сказал Фирдоуси: «Не пренебрегай собой!» Конечно, одновременно с этим Ирану не следует забывать, чего ему недостает. Нам надо взбодрить свою историческую память.

Здесь я хочу среди всех перечисленных факторов сказать несколько слов о культуре. Персидский язык должен гордиться тем, что на нем были созданы величайшие гуманистические произведения. Огонь мистического познания мира присущ многим культурам, но, кажется, ни на каком другом языке, кроме персидского, не существует такого широкого и блестящего круга мистической литературы. Насколько мы знаем, цель мистицизма в объединении всего человечества ради того, чтобы в мире, наконец, восторжествовали спокойствие, здоровье и радость. («Перестань думать о том, что вносит раздор, и станешь собранным!» – говорил Хафиз). А Мавлана Джалаладдин всегда показывает связь единого и общего в природе на примере кувшина и моря, и завет его заключается в том, что поскольку мы все происходим из одного источника, то нас тянет к слиянию с этим источником:

*Мы были везде, и были одной жемчужиной,
Мы были тогда без головы и без ног, и все*

*Мы были одной сущностью, подобной Солнцу,
Мы были прозрачными и чистыми, как вода.*

*И когда появился этот беспримесный свет,
Некоторые стали подобны теням от зубцов.*

*Разружьте же зубцы этой башни,
Чтобы исчезла разница между нами.*

(«Маснави-йи ма‘нави», 42 – 1, Издание Николсона)

А также:

*Как много индусов и тюрок говорят на одном языке!
И как часто два турка ведут себя как чужие!*

(Там же, 43 - 1)

Можно спросить: какое дело миру сегодняшней экономики, миру сегодняшних возросших потребностей до мистицизма Мавлави? Это так. Но разве мы в какой-то степени отличаемся от людей, которым адресованы эти слова? Эти слова порождены долгим опытом человечества, они произнесены великими людьми, которые никогда не оставляли надежд и попыток сделать человека более прекрасным. Мудрость всех наций можно слить в один мировой разум, с помощью которого люди начнут жить в согласии друг с другом, перестанут враждовать и воевать. В каждой религии и в каждом учении есть добрые люди и плохие люди. Если проводить такое деление, то следует сказать: «Зло внутри лучше Добра снаружи», и это будет противоречить человеческому достоинству и справедливости.

Не надо представлять дело так, что мы хотим призвать всех наших современников стать мистиками или жить согласно учению Мавлави, ибо это невозможно. Шесть миллиардов жителей Земли не могут быть настолько

духовными, чтобы достичь чистоты, на которую уповает автор «Маснави». То, на что мы хотим опереться, – это беспокойство обо всех сразу, которое является важнейшей основой мистицизма. Из него можно лишь извлечь пример жизни, достойной имени Человека. Культура Ирана, по причине особого географического положения, которое занимала эта страна, и по причине пытливости ума иранцев, оказалась синкретической. В ней присутствуют следы многих ближних и дальних культур. Поэтому в ней больше общемировых и многомерных черт, чем в любой другой культуре Востока, и ее призыв может быть понят гораздо легче. Доказательством этого является то, что иранская цивилизация, наряду с цивилизациями Индии и Китая, сохранилась до наших дней с глубокой древности, и ее влияние распространялось долго и далеко.

Какими бы ни были сложности, и сколько бы ни было наций, в конце концов, каждый политический режим и все человечество в целом неизбежно должны будут обратиться к тому, что является «природой человека». Человек не может изменить свою суть, но он гибок и поддается воспитанию. То знание, которое появится в результате соединения всех знаний, должно быть нацелено на воспитание человека. И понимание этого есть путь современного мира к выживанию.

*Очередь торговцев старьем прошла.
Мы торгуем новым: сегодня на базаре наш день.*

(Мавлави)

Всякий, кто будет этим пренебрегать, поплатится за это. Если мы скажем: «Единство в многообразии», то это не пустые слова, а лучший лозунг для грядущего мира.

Не будем забывать о суде истории

Как часто какие-то высказывания задевают кого-то, но проходит время, и приходит признание того, что они были верными. Суд истории – это совсем не то, что суд злободневной политики. Одним из последних примеров являются слова Билла Клинтона, президента Соединенных Штатов Америки, который двадцать пятого февраля (15 апреля) в своем выступлении, посвященном культуре двухтысячного года, сказал об этом так: «Моя страна, моя культура и мои соотечественники в течение последних ста пятидесяти лет плохо вели себя по отношению к Ирану и причинили иранцам немало обид».

И до него, особенно в первое время, после революции 22 бахмана¹⁸, некоторые западные писатели и государственные деятели высказывали подобные мысли, но ни одна из них не несла того смысла и значения, как признание нынешнего президента США. Но какая в этом польза теперь? Прошло уже около сорока пяти лет с переворота 28 мордада¹⁹. Невозможно даже приблизительно подсчитать, сколько материального и морального ущерба причинила Америка Ирану за это время, сколько людей погибло и сколько пострадало по ее вине. Кто ответит за это?

Проблема Ирана была в том, что он занимает уникальное географическое положение. С одной его стороны – Персидский залив, богатейший нефтяной бассейн мира, с которым связаны жизненно важные артерии Запада, а с другой – Советская Россия, которая еще несколько лет назад желала сделать весь мир на одно лицо. И эти два фактора, как куклу «Зинат и Зивар», тянули Иран, каждый в свою сторону.

¹⁸ Т.е. 11 февраля. Речь идет об иранской исламской революции 1979 г.

¹⁹ Речь идет о перевороте 19 августа 1953 г., когда Мосаддык был вынужден оставить пост премьер-министра.

Между тем, конечно, и внутри страны нашлась эгоистичная группа властолюбцев, равнодушных к судьбе родины, и в результате случилось то, что случилось.

Разумеется, Иран не был единственным яблоком раздора в этой схватке. Список этих стран велик: Вьетнам, Камбоджа, Чили, Гватемала, Афганистан и многие другие.

Теперь, когда расстояния исчезли, больше чем когда-либо проявился образ «тайны вечности». Великие не могут спасти малых. Есть только один путь: малые должны давать себе полный отчет в том, что им придется самим позаботиться о себе. Конечно, когда мы окидываем взглядом весь мир, мы видим, что великие державы используют в своих интересах экстремистские течения слабых наций, как те течения, что направлены в сторону фанатизма и отсталости, как те, что выступают за слишком радикальное обновление.

После переворота 28 мордада радикальная модернизация стала в нашей стране средством получения вседозволенности. Отрыв единственного правителя от народных корней становится причиной того, что он начинает искать опору на стороне. Такой опорой в качестве поддерживающей силы была Америка, а идеологической опорой – «модернизация»²⁰. В течение двух с половиной десятилетий, прошедших между мордадом тридцать второго года и бахманом пятьдесят седьмого года такая большая страна, как Иран, оказалась полностью зависимой от Америки²¹. Эта зависимость достигла

²⁰ Парсонс, посол Великобритании в Иране, пишет: «Я говорил шаху, что гневное возмущение и всеобщее несогласие с режимом – это естественный результат пятнадцати лет давления и удушения в ходе развития его программ «модернизации». Осуществление этих программ усугубляло неравенство, раскол общества и классовые противоречия». – Энтони Парсонс. Гордость и падение. Перевод доктора Манучехра Растина, с. 138.

²¹ Зунис пишет: «После того, как в Куме произошли серьезные волнения, шах сказал одному из своих друзей: «До тех пор, пока американцы поддерживают меня, мы можем говорить все, что нам вздумается, и делать все, что захотим. Свергнуть меня невозможно. – Поражение монарха. Перевод Аббаса Мохбера, новое издание, с.305.

пики в период правления Никсона – Киссинджера²² и, наряду с неумеренной модернизацией, создала предпосылки для столь грандиозного крушения монархии, подобного которому мало найдется в истории. Требовалось обоюдное желание. Шах, вероятно, полагал, что сможет сохранить власть, лишь опираясь на сильнейшую военную державу того времени. Америка же, которая после Второй мировой войны стремилась к мировому господству и отважно сражалась с коммунизмом, тоже не могла предоставить Иран самому себе, так как он, будучи соседом Советского Союза, стал одной из самых важных точек мира.

И приверженность Америке, и модернизация оказались столь неумеренными, что, вместо того, чтобы стать маслом к хлебу, превратились в настоящее бедствие. Шахская клика не учла предостережение Мавлана, начинающееся с таких слов:

*Вода внутри корабля – для корабля гибель,
Вода вне корабля – /для корабля/ опора.*

и кончающееся такими словами:

*Сказал: то, что они создали,
Не является созиданием, а разрушением*

(подстрочный перевод – С.Абдулло)

А все дело в том, что ни американское ЦРУ, ни шахское правительство не знали историю Ирана и не были знакомы с

²² Шукрас писал: «Все сообщения об изменениях в настроении шаха, о чрезвычайном расцвете, а затем обвале иранской экономики в 1970-е годы, о причине усиления зверств САВАК и расширении сопротивления правлению шаха подтверждают важность того, что Ричард Никсон и Генри Киссинджер в мае 1972 года отправились с визитом к шаху».

Джахангир Амузгар верно замечает: «Иранцы, уважающие Киссинджера за ту помощь, что он оказывал шаху, не знают, что это именно тот стал причиной несчастья шаха» (Взлет и падение династии Пехлеви. Перевод Ардашира Лутфалияна. Переводческий и издательский центр «Кетаб»). И снова Зунис: «Соединенные Штаты были главной внешней силой, превратившей шаха из молодого, робкого и неуверенного монарха в «Солнце ариев»» (Там же, с. 306).

его культурой. И то, и другое страдали заикленностью на сегодняшнем дне и близорукостью. Для того чтобы существующее положение сохранялось в неизменном виде и не вышло у них из-под контроля, они должны были затыкать рты и держать под контролем печать. Но, несмотря на это, что-то откуда-то все равно просачивалось. Персидский язык обладает богатыми возможностями использования намеков и иносказаний, и бывают такие намеки, которые говорят о том, что нужно, яснее прямых слов.

В то самое время, когда Иран находился в теснейшей дружбе с Соединенными Штатами, говорить об Америке даже самое очевидное, разумеется, считалось большим грехом. Но сидеть и молчать было грехом куда большим. Поэтому прошу разрешения вспомнить то, что я тридцать лет назад писал об отношениях Ирана и Америки. Речь идет о цикле статей под ироничным названием «Свобода статуи²³»²⁴, которые были опубликованы сначала в журнале «Йагма» (в номерах за абан и бахман 1346 г. (октябрь-ноябрь 1968, январь-февраль 1969) и фарвардин 1347 г. (март-апрель 1969 г.), а затем в книге под таким же названием.

То, что было написано тридцать лет назад, и то, что после иранской революции подтвердили другие, а теперь даже сам президент США, было лишь предупреждением. Однако если бы оно было своевременно услышано, будущее могло бы оказаться совсем иным. В то время мы были еще далеки от той поры, когда Америку в нашей стране стали называть «войском скорпионов» и стали желать гибели ее коварным планам. Но если теперь, по прошествии всех этих лет и событий, мы вновь вспоминаем эти слова, то вовсе не для того, чтобы похвалить себя. Наша цель иная. Обращение к прошлому – это маяк, направляющий к будущему, потому что снова могут возникнуть вопросы, о которых через много лет скажут: «Было сказано, но осталось не услышанным». И кто тогда ответит за ущерб, нанесенный стране?

²³ Выражение *азади-йе муджассаме* можно перевести также как *олицетворенная свобода* (прим. пер.)

²⁴ Свобода статуи (заметки о поездке в Америку). Издание второе, издательство «Йаздан».

Цикл статей «Свобода статуи» начал печататься осенью 1968 (1968) года, после того как я возвратился из поездки в Америку, где я участвовал в международном семинаре в Гарвардском университете. Приглашающей стороной и режиссером этого мероприятия был Генри Киссинджер, который спустя несколько лет стал, внешне столь блестящим, министром иностранных дел (государственным секретарем – прим. пер.) США. В то время он был всего-навсего одним из профессоров Гарвардского университета.

Характер этого семинара (о котором я уже рассказывал в свое время) дал возможность немного поговорить о политике Соединенных Штатов. Мы, представители тридцати с лишним стран, во время многочисленных заседаний в присутствии Киссинджера обсуждали международное положение и роль Америки в мире. На одном из этих заседаний я сказал: *«Есть страны, спокойствие в которых напоминает спокойствие на кладбище. Но придет день, и это спокойствие сменится взрывом»*. Не прошло и одиннадцати лет, как это произошло. Конечно, я не назвал конкретной страны, но все поняли, какую страну я имею в виду. Более подробный комментарий по этому поводу я дал в своем докладе в Гарвардском университете, с которым я выступил перед участниками семинара и группой американцев. Доклад мой назывался «Человек современный и человек развивающийся», где речь шла о Востоке и Западе в целом, но имелись в виду Иран и США ²⁵. (Термин «развивающийся» использовался на Западе для обозначения стран Востока). Приведу несколько выдержек из этого доклада.

Сначала о «человеке развивающемся»:

«У этого человека нет ни танков, ни реактивных самолетов, ни атомных бомб, которые могли бы поддержать его. Но он вооружен силой, эффект которой ничуть не меньше, чем эффект от перечисленных видов оружия. И эта сила заключается в его вере и убеждении. Верить в Истину и

²⁵ Полный перевод этого доклада приведен в книге «Примеры нарушения прав человека» (Издательство «Йазд»). До этого, в 1969 (1969) году, он был опубликован в журнале «Негин».

жить по Справедливости – вот чего он желает и вот к чему он стремится, исходя не из запутанных «философий» и ведущих в тупик «-измов», а из простой и человеческой логики божественного откровения. «Отстающий» или «развивающийся» человек, обвиняемый в авантюризме, неверии и даже каннибализме, в глубине своего сознания жаждет лишь одного – справедливости».

«А это означает, что он хочет того, что на протяжении тысяч лет обещали ему все религии, все морализирующие книги и все правительства, и чего он так и не смог найти в реальном мире».

Что же касается «человека современного»:

«Действительно, можно только удивляться тому, каким образом страны, на территории которых возникла одна из величайших цивилизаций мира, и народами которых были созданы уникальные шедевры мысли, логики, мудрости, литературы и искусства, перед лицом столь неотложных гуманитарных проблем современного мира становятся жертвой такой нелогичности, несправедливости, близорукости и грубости. Они утверждают, что озабочены мыслями о народе, что считают себя приверженцами свободы, равенства и демократии, однако их деяния возмутительным образом опровергают их утверждения» ²⁶.

Вместе с тем, далеким от реальности является утверждение о том, что только иностранцы несут ответственность за это. Вина внутренних элементов была еще выше, и об этом тоже было сказано:

«Настоящая трагедия связана с внутренней ситуацией и берет свое начало в самом сердце «развивающихся» стран. Несправедливость и неравенство – вот корень страдания. Экономика, в которой богатые с каждым днем становятся богаче, а бедные – беднее, не может называть себя здоровой экономикой и издевается над перспективой прогресса, в то время как мы видим, что у одного полюса скапливаются несметные богатства, а у другого – беспросветная нищета, что у одного полюса стоит человек, который тратит сорок тысяч долларов на свадьбу сына, а у другого полюса роются в

²⁶ «Примеры нарушения прав человека», с. 341.

лошадином навозе дети, выискивая не переваренные зерна овса, чтобы поесть их и спастись от голодной смерти»²⁷.

«Сохранение у власти таких правительств становится исключительной целью, и в результате львиная доля богатств страны, а также время и силы всей нации тратятся на ее достижение. Поэтому основные права человека могут оказаться лишенными малейшего содержания, а основы демократии являться в самом карикатурном виде»²⁸. Эта тема получила продолжение в серии статей «Свобода статуи», которая была посвящена отношению Америки к странам Третьего мира и особенно к Ирану.

В те годы в отношениях Ирана с Америкой комар бы носа не подточил. Сначала Кеннеди успокаивал шаха, потом то же самое делал Джонсон. Когда примерно в то же самое время шах отправился с визитом в Америку, Джонсон, встречая его, назвал его «источником своего вдохновения».

Несколько отрывков из «Свободы статуи»:

«Есть люди, которые, не относясь к Америке враждебно, осуждают многое в ее поведении и поступках, потому что видят, что сила и богатство этой страны много раз использовались так, что при этом нарушались права человека. Они видят, что заявления Америки не совпадают с ее деяниями. Дело доходит до того, что даже те, кто пытается найти взаимопонимание с Америкой, начинают испытывать тревогу и удивление. В сегодняшнем мире самые слабые, самые сложные и самые безнадежные аргументы – это аргументы тех, кто хочет объяснить политику Соединенных Штатов»²⁹. Еще одна цитата:

«Огромной проблемой является то, что Америка отождествляет собственные интересы с интересами всего мира. То есть всякий раз, когда ее собственным интересам угрожает опасность, она реагирует так, словно опасность угрожает интересам всего мира. И, к сожалению, в большинстве случаев это отражало реальную позицию»

«Если смотреть на политику сквозь окошко защиты особых интересов, границы между хорошим и плохим, правильным и неправильным стираются. То, что считается хорошим и правильным, оказывается просто выгодным, а то, что считается плохим и неправильным, является вредным. По этой причине принципы американской политики подвергались противоречивым и приводящим в замешательство колебаниям»³⁰.

Политику США в последние пятьдесят лет нельзя рассматривать без учета политики бывшего Советского Союза. В предисловии к четвертому изданию «Свободы статуи» сказано:

«Со времени окончания Второй мировой войны обе эти страны [США и СССР] катастрофическим образом вмешивались в дела всего мира. И теперь, когда Россия пожинает плоды своей величайшей исторической ошибки, а Америка испытывает огромный кризис, спросим себя: каков результат их ненасытности и жестокости? Переворот в Иране, война в Корее, война во Вьетнаме, Кампучия и красные кхмеры, Чили, Афганистан, порабощение Восточной Европы и много другое. И все это сопровождалось кровопролитием, лишением крова и несчастьем миллионов людей. По сути, исследование сущности политики США в эти годы не может быть точным без учета противоборствующего советского фактора»³¹.

Чтобы не оказаться превратно понятым, в том же Предисловии я добавил:

«Вместе с тем, было бы несправедливым не сказать о том, что за последние двести лет американцы достигли такого развития и прогресса, подобного которому не было в истории. Достижения этой страны в различных областях человеческой деятельности, частью которой являются наука и техника, поразительны... Это касается даже так называемого гуманитарного знания, к которому относятся литература, общественные науки, история и кино... В этой стране имеется около двух тысяч университетов, что приближи-

²⁷ Об этом мельком сообщали газеты.

²⁸ «Примеры нарушения прав человека», с.241 – 242.

²⁹ «Свобода статуи», издательство «Йаздан», с. 32.

³⁰ Там же, с. 48 и 49.

³¹ Там же, с. 32.

тельно равно числу остальных университетов мира. Число музеев, учреждений культуры, дискуссионных клубов, лабораторий и исследовательских центров чрезвычайно велико. Библиотека Конгресса является самой большой библиотекой в мире, в которой можно найти любую книгу, какую невозможно отыскать у себя в стране»³².

Любое большое поражение США в международной политике вызывало в первую очередь критику со стороны американских же интеллектуалов. В частности, вот что писал по поводу переворота 26 мордада и его злосчастных последствий Уильям Дуглас, судья Верховного Суда США: *«Когда Мосаддык начал проводить в Иране серьезные реформы, мы почувствовали опасность. Этот человек, которого я имею честь называть своим другом, был демократом в полном смысле этого слова. Мы объединились с англичанами для того, чтобы уничтожить его и преуспели в этом. С того времени мы стали пользоваться на Среднем Востоке дурной славой»*³³.

После исламской революции 22 бахмана и особенно после захвата американского посольства у всех словно открылись глаза, и все снова заинтересовались состоянием ирано-американских отношений. Появилось много публикаций на эту тему, и каждый, кто анализировал причины иранской революции, не мог избежать и этой проблемы. И все они пришли к общему выводу: из всех иностранных государств именно США больше других виноваты в том, что шах пришел к такому печальному концу. З. Бжезинский писал: *«Нам следовало быть советчиками шаха в проведении реформ, следовало опекать его»*³⁴. А генерал Хейг, министр иностранных дел (госсекретарь) США в период президентства Р.Рей-

гана, признал, что *«он согласен с тем, что Америка проявила небрежность в отношении Ирана»*³⁵. Автор приходит к выводу: *«Наше правительство совершенно не понимало иранскую культуру и даже условия управления Ираном в последние месяцы монархии»*³⁶. Но это непонимание характерно для всего двадцатипятилетнего периода.

Салливан, последний посол США в Иране, не меньше других указывал на ошибки иранской политики своего правительства и посвятил этому целую книгу. До тех пор, пока существовал предыдущий режим, практически все либо воспринималось как должное, либо не замечалось. Лакировка действительности – это обманчивый мираж, из силков которого не могут выбраться те, кто не учит уроков истории. Теперь, когда эта эпоха кончилась и ушла в историю, единственной ценностью, оставшейся от нее при всех многочисленных потерях, является ее урок. Не следует исправлять крайность, впадая в крайность. Прошедшего не вернешь. Если Кавус не пошлет Сухрабу бальзам, вина его не будет легче вины тех, кто приложил руку к смерти Сухраба.

Шестьдесят последних лет истории Ирана (от шахривара 1320 года³⁷ до настоящего времени) можно признать самым важным периодом во всей истории Ирана. Если внимательно и беспристрастно изучить его, то можно будет прояснить много проблем, стоящих перед сегодняшним миром. За это время Иран в сжатом виде заново прожил всю свою историю и стал местом одного из самых волнующих столкновений двух волн – традиционного и индустриального миров. Если мы захотим преподнести двадцать первому веку подарок, полный мудрого совета и назидания, то у нас нет ничего более ценного, чем история этих нескольких десятилетий.

³² «Свобода статуи», с. 11.

³³ Перевод этой статьи, целиком и полностью посвященной критике внешней политики США, я опубликовал под заголовком «Взгляд из Америки» в журнале «Йагма» (мехр 1340 г. (сентябрь-октябрь 1962 г.)). В то время абзацы, касающиеся Ирана, были исключены из статьи цензурой, однако впоследствии я восстановил их в издании «Свободы статуи» 1372 (1994) г.

³⁴ Заговор в Иране. Перевод Махмуда Шарки, изд. «Хафте», с. 104.

³⁵ Из воспоминаний генерала Хэйвизара, перевод доктора Сайида Мохаммада Хосейна Адели, издательство «Риса», с. 167

³⁶ Там же, с. 47.

³⁷ В сентябре 1941 г. Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммада Реза-шаха Пехлеви.

Молодежь, развитие, экономика, цивилизация

На протяжении последнего года в иранском обществе обсуждались новые темы, среди которых: молодежь, гражданское общество, развитие и экономика. Ни одно из этих понятий не является новым в лексиконе человечества, однако содержание их со временем изменилось. Не только этот мир «жизни и смерти» дает свои уроки, но и сама наша страна имеет за плечами опыт одной из самых древних цивилизаций, история которой была насыщена самыми разными событиями, а литература полна размышлений, замечаний и предостережений, которые могут по-своему ответить на любой вопрос современности.

Гражданское общество – это такое цивилизованное общество, в котором люди знают, каким образом они должны сосуществовать вместе. Развитие – это то же, что культура, то есть знание своих человеческих прав и жизнь в соответствии с велением времени. Экономика тоже занимает свое место, ибо с ее помощью можно обеспечить средства к существованию и удовлетворить основные потребности человека. Остается молодежь. Это огромная проблема. В наше время она стала более серьезной, чем когда-либо, потому что молодых людей в обществе стало больше, и надежды и ожидания их тоже возросли, однако при этом из-за плохого образования и недостатка культуры уменьшился уровень их квалификации.

Сначала рассмотрим вопрос образования молодежи. Конечно, это вопрос, неожиданно ставший очень актуальным и проблемным. За последние двадцать пять лет население страны увеличилось вдвое, и половину его теперь составляет молодежь. Это означает, что ежегодно прибавляется несколько миллионов человек, жаждущих получить образование, и несколько миллионов человек, которым нужна работа и полноценная жизнь.

К сожалению, современное иранское общество унаследовало от прошлого сложную и неблагоприятную ситуацию, складывавшуюся многие годы. Эта проблема берет начало еще в шахской эпохе и остается неразрешенной поныне. По крайней мере, пятьдесят лет важнейшему для будущего страны

вопросу не уделялось должного внимания. Речь идет о вопросе образования.

Для того чтобы вступить в мир прогресса, – а иного выхода и не было, – иранцы должны были уделить внимание всему тому, что ведет к прогрессу – и, в первую очередь, образованию и воспитанию молодежи. Потому что именно молодежь должна была принять страну у старшего, традиционного поколения и подготовиться к жизни и деятельности в новую эпоху. Однако она оказалась не готова к этому. Ни система образования и школа, ни средства информации и книги, ни разные организации, ни вся социально-экономическая система общества в целом не создали для этого необходимых условий и предпосылок. Учреждения образования ограничились самой простейшей функцией, вручением бумажки под названием «аттестат зрелости» в награду за несколько впустую потраченных лет.

Не хочу сказать, что из числа молодых людей не выходят полезные для общества люди, или что среди нашей молодежи нет способных людей. Однако это все – исключение. К таланту должно прилагаться этическое воспитание, благодаря которому обладатель знаний, заботясь о личном благе, сможет не забывать также о благе всего общества, и помнить, что подлинное счастье человека – в счастье всего общества. И это особенно актуально в современном мире.

Ровно двадцать два года назад (в 1355\1977) году, в середине учебного года), я выступил с лекцией перед учащимися тегеранской школы «Хорезми»³⁸. В этой лекции я рассказал о том, на каких принципах должно в идеале строиться образование. Чтобы не повторяться, изложу сокращенно в виде тезисов:

Образование должно иметь цель, то есть обучающийся должен знать, чего он хочет достичь в результате.

Первым условием для этого является установление связи между физическими и духовными потребностями человека.

³⁸ Лекция была опубликована в двух номерах журнала «Йагма» (ордибехшт и хордад 1356 г. (апрель-май и май-июнь 1978 г.), а затем в третьем издании книги «Культура и псевдокультура», издательство «Йаздан».

Второе – образование должно приносить пользу обществу, то есть содействовать развитию цивилизации.

Третье – образование должно приносить пользу природе, то есть не создавать угрозу окружающей среде.

Четвертое. Знание должно поднимать человека духовно, и не быть лишь средством увеличения доходов.

Пятое. Образование не должно ориентироваться на бессмысленное заучивание, оно должно побуждать думать.

Шестое. Образование должно делать человека более культурным, снижать роль животного начала и повышать роль человеческого начала в человеке. Это означает, что оно должно пробуждать стремление и доверие к красоте, нравственности, искусству, интеллектуальной деятельности.

Седьмое. Любая отрасль знания и любая специальность должны сохранять связь с культурой. Без знакомства с национальной культурой нельзя освоить никакую другую культуру, а без культуры никакое знание не сможет принести свои плоды. Персидская литература – огромный капитал. Пренебрежение ею приносит ничем не возмещаемый ущерб.

Конечно, это была недостижимая мечта. Однако остается минимальное требование, естественное требование, которым нельзя больше пренебрегать: образование должно воспитывать человека, полезного для общества.

Все знают, какие колоссальные расходы несет система образования нашей страны при восемнадцати миллионах школьников. И государственные университеты тоже несут большие расходы. Но и при таких тяжелых затратах надо следить за содержанием образования. Чему учат детей, каких знаний у них прибавляется, и что получит от них общество с их вступлением в жизнь.

В последние годы по всей стране сложилось очень тяжелое положение в связи с «инфляцией дипломов», которая ведет к безработице и разочарованию среди молодежи. Причем это впервые стало касаться и тех, кому удалось получить университетское образование. В несколько раз увеличилось число тех, кто бросил университет и начал новую жизнь «с нуля». Создание частных или общедоступных, но бессодержательных университетов, которые ради своей сегодняшней

выгоды приносят в жертву будущее страны, привело к наводнению страны совершенно бесполезными дипломами. А ведь ни одно государство, обладающее чувством ответственности, не знает, что с ними делать. Еще большее сожаление все это вызывает сейчас, когда мы видим, что молодые иранцы, и юноши, и девушки, действительно обладают выдающимися способностями. Результаты олимпиад по математике, физике и химии, как в этом году, так и в предыдущие годы, были поразительными. Это служит предостережением: если такие таланты пропадут или будут растрочены впустую, это будет большим преступлением для нации. Эти талантливые юноши и девушки, как правило, происходят из отдаленных, заброшенных районов, где живут еще тысячи тысяч таких же, как они. То, что иранской молодежью овладела жажда образования, а родители тратят на образование детей все, что имеют, внушает надежду и радость. Когда по утрам я выхожу из дома на утреннюю прогулку и вижу множество микроавтобусов, битком набитых мальчиками и девочками, которые едут в школу, меня переполняет радость. Но тут же я задаю себе тревожный вопрос: как примет их общество завтра, как смогут они устроиться в жизни?

Образовательные учреждения страны, как государственные, так и негосударственные, должны задуматься о том, чтобы не упустить это из виду. Завтрашний день не за горами. Очень многое зависит от методики обучения, учебников и пособий, от радио и телевидения. Последние, к сожалению, предпочитают образовательным программам пропаганду и развлекательные передачи.

Не побоимся же спросить себя: куда движется иранская молодежь? Чего она хочет, о чем мечтает, что любит, что умеет? Что она знает о своей стране? Что знает о мире? Они и глазом не успеют моргнуть, как достигнут среднего возраста и вдруг тогда, как сказал поэт, у них не окажется «ни веры, ни богатства, ни надежды на рай».

Не хочу говорить что-либо, могущее вызвать тревогу, но и смотреть на все скрепя сердце нельзя. Стоит только взглянуть на статистику. Сколько у нас безработных, наркоманов, тунеядцев, сидящих на шее у родителей, сколько

Развитие и экономика

молодых людей, только и мечтающих о том, как бы уехать за границу. Кроме того, тысячи тысяч молодых людей проживают в эмиграции в других странах. Их жизнь полна унижений и оскорблений. Разве это не вызывает у нас скорбь и стыд? Почему, несмотря на наличие у страны всех этих полезных ископаемых, несмотря на стремительное развитие Ирана, иранская молодежь должна стоять в очередях у дверей «безжалостных хозяев посольств» ради получения визы?

Поскольку мне уже неоднократно приходилось говорить о молодежи и образовании, здесь я ограничусь вышесказанным. Однако все вы прекрасно понимаете, что поиск решения этой проблемы не терпит отлагательств.

Мы должны раз и навсегда согласиться с тем, что пропаганда, образование, противоречащее естественным склонностям человека, а также образование, противоречащее духу времени, вызывают реакцию противодействия, и когда время молодого человека растрачивается впустую, он становится лишним для общества, или, в лучшем случае, оказывается похожим на бесплодное дерево:

*Сожгут иссохшее бесплодное дерево,
Такова расплата его за бесплодие.*

Насир Хосров

И это горящее дерево может невольно стать причиной пожара, способного уничтожить целый лес. Поэтому здесь очень уместно будет вспомнить старинную поговорку: «Когда рыбу вытаскивают из воды, она свежая». Дорога впереди хоть и неровная, но она открыта. Будем же опираться на способность молодых приспосабливаться, адаптироваться к меняющимся условиям, на врожденное благородство и усердие иранцев, на то, что настроение меняется к лучшему, вслед за соответствующей переменой погоды. Однако необходима разработка четкой и всесторонней программы для молодежи, и в первую очередь, создание стимулов и надежд, расширение горизонтов.

Что означает слово «развитие»? Распространение, расширение. В последнее время его используют в противовес слову «экономика» и представляют это дело так: либо развитие, либо экономика, словно одно из них вытесняет другое. Но эти два явления на протяжении всей человеческой истории прекрасно уживались друг с другом. Неизвестно, почему теперь их считают, чуть ли не двумя женами одного мужа.

Однако здесь нет никакого конфликта. Кое-что вспоминается. Люди средних лет, конечно, помнят, что в последние годы правления шаха шли дискуссии примерно на эту же тему. Когда и внутри страны, и за ее пределами иранское правительство того времени то и дело обвиняли в нарушении прав человека и в том, что оно не дает народу возможности дышать, ответ был такой: «Мы сейчас заняты экономикой и хотим поднять уровень доходов населения, и это важнее, чем чье-то желание поиграть в свободу. Когда экономика наладится, все наладится».

Те, кто сейчас молод, или те, кто забыл это, могут обратиться к газетам того времени, которые полны такого рода аргументов.

Для того чтобы несколько прояснить вопрос о том, является ли одно из двух – культурное развитие или экономика – более приоритетным, или же они взаимосвязаны и не могут осуществиться одно без другого, следует оставить пустые разговоры и обратиться к историческим примерам и к науке: социологии, психологии, этнологии и биологии. Было бы неверным аплодировать открытию, история которого тянется со времен возникновения городской цивилизации.

Есть такое выражение: «Человек – это экономическое животное». Японцы в шутку говорят это о себе. Но есть еще одно выражение, евангельское: «Не хлебом единым жив человек». Понятно, что человек, подобно любому другому живому существу, нуждается в пропитании ради сохранения и продолжения жизни. Однако для того, чтобы остаться человеком, он нуждается также в других вещах. Разве

культурное развитие не обеспечивает этой потребности? Наверное, если бы дело ограничивалось одной экономикой, все было бы намного легче. Однако это невозможно. Природа человека этого не приемлет, и поэтому и возникают все эти противоречия между «хлебом» и «именем». Одно не могло бы сохраниться без другого. История показывает, что для того, чтобы экономика какой-либо страны смогла достичь расцвета, есть только два пути: либо ограбление других стран, либо усилия всей нации. Поскольку возможность ограбления других стран, по крайней мере, для маломощных стран в наше время отсутствует, следует рассматривать исключительно второй путь. В новейшей истории есть три примера: первый – это Советская Россия и ее сателлиты, а также социалистический Китай. Марксисты считали, что все определяется одной лишь экономикой, и экономика является стержневой осью общества. Второй пример – западный капитализм, который хотя и не считает экономику монопольным фактором, но на деле опирается почти исключительно на нее. Социализм потерпел поражение, однако западный капитализм процветает, обладая самой большой в мире экономической силой. Причина этого в том, что наряду с экономикой капитализм не пренебрегает и другими основополагающими факторами. Прежде всего, он не перекрывает духовные поры общества, такие как свобода, конкуренция, судебная защита, свобода вероисповедания, свобода слова и собраний, и следит за тем, чтобы каждый человек имел право безо всякого страха защищать свои гражданские права до самой последней степени, и мог донести свое мнение и критику до любого вышестоящего чиновника, вплоть до президента республики.

Нам представляется, что если западный капитализм, при всех его существенных недостатках, продолжает процветать, то это потому, что он поддерживается всем народом, и любая оппозиция свободно выражает свое несогласие с политикой того или иного правительства, не покушаясь при этом на базовые капиталистические принципы.

Западная демократия означает единение народа с правительством. В этом случае если правительство совершает какую-то ошибку, народ является соучастником этой ошибки.

Выражая несогласие и критику, народ частично снимает с себя груз ответственности за ошибку. Мы знаем, что коммунистическая пропаганда долгие годы высмеивала западную демократию и называла ее «фальшивой и антинародной». А что случилось потом? Этот бывший «социалистический мир» теперь пытается подражать западной демократии и создать что-то, подобное ей.

Взглянем на Китай, который двадцать с лишним лет назад, во времена культурной революции, затыкал нос, чтобы не чують запах капитализма, подобный «запаху мертвечины». Во всем Пекине было не больше сотни легковых автомобилей, да и те принадлежали государственным и партийным органам. А теперь число легковых автомобилей перевалило за миллион, в столице случаются страшные пробки, каких не увидишь и в Тегеране, и самые дорогие в мире «роллс-ройсы» продаются в Китайской Народной Республике. Китай хочет преодолеть нищету прошлого. Он заморожен привлекательным обликом капитализма. Появилась конкуренция со всеми сопутствующими ей явлениями, и уже скоро громко заявят о своем появлении другие черты, присущие капитализму.

Третий пример – Индонезия. Тридцать лет Сухарто правил железной рукой, и его правление ознаменовалось поразительными успехами. Как же случилось так, что он в одночасье попал в положение снега под жарким солнцем?

Это можно объяснить только тем, что отстранение народа от управления, разложение режима, социальный разрыв расшатали экономику. Экономика – это способ и средство выражения политического недовольства. Страна может до скончания века быть бедной, и никто и слова не скажет, но потом произойдут интеллектуальные и культурные толчки, которые сделают бедность невыносимой.

В наше время, ставшее эпохой столкновения ценностей и кипения идей, «линия безопасности» становится линией очень узкой. Если не считать нескольких более или менее стабильных стран, путь остальных стран идет по неустойчивой орбите. Если какая-либо страна хочет получить хотя бы относительную уверенность в будущем, она должна добиться гармоничного сочетания экономики, общества, культуры,

образования, управления и контроля над населением. Если что-то из них будет отставать, настанет ухудшение общего положения страны. Один больной член заражает болезнью другие члены.

Другим предостерегающим примером является Япония, по своей экономической мощи вторая страна в мире после Америки. На эту страну приходится 75 % экономики Дальнего Востока, и, можно сказать, в каждом доме на Земле найдется хоть одна комната, в которой есть японская техника. Однако сегодня Япония топчется на месте и не знает, к чему прибегнуть, чтобы выйти из того беспрецедентно трудного положения, в котором находится последние пятнадцать лет.

Значение экономики никто не отрицает. Первостепенной обязанностью всякого ответственного правительства является удовлетворение первичных потребностей человека. Но это дело нелегкое. Обычно не обращают внимания – или делают вид, что не обращают внимания – на то, что экономика подобна потолку, который поддерживают несколько колонн. Под этим потолком помимо материальной части, должна быть колонна культуры, колонна управления, и пространство, в котором могут дышать люди. Экономика, лишенная такого пространства, экономика, которая думает только о себе самой, в конце концов, начинает испытывать трудности, потому что не учитывает другие измерения человеческого существования.

Превосходство экономики над культурным развитием делает развитие пустым обещанием, а саму экономику – миражом.

Необязательно быть специалистом, чтобы понять, что экономика зиждется на важном основании, определяемом социальной и духовной зрелостью народа. Все остальное – это техническое и практическое планирование, осуществляемое специалистами. Все это открывает путь к знанию и желанию. А знание и желание необходимы для духовной подготовки человека.

Для того чтобы направить общество по определенному пути, необходимо следовать, по крайней мере, пяти принципам:

- чувство безопасности и уверенности;
- надежда на будущее;
- чувство законности, основанное на хотя бы относительном соблюдении социальной справедливости;
- обращение к науке, то есть внимание к природной сути человека;
- порядок в обществе и гармония общества с природой;

Уже теперь, в конце двадцатого века, дисгармония основных столпов привела человечество к кризису. Вероятно, в первое десятилетие двадцать первого века этот кризис только усугубится. Дальний Восток, который хотел галопом догнать индустриальные страны Запада, уже сейчас испытывает дефицит занятости, социальные трудности и упадок экономики. Эти факторы становятся причиной нарушения социальной справедливости, потому что культура, которая должна создавать противовес быстрым материальным изменениям, остается парализованной. В результате всем начинают править деньги, и решение всех проблем связывают только с ними. Разложение и коррупция просачиваются в органы государственного управления и распространяются даже среди высокопоставленных чиновников, создаются мафиозные банды, и тогда другие слои общества также вступают в адское соревнование и устремляются к денежной Каабе. И в этих условиях ловкие люди подминают под себя и подчиняют себе большинство менее ловких и предприимчивых людей, что, в конце концов, приводит к социальному взрыву.

Это не означает, что богатые индустриальные страны обладают иммунитетом. Они тоже по-своему не защищены от ветра этой социально-психологической эпидемии.

Уже сейчас на них давят безработица и бремя тяжелых издержек, являющихся следствием модернизации (это расходы на вооружение, старение населения, инфантильность молодежи, рост социального иждивенчества). Но, благодаря помощи науки и организации, они оказываются, по крайней мере, на несколько шагов впереди тех стран, которые сочетают слабости западных экономик со своими собственными проблемами.

Цивилизация и гражданское общество

Гражданское общество порождено потребностями современности. Суть его в том, что без участия всей нации ни одна страна не может устоять на ногах. Общества прошлого, обладая меньшим населением, меньшими ожиданиями и меньшими связями, могли существовать подобно кирпичам, не соединенным цементным раствором. Теперь из них надо построить здание. Однако даже если понятия «гражданское общество» в прошлом не было, цивилизация существовала. История напоминает нам о великих цивилизациях, некоторые из которых ушли в небытие, а некоторые продолжают существовать и поныне. Иран породил свою собственную цивилизацию и содействовал развитию других цивилизаций, и его помнят в качестве одного из самых выдающихся государств в истории человечества. Сейчас мы не имеем права и не видим причины для того, чтобы не думать о том, что будет завтра. Нам следует использовать волю, управление, дисциплину. У нас нет иного капитала, кроме этого. Иран должен помнить о своей исторической роли. Трудность заключается в том, что в современном мире необходимо либо идти вперед, чтобы занять достойное место, либо потерпеть крах и исчезнуть, потому что давление эпохи резко возросло. И это давление идет со стороны народа каждой страны. Люди хотят жить в ногу с эпохой. Это похоже на то, как цыпленок на двадцать первый день развития начинает стучать клювом, разбивает скорлупу изнутри и вылупляется из яйца. Никто не может отсрочить или замедлить этот процесс. Все равно в определенный срок цыпленок начнет разбивать скорлупу. Если угнетенное общество хочет жить, оно должно жить цивилизованно. Если какая-либо страна обладает деньгами или нефтью, это еще не повышает ее авторитет. Возможно, кого-то это побуждает к тому, чтобы что-то у нее отобрать, но это не будет означать, что эту страну уважают. Лишь культура и цивилизация поднимают авторитет той или иной страны.

Конечно, народ каждой страны должен в первую очередь уважать себя сам. Это необходимо для того, чтобы другие стали уважать его достоинство. Агрессивность, невежество, неуважение к закону – это свидетельство деградации нации.

Нельзя допустить, чтобы страна, народ которой на протяжении всей своей истории в самых сложных обстоятельствах, несмотря ни на что сохранял терпение и уважение одного человека к другому и не терял творческого начала, теперь начала испытывать апатию и усталость и уподобилась подземным оросительным каналам, которые, с появлением глубоких механизированных колодцев, стали ненужными и пересохли.

Где тот, кто пьет воду?

Что касается нашей страны, то мое ощущение таково: она могла бы войти в ограниченное число слабо уязвимых стран, если бы не одна проблема. Обратимся за помощью к следующему бейту Мавлана:

*Нет хуже беды, чем неизвестность,
Ты рядом с любимой, но не знаешь, как любить
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Похоже на то, что наша великая и прекрасная страна утратила искусство лидерства. Мы не знаем, что могло бы сравниться с этим. Все, что должно быть даровано нашей стране природой, ей уже даровано. Теперь осталось этим воспользоваться. Поодиночке многие хотят этого, но объединения всех в едином порыве пока не заметно.

*Жаждающий говорит: «где приятная вода?»
Вода говорит: «где жаждущий воды?»
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

Надо приложить руку к уху, чтобы услышать, что говорит вода.

Теперь, после многолетних испытаний и экспериментов, разве не настало время положить руку на больное место. Может, мы найдем его?

*Тот, изымающий колючки, мудрец (хаким) был искусен,
рукой прощупывая, точку за точкой /место за местом/
проверил.*

...
На повествование он навострил ухо,
на пульс и биение его навострил он рассудок:

от имени чьего когда пульс скакнет,
тот и есть устремление души ее в [этом] мире.

Он увидел в плаче ее, что это – плач сердца,
Тело здорово, но она озабочена сердцем.

Влюбленность видна из плача сердца,
Нет недуга сродни недугу сердца.

...
И хотя толкование языка просвещает,
Однако любовь без языка светлее бывает.

Маснави-йе Ма‘нави, дафтар I)³⁹

В любом случае, положение очень серьезно, а время подгоняет. Следует отважиться на то, чтобы выйти из рамок индивидуального и вступить в рамки общего, выйти за рамки повседневности и подумать о будущем. В этом случае, полагаю, появятся все основания для искомого возрождения. Где тот, кто пьет воду?

мордад 1377
(июль-август 1999) г.

Куда идет мир?

Этот мир – гора, а дела наши – крик,
К нам возвращается эхо нашего крика
Мавлави

В 1985 г. – взрыв американского посольства в Бейруте.

В январе 1993 г. – убиты два сотрудника ЦРУ.

В феврале 1993 г. взрыв во Всемирном Торговом Центре в Нью-Йорке.

В декабре 1993 г. – сбит самолет компании «ПАНАМ» в Шотландии.

В марте 1995 г. – взрыв федерального здания в Оклахоме.

В 1996 г. очередь доходит до американской авиабазы в Саудовской Аравии.

В 1997 г. в Карачи убито пять сотрудников американской нефтяной компании.

И теперь – 11 августа 1998 г. – происходят взрывы в столицах двух африканских государств, имевших самые дружественные отношения с Соединенными Штатами. По данным ЦРУ, в мире существует три тысячи террористических антиамериканских группировок, и их число увеличивается. Почему это происходит?

Захват американского посольства иранскими студентами в абане 1357 (ноябре 1979 г.) года был самостоятельной акцией.

Солидарность Америки с Англией, организовавшей переворот 28 мордада, который сверг национальное правительство Мосаддыка⁴⁰, и последующие ее поступки такие, как поддержка антинародных и коррумпированных правительств, и все то презрение, унижение и угнетение, что она демонстрировала по отношению к народу Ирана, были не из тех вещей, что легко забываются. Поэтому соответствующая реакция со стороны

³⁹ Бейты 157,160,161,108,109,113 в переводе А.А.Хисматулина: Джалал ад-Дин Мухаммад Руми. Маснави-йи ма‘нави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар. Санкт-Петербург, 2007. (прим. пер.)

⁴⁰ После революции 22 бахмана некоторые европейские и американские аналитики признали, что переворот 28 мордада в Иране был ошибкой.

нации, которая хочет доказать, что она не является ни сломленной, ни побежденной и никогда не оставит оскорбление без ответа, даже если это произойдет не скоро, вполне понятна.

Вместе с тем, лично мое мнение, которое я считал своим долгом высказывать и в то время, было таким: там, где кончается миссия чувств, начинается миссия ума. Мое предложение заключалось в том, чтобы после того, как явно «идеалистический» период исчерпает себя, что должно было произойти очень скоро, хорошо было бы прекратить захват ⁴¹.

Аргументы мои были простыми: давление общественного мнения в Америке вынудило ее собственное правительство отреагировать очень резко. Мировое общественное мнение признало виновное правительство, то есть Америку, непогрешимым. В результате возникла мысль об отмщении, и случилось то, что случилось.

В любом случае, 13 абана 1357 (4 ноября 1979) года стало памятной датой. Это было предупреждение всему миру: колоквинт приносит горькие плоды, а у древней нации еще есть порох в пороховницах.

Естественным требованием истории было и остается наказание за высокомерие и непомерное тщеславие, ибо они приводят к таким поступкам, терпеть которые невозможно. Среди правящих кругов Америки забвение этих прописных истин стало фактически всеобщим. Перед тем, как стать государственным секретарем США, в 1967 г. Генри Киссинджер говорил на международном семинаре в Гарварде: *«Америка не нуждается в том, чтобы ее любили. Вполне достаточно, чтобы ее боялись»*. И, конечно, наиболее прозорливые люди не забыли этого очевидного урока. Сенатор Фулбрайт, который много лет был председателем сенатского комитета по иностранным делам, в шестидесятые годы написал книгу под названием «Гордость силы», где выразил свое беспокойство по поводу развития политики своей страны. В ней он пишет:

⁴¹ «Американский колоквинт и его плоды», газета «Эттелаат», 14-15 и 17 абара 1357 г. (декабрь 1999 г.)

«Нынешняя Америка достигла той точки своего исторического развития, когда возникла опасность того, что при оценке своей силы она может совершить ошибку. Когда великие нации доходили до подобного критического рубежа, их желания начинали распространяться за пределы насущно необходимого, и вследствие этого распространения они деградировали и клонились к упадку».

И объясняет:

«Сила путает себя с праведностью. Великая нация начинает удивительным образом склоняться к тому, чтобы считать свою силу проявлением божественного промысла, и полагает, что несет на своих плечах особую миссию, которая заключается в том, чтобы сделать более счастливыми и образованными другие нации и, в конце концов, превратить их в свое подобие».

А вот цитата из английского писателя Олдоса Хаксли: *«Наверное, можно спорить о том, надо ли сеять пшеницу в северных странах или сажать деревья на голых скалах, однако такие споры не ведут к человекоубийству – войне. Человекоубийство следует из таких споров»*.

Какая из наций – лучшая? Какая из религий – лучшая? Какая из политических теорий – лучшая? Какая форма правления – лучшая? Почему другие нации – такие тупые и подлые? Почему они не видят, какие мы хорошие и умные? Почему они сопротивляются нашим попыткам взять их под свое крыло и сделать их подобными себе?»

Фулбрайт приходит к следующему выводу: *«Нация, имевшая самую сильную армию, аргументирует это тем, что обладает лучшим народом, лучшими организациями, лучшими принципами и вообще лучшей цивилизацией, а посему считает силу выражением своего превосходства»* ⁴².

Высказывания госпожи Олбрайт, нынешнего государственного секретаря США, после событий в Найроби и Дар-эс-Саламе тоже показывают, что острота положения не остается без внимания:

⁴² Более подробно эта тема рассматривается в книге «Свобода статуи. Заметки о поездке в Америку», издательство «Издан», с. 44 и 45.

«Мы должны продвигать демократию наряду с экономическим расширением и уважением к закону. Если мы добьемся успеха, у террористов будет меньше возможностей для их деятельности, а если нет, то все страны и территории погрузятся в хаос. Когда мы желали базировать свое господство только на долларе, мы потерпели неудачу» («Ньюсуик», август 1998).

Но у Америки есть проблема еще более глубокая, чем эта. И она заключается в том, что для решения всех вопросов Америка ищет материальные пути. При всем притом, что американцы – верующий народ и ходят в церковь чаще, чем европейцы, притом, что, по крайней мере, лучшая их часть проявляет интерес к духовным проблемам, и каждый год выходят сотни книг, посвященных духовной проблематике, притом, что в американских университетах рекой льются дискуссии о художественной и философской мысли всего мира, ее население в целом менее склонно к интеллектуальным размышлениям, чем другие жители Запада, а основу мировоззрения Америки составляет материализм, приводящий к примирению с господством денег. Последствия этого не только привели саму Америку к порогу морального и социального кризиса, но и внесли беспорядок в умы всех жителей нашей планеты, потому что именно эта страна является локомотивом, который тащит за собой, как вагоны, большинство других стран. Никто не может отрицать, что влияние американской цивилизации и американский образ жизни с огромной скоростью распространяются в отдаленные уголки света, а спутники и другие средства связи только усиливают это явление. Волей-неволей это порождает ответную реакцию, ибо противоречит самой сути природы.

В сегодняшнем мире присутствует много факторов, нарушающих его равновесие, и есть много свидетельств того, что Соединенные Штаты больше других стран виноваты в создании неравновесия. Реакции, возникающие вследствие этого, проходят не по линии человеческого «рацио», а по линии бурления эмоций.

Много лет назад я писал:

«Все, что будет поднимать уровень «эмоциональной нищеты» (то есть понимание экономического неравенства), будет поднимать социальную напряженность вплоть до того, что отсутствие порядка и спокойствия станет нормой жизни, и ежегодно во всех странах огромные бюджетные суммы будут тратиться на нейтрализацию разрушительных действий»⁴³.

И в другом месте:

«Если современный и будущий мир, который так нуждается в согласованном поиске выхода, не хочет оказаться на той разрушительной стадии, когда под ударами массовых волнений и терроризма он может окончательно исчезнуть, он должен апеллировать к «мировому разуму»».

«Мировой разум» состоит из самой отборной части, из квинтэссенции того, что признано человечеством, и подтверждено обычаями, культурами, шедеврами мысли и искусства»⁴⁴.

Еще большее сожаление вызывает тот факт, что материальный, научный и технический прогресс Америки был поразительным, и ни одна другая страна не смогла добиться достижений такого уровня. Положительную сторону этих достижений отрицать нельзя. Но изъян заключается в том, что между двумя сторонами чересседельного мешка нет равновесия. Другая сторона – это человеческая природа, взыскующая духовности. Так вот она не получила того, что желала.

Ответная – террористическая – реакция на это, угрожающая безопасности американских граждан по всему миру, в том виде, в котором она проявлялась до сих пор, не может получить одобрение ни одной цивилизации или теории, потому что, помимо вероятности убийства ни в чем неповинных людей, она создает цепь вызывающих гнев действий и противодействий, создает опасность для всех стран, в конце концов, нарушает

⁴³ «Послушаем речи», первое издание, 1368, с.38.

⁴⁴ Из статьи «Мир не надо делить на свой и чужой». «Бытие», хордад 1373 г. (май-июнь 1995 г.), а также «Иран и его одиночество», с. 135.

порядок во всем мире и в любом случае противоречит достоинству человека. Но следует примириться с той реальностью, что человек иногда не может не ответить на крайность крайностью. Никогда еще человечество не становилось такой жертвой демона крайности, как сегодня, или, по крайней мере, никогда еще жители Земли не знали такой несправедливости и не испытывали из-за этого такого гнева.

Материальная ориентация Америки оказывает влияние на все ее сферы и делает ее политику противоречивой и близорукой. Можно назвать политику Америки «плавающей» – по аналогии с «плавающим долларом». Сегодня она такая, а завтра может оказаться диаметрально противоположной. Здесь она такая, а в другом месте может быть диаметрально противоположной, – все в зависимости от того, что отвечает интересам Соединенных Штатов в этот конкретный момент. Однако сиюминутные интересы никогда не совпадают с долговременными. Цыплят по осени считают.

Например, мы упоминали о событиях этих нескольких дней. Движение «Талибан» было создано при помощи и поддержке Америки, и это известно всем. Под покровительством Америки, этой поборницы модернизации и прав человека, талибы установили один из самых отсталых политических режимов, а Америка и в ус не дула. Но все это не помешало ей в случае необходимости направить прицел в их сторону. Вполне вероятно, что завтра она создаст основания для устранения талибов, точно так же, как сделала это в свое время в отношении многих своих «подопечных».

Чрезмерная зависимость от материального и телесного, наряду с неуравновешенностью и спесью, породила еще одну особую черту: стремление к легким развлечениям, придающее специфический облик всей западной цивилизации и ставшее для ее людей чем-то вроде наркотика.

Посмотрите на сотни разноцветных журналов, на десятки телевизионных станций, которые не передают ничего, кроме легковесных развлекательных передач, на манекенщиц, шоуменов, на всех тех, кто может развлекать публику. У них зарабатывают больше других, и для людей они – любимые

звезды. Западный человек, словно, не хочет оставаться наедине с самим собой. Он бежит сам от себя.

Какие события больше всего волновали западную публику за последние тридцать-сорок лет: роман английской красавицы Кристин Килер с министром обороны Великобритании Джоном Профьюмо в 1963 году, смерть принцессы Дианы в 1997 году. В 1995 г. появилось дело Симпсона, которое долго было темой номер один нескольких американских телеканалов. Симпсон был богатым чернокожим футболистом, которого обвинили в убийстве его белой жены. Этот судебный процесс активно освещался телевидением.

А теперь всеобщее внимание привлек роман Клинтона.

Еще древние говорили: «О смерти бедняков и о позоре богачей никому не известно». Сегодня этот принцип перевернулся с ног на голову. О позоре богачей, как говорится, трезвонят на весь мир.

За всю историю человечества ни с одним правителем, ни одного государства не случилось такого, что случилось с президентом США. Действительно, куда катится мир, если президент самой могущественной державы мира, побывав в роли самого жалкого человека в мире, вновь возвращается к работе? Мы не видели это по телевидению, но всякий, кто следит за американской прессой, удивляется тому, что видит. Президента страны, дважды избранного на этот пост народом, гоняют как подопытную мышку и разбирают подробности его личной и семейной жизни. В истории было много случаев, когда падишахов или других правителей убивали или бросали в тюрьму, но никто не сможет вспомнить другого случая такого публичного унижения человека, по-прежнему остающегося у руля власти.

За последние два года в средствах массовой информации по адресу Клинтона были использованы самые неприличные выражения, однако средства массовой информации тоже являются пленниками слушателей и читателей. Если они не будут соответствовать их вкусам, то лишатся своих потребителей.

В самом романе этого человека с польской девушкой нет ничего интересного. И с обыденной, и с исторической точки зрения он оказался совершенно бесплодным. Президент Соединенных Штатов Америки не первый и не последний государственный деятель, который не смог устоять перед зовом сердца. По словам Хафиза,

*Ни я один вышел за завесу благочестия.
Отец мой тоже упустил из рук вечный рай.*

Все помнят историю Фауста, который изучил все науки мира. История полна таких легенд и сказок. Среди них история Давида и Вирсавии, которая изложена в Торе ⁴⁵.

Вспомним аббасидских халифов, в гаремах которых было по две тысячи наложниц. А уж что сказать об османских халифах? И худжры Топ-капи являются свидетелями этого, и гарем Фатх Али-шаха. Оставим правителей в стороне и посмотрим, как вели себя представители мира науки. Разве великий Ибн Сина не отдал жизнь из-за своего сластолюбия? Разве Карл Маркс не завел интрижку с няней своих дочерей, после чего у той родился от него ребенок? А Эйнштейн, величайший ученый современности, даже опубликовал книгу о разнообразии своей сексуальной жизни.

И среди государственных мужей Америки адюльтер отнюдь не новое явление. Журнал «Нью-Йорк» (№ 26 август 1998 г.) приводит несколько примеров такого рода:

Уоррен Хардинг (президент Америки в 1921–1923 г.г.) имел незаконнорожденного ребенка;

⁴⁵ После уличения Клинтона в незаконной связи в Белый Дом был приглашен Джесси Джексон (чернокожий священник, который был одно время кандидатом в президенты США), для того, чтобы он совершил богослужение с семьей президента. Во время этого богослужения он повторил слова Давида, в которых тот раскаивается в своей связи с Вирсавией. Это Пятидесятый из псалмов Давида. И Клинтон повторил слова Давида: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня». («Репортаж из Нью-Йорка», номер 31, август 1998)

Франклин Рузвельт, будучи женатым человеком, завел себе «подругу»;

Джон Ф. Кеннеди, о романе которого с Мэрилин Монро всем хорошо известно, плавал с голыми девицами в бассейне Белого Дома.

Известно и немало случаев, когда президенты США публично говорили неправду. По сведениям журнала «Нью-Йорк»:

Президент Эйзенхауэр говорил неправду в связи с инцидентом с U-2, самолетом-разведчиком, сбитым в небе над Советским Союзом;

Президент Джонсон лгал по поводу залива Тонкин;

Президент Рейган лгал по поводу Ирангейта;

Президент Никсон много раз говорил неправду.

Однако если взглянуть на это дело с другой точки зрения, то мы увидим, насколько хрупким может быть человек, наделенный властью, и насколько случайные люди оказываются на самой вершине. Мы увидим, что величие человека зависит только от него самого, а не от той правительственной должности, которую он занимает. Как сказал Насир Хосров, «тот является всадником, кто оседлал свою речь, а не тот, кто оседлал лошадь».

Потому что высокий пост, подобно одежде, можно отделить от человека. А ценным является лишь то, что не подлежит такому отчуждению.

Клинтон сопротивлялся бесчестию потому, что его поддерживало большинство населения страны. Больше шестидесяти процентов населения до сих пор поддерживают его и считают достойным президентом, потому что он свел бюджетный дефицит с 295 миллиардов почти до нуля, потому что при нем увеличилась занятость и расцвела экономика. Если бы этого не было, он рассыпался бы, как трухлявый пенёк.

Однако противоречие заключается в том, что, с одной стороны, он пользуется поддержкой народа, а, с другой стороны, подлежит преследованию по закону. В результате американский народ оказывается несогласным со своим правосудием.

Большая вина его в том, что он погрел присягу и нарушил закон. Само по себе сексуальное прегрешение не является для американцев таким уж непростительным грехом. «Это прегрешение, которое совершают многие и в вашем собственном городе!»

Конечно, если бы речь шла о справедливости, то не могло бы быть никаких поблажек. Чем более высокий пост занимает человек, тем больше должно с него спрашиваться. Однако в то же время в Евангелии говорится: «Кто без греха, пусть бросит первый камень». Часто бывает так, что обвинитель оказывается ничуть не более чистым, чем обвиняемый. Вступают в действие многие дополнительные факторы. И хотя Клинтон проявил крайнее легкомыслие, на самом деле все дело в том, что это его соперники в борьбе за пост президента хотят отомстить ему за «Уотергейт», вынудивший уйти в отставку президента Никсона. По некоторым сведениям, это дело было на руку сионистам. Возможно также, что польская девушка послужила инструментом для изменения общественного мнения не в пользу демократов.

В любом случае, одного этого события достаточно, чтобы привлечь наше внимание к духовным потрясениям конца двадцатого века.

В мире, в котором люди знают друг о друге практически все, существует нечто вроде информационного тока, который никого не оставляет предоставленным лишь самому себе. Что бы ни происходило в мире, все считают себя к этому причастными. Информированность становится необходимым условием занятия той или иной позиции, и среди шести миллиардов населения Земли найдутся люди, которые даже ценой собственной жизни не захотят оставаться безучастными наблюдателями.

С другой стороны, поскольку мир превращается в один огромный базар, люди стали считать деньги самым важным и надежным средством осуществления своих желаний, и готовы броситься в огонь и в воду, идти на самые опасные аферы, лишь бы добыть как можно больше денег. С этим связаны рост мафии, контрабанды, проституции и других подобных явлений.

Очень глубокое и подчас вредное воздействие на чувства людей оказывают средства массовой информации. Примером отрицательного влияния являются различные шоу и вообще всякие развлечения, которые могут приводить человека в состояние либо бесчувствия, либо возбуждения. На все это человечество тратит миллиарды долларов, которые, будучи потрачены на другие цели, могли бы освободить мир от нищеты и унижения. Создается впечатление, что огромная часть человеческого времени и способностей тратится на цели, совершенно несовместимые с требованиями нашей эпохи. Беззаконие в обличье законности получило большое распространение. Люди, считающиеся успешными, далеко не всегда являются самыми достойными. Контраст и противоречия достигли такой степени, что следует искать их сложные корни на самом дне общества и в трещинах человеческого духа.

Теперь несколько источников

1 - Миллиардер Осама бен Ладен, сколотивший свое богатство на нефти и сомнительных сделках и, во всяком случае, достигший нынешнего положения благодаря тайным подачкам мирового капитализма, теперь выступает против Америки, этой богатейшей державы мира, и с помощью террористических актов желает поставить ее на колени. Он создает «Армию ислама» для освобождения священных для мусульман территорий, рядится в афганские одежды, отпускает афганскую бороду и поднимает восстание головорезов против «империализма». Всем известно, что нельзя пилить сук, на котором сидишь. Однако этот человек хочет показать, что можно.

В то время, когда афганцы воевали с Советской Россией, он получал от американцев помощь деньгами и оружием и воевал против русских. Теперь же направил оружие против своего прежнего покровителя.

Талибы, которые смогли занять Афганистан и стать хозяевами страны благодаря всесторонней помощи Америки, направлявшейся через Пакистан, теперь укрывают у себя человека, который обвиняется в террористических действиях

против Америки, и оказываются под прицелом той же Америки.

Однако Америка, позиционирующая себя в качестве защитника прогресса, свободомыслия и прав человека, ничтоже сумняшеся продолжает поддерживать правительство талибов – один из самых реакционных режимов в мире.

Разве во всем этом нет противоречия?

Мы видим, как в течение последних десятилетий Афганистан – самая забитая и угнетенная страна двадцатого века – переходил из рук в руки: от реформатора Аманулла-хана к Бачаи Сакао, от Бачаи Сакао к династии Надир-хана, затем от Мухаммад-Захир-шаха к коммунистическому правительству Тараки и, наконец, от безбожного режима Наджибуллы – к шариатскому правительству муллы Мухаммада Омара.

Те, кто бывал в Афганистане во времена Захир-шаха, видели на улицах Кабула и Газни рядом с одетыми в паранджу афганками полуголых западных туристок, до которых никому не было никакого дела. Как же случилось так, что теперь те же самые люди нетерпимо относятся к тому, что у женщины выглядывает наружу хотя бы один волосок? Среди самих афганок встречались такие продвинутые дамы, которые ни в чем не уступали европейским женщинам. Даже при Дауд-хане во время праздника по случаю образования Республики Афганистан в национальном парке Пагман афганка с непокрытой головой пела рядом с иранцем Рамешем, и тысячи афганцев стояли и слушали ее пение.

И как часто теперь сыновья тех самых зрителей, называющие себя моджахедами и талибами, ходят по улицам Кабула с металлическими прутьями в руках и, останавливая любую женщину, у которой выбился наружу хоть один волосок, и любого мужчину, у которого борода хоть немного, на один «кулак», не достигает необходимой длины, устраивают им жестокую порку.

Еще при Аманулла-хане в Кабуле была открыта школа для девочек, а теперь, спустя восемьдесят лет, девочки, старше восьми лет, не имеют права выходить на улицу.

Вы видите, таким образом, чем Афганистан был и чем стал за такой короткий срок. Не так давно, во времена

противостояния партий «Халк» («Народ») и «Парчам» («Знамя») (партий коммунистического толка – прим. редактора), людей наказывали за любое упоминание имени Бога, а теперь тот, кто публично не демонстрирует свою правоверность на талибский манер, так же очевидно рискует своей жизнью.

2 - Долгие годы мафию, одна из ветвей которой заправляла в Америке, считали продуктом исключительно итальянского происхождения. Теперь мафия, или нечто похожее на мафию, есть во многих странах, и она быстро расплзается по всему миру. Мафия – это явление, отражающее несправедливость, меркантильность и непорядочность современного мира. Мафия – это организованная группа со своими особыми правилами и обычаями, противоречащими законодательству страны, которая «зарабатывает» деньги, действуя самыми разными методами, которые она сама себе позволяет. Иногда такая группа пускает корни в одной из ветвей власти. Деньги представляют для нее такую ценность, что ради них она не гнушается ни подкупом, ни шантажом. Авантюризм опьяняет некоторые натуры, создавая иллюзию, что можно безо всякого труда выбраться из болота тихой и спокойной, но очень бедной жизни и получить доступ к роскоши и власти. Несколько месяцев или несколько лет роскошной жизни, пренебрежения сложными законами времени и мира, жизни, так сказать, «на всю катушку», вероятно, кажутся таким людям предпочтительней спокойного, но бесцветного существования.

После крушения Советского Союза мафиозная преступность неожиданно расцвела и обрела новое измерение. Имеется в виду непрошеное вторжение России и Восточной Европы в мир мафии. Парижский журнал «Экспресс» в номере 22 за июль 1998 года опубликовал подробную и очень любопытную статью на эту тему. В ней говорится: *«Эти преступники считают себя не только вне закона, но и выше закона и своими несметными деньгами могут подкупить любого, кого захотят».*

Некоторые из них – это евреи, которые после открытия свободной эмиграции из России направились в Израиль. Там

они так распоясались, что, по словам министра внутренних дел Израиля, *«угрожают внутренней безопасности страны и развязали настоящую войну с полицией»*.

Один из них, по фамилии Лернер, был арестован в аэропорту Тель-Авива с чемоданом, в котором оказался миллиард долларов. Оплотом этой мафиозной группы был «массажный салон», в котором преступники находили себе компаньонов среди влиятельных людей. Эта же российская группа имела во Франции капитал около двухсот миллионов франков, то есть 35 миллионов долларов. Этот капитал был вложен преимущественно в строительство роскошных вилл на Лазурном берегу. Французское правительство не берет на себя обязанность узнать, кто есть кто, то есть какие иностранные граждане и какие французские подданные замешаны в этом деле.

Всех этих людей объединяет жажда наживы. Не имеет значения, что является источником их доходов, и каким способом они добываются. Однако деятельность этой ветви мафии сосредотачивается обычно в трех областях: капиталовложения, наркоторговля, проституция.

Подсчитано, что каждый год один миллиард триста миллионов долларов поступает из России во Франкфурт, причем невозможно отделить честно заработанные деньги от денег сомнительного происхождения. В Германии находятся двадцать пять тысяч русских проституток, которые, не зная языка, пишут на правом запястье цифры, означающие их цену и раскрывающие их род занятий.

В настоящее время в Германии зарегистрировано 350 российских фирм. В одной из таких фирм, принадлежащих мафии, занято восемь тысяч служащих. Фирма занимается банковской деятельностью, нефтью и валютными махинациями. Другой центр мафии – город Марбела в Испании, где в ее руках находится туристический и гостиничный бизнес.

Госпожа Элен Блан из научно-исследовательского центра CNRS (Франция) пишет: *«Мафия контролирует 85% экономики и природных ресурсов России»*.

Конечно, это явление давнее. Во времена Сталина, как и в эпоху Хрущева и Брежнева, подобную роль играла партийная

элита – номенклатура. Зять Брежнева, Константин Цвигун, генерал КГБ, хранил у себя дома огромные суммы в золоте и валюте. Когда это обнаружилось, он был вынужден покончить жизнь самоубийством. В перестройку в России ежедневно пропадало около двадцати железнодорожных вагонов. Другой высокопоставленный российский чиновник был задержан в афинском аэропорту с 87 миллионами долларов. Он принадлежал к ближайшему окружению тогдашнего премьер-министра Черномырдина, и в его руках находилась монополия на продажу российских алмазов. Постепенно в его руки перетекали пять тонн золота и драгоценных камней, которые с царских времен хранились в государственном хранилище («Экспресс», 22 июля 1998).

По словам директора американского ФБР (внутренней полиции), *«российская мафия оставила итальянскую мафию позади. Из восьми тысяч группировок организованной преступности, которые сейчас действуют в Америке, 30 группировок – русские. Больше всего беспокоит тот факт, что большинство членов этих мафиозных группировок являются бывшими сотрудниками КГБ»*

3 – Когда в 1988 г. госпожа Беназир Бхутто, дочь Зульфикара Али Бхутто, (который наполовину является иранцем) стала премьер-министром Пакистана, мир не мог не удивиться игре судьбы и в целом счел это добрым предзнаменованием. Отец ее был повешен, и никого это не потрясло, а теперь его молодая дочь, при всех ее передовых взглядах и оксфордском образовании, стала во главе одной из самых отсталых стран мира. Никто не мог установить очевидной связи между западничеством госпожи Беназир и погрязшим в предрассудках классом пакистанских бедняков, но такая связь образовалась.

Франсуа Миттеран в 1990 году посетил Пакистан с визитом и сказал: «Госпожа Бхутто красиво играет своим исламским хиджабом» (*“Elle joue joliment avec son voile”*). На самом деле единственным связующим звеном между ней и основной массой пакистанцев было это тонкое покрывало, которое она словно порывалась в любой момент с себя скинуть.

Так или иначе, она пришла к власти, а спустя некоторое время потеряла ее, потом снова поднялась и снова ушла. И это было признаком столкновения двух могучих волн: молодого поколения, которое хочет идти вперед, и традиционалистов, которые тянут их назад. Но речь шла о другом. Журнал «Экспресс» (№ 12, август 1998 г.) писал (и конечно, об этом писали и другие издания), что в своей стране госпожа Бхутто и ее муж обвиняются в огромных финансовых злоупотреблениях. Упоминалась цифра в 10 миллиардов франков, (что соответствует одному миллиарду тремстам тысячам долларов), и получение взяток от двух швейцарских компаний.

Сейчас это дело рассматривается в швейцарском суде. В швейцарских банках заморожены тринадцать счетов Беназир на общую сумму, превышающую 80 миллионов франков.

Конечно, поскольку до сих пор еще ничего не доказано, решительно высказываться на эту тему не стоит. Однако если это окажется правдой, и прогрессивная дама, на которую так надеялась и которой так доверяла пакистанская молодежь, окажется именно такой, горе остальным. Тогда надо сказать, что коварство этого Мефистофеля, то есть денег, есть самое высшее коварство.

4 – В том же номере «Экспресса» приведен репортаж из другой развивающейся страны – Судана. Статья эта называется так: «Заложники голода».

Если поставить рядом судьбу голодающих Судана и то, что происходит в Пакистане и в среде русской мафии, то это будет наглядным срезом того, что представляет собой современный мир. Судан, конечно, – далеко не единственная страна такого рода. Голодающие есть и в некоторых других странах Африки, и в Азии. В том же номере журнала напечатаны ужасающие фотографии исхудалых людей, с телами тонкими, как трубка кальяна, агонизирующих детей с вздутыми животами и невидящими полужакрытыми глазами. А рассказ о них, приведенный тут же, воистину терзает душу.

В Судане уже пятнадцать лет продолжается гражданская война, и эта нищета является следствием не столько засухи, сколько этой самой войны. Она является следствием честолюбия и фанатизма тех, кто ради своей выгоды готов

причинить людям зло. А жестокий сегодняшний мир смотрит на это, как ни в чем не бывало.

За последние пятнадцать лет от голода умерло более миллиона суданцев. За последние несколько лет уровень смертности вырос в четыре раза. Беспросветная нищета, потеря крова, отсутствие надежды на завтра – удел народа, который нисколько не виноват в создавшемся в стране положении ⁴⁶.

5 – Этим примеры не ограничиваются. В другом уголке мира, а именно во Франции, как сообщает журнал «Экспресс» (номер 12, август 1998 г.), возникло еще одно движение, на этот раз женское. Поскольку у француженок вроде бы нет никаких особых проблем, теперь они борются за «сексуальное освобождение». Говорят, что настало время внести изменения в сексуальные отношения, и отделить «постель» от «чувства». В отношениях женщины и мужчины все должно определяться исключительно согласием на секс, а есть «чувства» или нет – не важно.

Статья излишне перегружена подробностями, однако здесь мы ограничимся одним - двумя замечаниями. «Экспресс» – слишком серьезный журнал для того, чтобы публиковать будоражащие воображение материалы. Он лишь пытается отразить взгляды небольшой части французских женщин.

Франция всегда была впереди всех стран по части удовлетворения желаний человека. И это лишь одно из них. Со времен возникновения цивилизации, то есть уже несколько тысяч лет, в отношении между мужчиной и женщиной постоянно примешивались чувства и привязанность. Если говорить не о любовных романах, а об обычных отношениях между мужчиной и женщиной, то в них чаще всего присутствует взаимная симпатия. Слова, означающие любовь и привязанность, широко используются во всех культурах мира. А теперь какая-то горстка женщин заявляет, что на все это можно закрыть глаза, и важно лишь то, что ублажает плоть.

⁴⁶ Подсчитано, что сейчас в мире голодают 840 миллионов человек, и еще около двух миллиардов не доедают. Прежде чем мир сумеет достичь равновесия, население развивающихся стран увеличится еще на несколько миллиардов человек.

В прошлые эпохи, особенно в рабовладельческих обществах, согласия женщины никто не спрашивал. Мужчина был господином, хозяином, а женщина – «вещью». Теперь французские женщины выступают за то, чтобы возродить упущенное право и даже получить «компенсацию за просрочку».

Сравните голодающих женщин Судана и этих парижанок. Где же находимся мы в том океане мышления? Где находишься ты?

6– Рассмотрим еще один яркий пример контрастности современного мира. Журнал «Экспресс» (№ 19, август 1998 г.) рассказывает историю Клаудии Шиффер, которую, вероятно, знает весь западный мир.

Немка по происхождению, сейчас она живет и работает, в основном, во Франции и в Америке. Она – одна из тех нескольких сотен девушек, которые достигли вершины славы благодаря природной красоте и искусству кокетства. Эта дама – и топ-модель, и кинозвезда, и театральная актриса, и фотомодель, работающая в рекламе товаров. Совсем недавно автомобильный концерн «Ситроен» привлек ее для рекламы своей новой продукции. Американская косметическая компания «Ревлон» заключила с ней годовой контракт, сделав ее «лицом фирмы». Сумма контракта – 18 миллионов франков (1800 миллионов туманов). Ежедневный доход этой дамы – 200 тысяч французских франков (20 миллионов туманов), и ее состояние на настоящий момент официально оценивается в 1800 миллионов франков (что соответствует 1800 миллиардам туманов). При этом, пишет «Экспресс», реальная цифра раза в три больше.

Что самое удивительное, так это то, что несколько ливанских фабрикантов, владельцев предприятий по производству предметов роскоши, пригласили ее провести неделю в Бейруте. При этом гонорар Шиффер составил 2 160 000 франков (216 миллионов туманов). Вы только представьте себе, что это происходит в охваченной войной стране, где действует «Хезболлах», существует проблема Бакаа, а южная часть территории оккупирована. Крупные фирмы борются друг с

другом за привлечение госпожи Шиффер к рекламе их продукции, потому что знают, что вложенные в нее деньги вернутся к ним в многократном размере. Вернутся они лишь небольшой группе людей, но стремление следовать моде движет вперед все человечество.

7 – Япония, совершив потрясающий прыжок, заняла место среди великих индустриальных держав мира, скинув с себя проклятье азиатской отсталости. Она оказалась впереди большинства западных стран и считается сейчас второй, после США, экономической державой мира. Однако неожиданно Япония столкнулась с экономическим кризисом. Однако кризис этот носит в большей степени социальный характер, чем экономический.

Еженедельник «Монд» пишет, что японцы впервые смотрят в будущее столь пессимистически и не доверяют своим нынешним лидерам. Лишь 30% из них полагают, что их жизнь в ближайшие десять лет улучшится. В этой стране растет число бездомных и число самоубийц. В 1997 году, согласно статистике, число самоубийц выросло на 17,3%. В том же году пропало 860 300 человек (Еженедельник «Монд», 18 августа 1998 г.) Растет число разводов и число банкротств. Коррупция среди высших эшелонов власти подрывает всякое доверие к правительству. Все думают только о себе, и только о сегодняшнем дне. Правительство, утратив доверие народа, утратило и свое влияние. Оно не может призвать народ подумать о завтрашнем дне.

Не хочу присоединяться к Саади, сказавшему: «Мир покоится на воде, а жизнь – на ветру». Но хочу сказать, что развитие той или иной страны зависит от того, учитываются ли все интересы и естественные потребности ее населения, или нет. Сюда относятся и сексуальные, и социальные, и эмоциональные потребности и даже инстинкт самосохранения. Если они не учитываются, то такая страна не достигает успеха. Без создания гармоничного движения дело начинает хромать. Полная зависимость от экономики привела Японию к кризису.

8– За всю историю человечества не было, наверное, ни

одной другой страны, размерами равной России, которая бы так поразила и сбила с толку весь мир и противопоставила его слабости всю свою гигантскую мощь. Посмотрите, что случилось за последние несколько лет с «красной империей», от мощи которой буквально дрожала земля.

*Ночью /сидел/ на троне с короной на голове,
А утром ни короны на голове, ни головы на теле*

В последнее время то и дело приходят сообщения о падении экономики России, и с каждым часом ситуация, можно сказать, становится все хуже и хуже. Все это вызывает и социальные волнения. Цена рубля упала до 0,012 доллара, то есть он превратился ни во что, как иранские шахи. А двадцать пять лет назад рубль был на 25% весомей доллара. Таким образом, падение рубля составило 15 тысяч пунктов.

История знала немало падений: падение Сасанидов, падение Римской империи, падение Сефевидов под ударами небольшого отряда кандагарцев... Но ни одно из них не может сравниться с крушением Советов. Не только советские люди много лет полагали, что живут в величайшей стране, но и такие интеллектуалы, как Бернард Шоу, Ромен Роллан, Андре Мальро и Андре Жид, совершив поездку в Советский Союз, во всеуслышание хвалили его, и половина населения Земли возлагала на СССР свои надежды и чаяния.

Когда умер Сталин, казалось, весь мир осиротел. В обезумевшей от горя толпе несколько человек были раздавлены, другие умерли от потрясения и скорби. Но потом, когда упала завеса (*берегись времени, когда падает завеса!*), и было опубликовано много разоблачений, все узнали, что под шелковым покрывалом скрывалась величайшая в мире трагедия. Одного этого примера достаточно для того, чтобы показать, какую роль играет пропаганда.

Когда человек хочет быть обманутым, он проглатывает любую ложь. Особенно, если на помощь лжи приходит насилие. И все же когда-нибудь завеса лжи падает. Никто не говорит о том, что время, когда Россия была важной державой,

подошло к концу: это невозможно для страны с такой огромной территорией, с такими колоссальными запасами полезных ископаемых и с такой великой культурой. Однако должны пройти годы, прежде чем будет компенсирован ущерб, виной которому слепота. Цена непонимания той истины, что современное человечество – это многоугольник, а не один угол, непомерно высока. Куда ушла та эпоха, где Молотов и Громыко до конца своей долгой жизни держали в руках внешнюю политику огромного государства, а Брежнев до последнего вздоха не уступал власти? Теперь Кириенко не протянул бы на своем посту и шести месяцев.

Царя Николая Второго и его семью поставили к стенке как простых смертных и расстреляли. Это не сложно. Многих монархов постигла та же участь. Но странно то, что сегодня потомки тех самых людей, что сделали это, перевозят царские останки с величайшими почестями и засыпают их цветами, а Ельцин – бывший руководитель Московской организации КПСС и нынешний президент России – склоняет перед ними голову и заявляет, что «мы должны постараться смыть позор сталинской эпохи со сцены истории».

Но российский народ не спрашивает себя: как получилось так, что эти семьдесят лет пропали зря?

Еще более горько то, что несчастный народ огромной страны скорбит об ушедшей эпохе в то время, когда сегодняшние его беды являются следствием и наследием этой самой эпохи.

ордибехшт 1377
апрель-май 1999

Тайна и нравоучительный смысл притч (несколько предостережений из «Маснави» Мавлави)

При всем поразительном прогрессе, которые сделали наука и техника за последний век, значимые основы человека за последние несколько тысяч лет не претерпели сколько-нибудь существенных изменений. Поэтому ценность заложенного в мифах, легендах и сказках, которые более естественным образом знакомят нас с природой человека, осталась непреходящей.

Пещерный человек молился, танцевал, рисовал на стенах пещер, верил в жизнь после смерти и восхищался красотой... И все это ради того, чтобы получать больше средств существования, жить так, как хочется, и жить после того, что называется смертью... И мы в конце двадцатого века, при всех чудесах науки и техники, находимся в кольце тех же природных условий, что и наши предки. Как сказал Хафиз:

И в этом круге блуждания /сердце/ было непоколебимо

Наши древние предки делили мир на тысячелетия Добра и тысячелетия Зла. Тысячелетия Зла должны были следовать за тысячелетиями Добра. Примером этого было тысячелетнее деспотическое правление Заххака, следовавшее за тысячелетним правлением Фаридуна. Но в любом случае, в этом давнем противостоянии Добра и Зла человек всегда надеялся на конечную победу Добра. Прошедшее тысячелетие было эпохой, в которой царили война, грабеж, угнетение и обман. Караван человечества всегда двигался между двумя полосами – полосой тьмы и полосой света. Сейчас, перед началом следующего тысячелетия, можно ли, опираясь на достижения науки и мудрость древнего знания, надеяться на то, что человечество ждет светлая полоса?

Двадцатый век превзошел остальные по числу бед и невзгод. Это был самый уродливый и самый блестящий из всех прошедших веков. Будущее увидят наши потомки, однако нынешнее поколение несет великую ответственность за то, каким оно будет. Поэтому следует прислушаться к любому

нравоучению, которое окажется полезным для того, чтобы будущее оказалось светлым.

Приведем здесь в качестве новогоднего подарка несколько притч из «Маснави» Мавлави, которые, при всей их простоте содержат в себе истину и предостережение. Сам Мавлави говорит:

*Дети рассказывают сказки,
А в сказках кроются тайна и нравоучение.*

Маджнун и его верблюдица

Маджнун, проживавший на расстоянии нескольких фарсахов от Лайли, каждый день садился верхом на верблюдицу и ездил повидать свою возлюбленную. В пути он каждый раз задумывался о Лайли, от любви терял сознание и выпускал из рук поводья. А у верблюдицы той был верблюжонок. Когда она чувствовала себя свободной, то поворачивала назад и направлялась домой, к своему детенышу. И Маджнун, и его верблюдица стремились к воссоединению с любимыми, а те жили в разных местах. И каждый день повторялось одно и то же: Маджнун направлялся к Лайли, по пути терял сознание, а верблюдица возвращалась назад. В конце концов, Маджнун вообще упал с верблюдицы и переломал ноги и руки.

Вот несколько бейтов Мавлана:

*Подобны они Маджнуну и его верблюдице воистину.
Тянет тот вперед, а этот назад, как назло.*

*Желание Маджнуна – вперед, к Лайли, идет.
Желание верблюдицы – назад, к верблюжонку, бежит.*

*И в тот самый миг, когда Маджнун забывал себя,
Верблюдица видела это и поворачивала назад.*

*Любовью и страстью было так переполнено его тело,
Что не было у него иного выхода, кроме как упасть в
обморок.*

*Когда он садился верхом, то был в здравом уме,
Но ум его похищала его страсть к Лайли.*

*Однако верблюдица, оставшись без всадника, была
проворна,
Ведь она увидела, что узда ослаблена.*

*Поняла она, что /Маджнун/ забылся и лишился чувств,
И помчалась к верблюжонку без промедления.*

*Когда он в себя пришел, то увидел, что
Вернулся назад на несколько фарсахов.*

*Три дня продолжалось это, и за три дня
Отстал Маджнун сразу на несколько лет*

*Сказал: «О, верблюдица! Раз мы оба влюблены,
Мы друг другу противники и не можем быть спутниками»*

*В смятении упал он с верблюдицы
И сказал: я сгорел от печали, и сколько еще, сколько еще
/мне страдать/?*

Иногда становится очевидным, что мораль этой притчи прямо перед глазами. Политика идет одним путем, а народ другим, культура одним путем, а экономика другим, будущее одним путем, а настоящее другим и так далее... И в таком случае, как вообще можно достигнуть цели? Результатом будут лишь ушибы и раны Маджнуна, вся вина которого заключалась в том, что он был просто влюблен.

Араб и прохожий

Притча рассказывает о том, что один человек шел по дороге и встретил некоего араба, который ехал по той же дороге на верблюде, везшем какую-то поклажу. И тот человек спросил: «Братец араб, что за поклажа на твоём верблюде?» Тот ответил: «В одном из тюков – пшеница, в другом – песок». Тот человек с удивлением спросил: «А песок-то зачем?» Тот ответил: «Чтобы сохранить равновесие, чтобы груз не упал». Прохожий сказал: «Что за глупость! Если бы ты разделил пшеницу на два тюка и один привесил с этой стороны, а другой – с той, груз стал бы легче, и верблюду было бы легче».

Стихи:

*Один араб вез груз на верблюде,
Два огромных тюка, наполненных зерном.*

*Он сам сидел поверх обоих мешков,
И один человек поздоровался с ним.*

*А потом сказал: в эти два мешка
Что насыпано? Скажи по правде!*

*Сказал: в одном моем мешке пшеница,
В другом песок... Не под силу людям.*

/Тот/ сказал: зачем же навьючил ты его песком?

/Тот/ сказал: чтобы тот мешок не остался одинок.

*/Тот/ сказал: половину пшеницы из этого мешка
пересыпь в другой, так будет лучше.*

Решение уравновесить мешок пшеницы мешком песка является признаком равновесия объема при неравновесии качества. И если происходит такое несоответствие, итог работы не соответствует затраченному труду, слово расходится с делом, то это всегда похоже на действия того араба. Но насколько в таком случае хватит сил стране-верблюду тащить бесполезный груз?

Грамматик и кормчий

В третьей притче рассказывается о том, как некий ученый грамматик, очень довольный собой, садится на корабль. Еле стоя на ногах, спрашивает кормчего: «Эй, кормчий, да ты знаешь хоть что-нибудь о такой науке, как грамматика?» Тот отвечает: «Нет». Грамматик говорит: «Ну, полжизни твоей пропало зря». В это время поднимается буря, и корабль начинает тонуть. Тогда кормчий спрашивает грамматика: «А ты умеешь плавать?» Тот отвечает: «Нет». Кормчий говорит: «Вот и вся жизнь твоя пропала зря».

Вот как рассказывает об этом сам Мавлави:

*Один грамматик сел на корабль,
обратил лицо к кормчему этот самовлюбленный.*

*Сказал: «Да изучал ли ты грамматику?» /Тот/ сказал:
«Нет».*

Сказал: «Полжизни твоей пропало зря».

*Пал духом кормчий от такой обиды,
Однако в тот момент воздержался от ответа.*

*Ветер швырнул корабль в пучину.
Сказал кормчий тому грамматiku:*

*«Умеешь ли ты плавать? Скажи!»
Сказал: «Нет, милый красавец!»*

*Сказал: «Вся жизнь твоя пропала,
Потому что корабль тонет в этой пучине».*

(Из первого дафтара)

Мы приводим притчу о грамматике и кормчем в век торжества науки, и она служит напоминанием о том, что наука порой оказывается совершенно неуместной. Грамматика так

же бесполезна посреди бушующего моря, как попытка забросать море кирпичами. Когда вода поднимется выше головы, будет поздно следовать науке, с которой связана надежда на спасение. Эту ослепляющую спесь надо обязательно обуздать. Как сказал Санаи:

*Когда твоя наука тебя подавляет,
Невежество лучше такой науки во сто крат*

Вор, рассказывающий байки

Эта притча повествует о том, что жил-был один портной, очень искусный. Но у него был один порок – он воровал по куску от всех отрезов, что ему приносили для шитья платья. Некий тюркский воин, узнав об этом, готов побиться об заклад, что не позволит портному украсть у него даже нитку, не то, что целый кусок. Товарищи говорят ему, что это невозможно, и заключают с ним пари. Тюркский воин покупает отрез шелковой ткани и отправляется к портному. Портной приветливо встречает его, и у него на глазах начинает кроить ткань.

А во время кройки рассказывает разные байки и доводит тюрка до смеху. И в тот момент, когда смеющийся откидывает назад голову и закрывает от смеха глаза, портной прячет кусок материи за пояс. Когда же портной на миг прекращает рассказ, тюрк просит его рассказать что-нибудь еще. Тот продолжает травить байки, и заказчик в третий раз умоляет его продолжать. Портной рассказывает анекдот, тюрк закатывает глаза и хохочет, а портной снова прячет кусок ткани за шаровары. В конце концов, портной проникается жалостью к простодушному клиенту и возвращает тому ткань, однако пари тот все же проигрывает.

Стихи:

*Тюрка смех разобрал от этого рассказа,
и тогда закрыл он свои узкие глазки.*

*А тот украл кусок ткани и припрятал,
так что никто не увидел этого, кроме Бога.*

*Тюрк так наслаждался его байками,
Что даже взмолился от всего сердца*

*И попросил тюрк: «Ради Бога,
Расскажи еще что-нибудь для улады духа!»*

*Рассказал портной смешную байку, и тот
От хохота даже повалился на пол.*

*Кусок атласа тот быстро отрезал
А тюрк, лопухий, все веселился.*

*И тогда во второй раз этот тюрк
Сказал: «Расскажи еще байку ради Бога!»*

*И тот рассказал байку еще смешнее, чем та,
И тюрк окончательно стал его добычей.*

*Так что в третий раз тот украл кусок от кафтана,
Потому что тот смехом предоставил ему
возможность.*

*Когда же в четвертый раз глупый тюрк
Попросил его рассказать еще байку,*

*Смилостивился над ним тот мастер
и прекратил над ним издеваться.*

(Из шестого дафтара)

Разве имеет значение в нашу суетную и беспокойную эпоху, как проводят время люди? Разве существует понимание того, какое богатство растрачивается впустую во время всех этих развлечений, шоу, соревнований, конкурсов и прочих малопродуктивных занятий? А между тем вор нашего времени незаметно, но непрестанно ворует куски ткани и прячет их за пояс.

Старик и золотых дел мастер

Некий старик берет горсть золотых обрезков и отправляется к золотых дел мастеру. Он говорит: «Дай мне весы, чтобы я взвесил золото». Ювелир отвечает: «У меня нет метлы». Старик говорит: «Я просил весы, метла мне не нужна». Золотых дел мастер отвечает: «Сита у меня нет». Старик начинает сердиться и говорит: «Уважаемый, мы что, тут шутики шутим? Я просил у тебя весы!» Ювелир отвечает: «Папаша, руки у тебя трясутся. Золотые обрезки у тебя мелкие, ты их просыплешь на пол. А потом скажешь: «Дай метлу, чтобы их подмести!» А потом скажешь: «Принеси сито, чтобы золото просеять!» Чтобы потом голова не болела, я заранее предвидел, чем дело кончится, а поэтому и сказал, что нет у меня ни сита, ни метлы. Все.

Соответствующие бейты из «Маснави»:

*Один человек пришел к ювелиру:
«Дай весы, чтобы я мог взвесить золото»*

*/Тот/ сказал: «Ходжа, нет у меня сита!»
/Тот/ сказал: «Весы дай! Вот чего прошу».*

*/Тот/ сказал: «Метлы нет у меня в лавке».
/Тот/ сказал: «Довольно! Хватит шутить!»*

*Дай мне весы, которые я прошу!
Не притворяйся глухим, не увиливай!»*

*/Тот/ сказал: «Я слышал хорошо, я не глухой.
Но, чтобы ты не думал, что я несу чушь, /объясню/:*

*Золото у тебя сплошь мелочевка,
Руки задрожат, и золото просыплется.*

*Тогда скажешь: «Ходжа, принеси метлу,
Чтобы нашел я свое золото в пыли».*

*А когда сметишь золото и пыль в одну кучу,
Скажешь мне, нахал: «Теперь сито давай!»*

*Я с самого начала понял, чем дело кончится,
Так что убирайся отсюда, и прощай!»*

(Из третьего дафтара)

Притча о старике и золотых дел мастере предупреждает о том, что за сегодняшним днем следует завтрашний, и поэтому с самого начала нужно стараться предвидеть конец, ибо *«благословен тот, кто может предвидеть конец!»*⁴⁷ Как можно справиться с проблемами, когда они, накопившись, породят новые проблемы? После драки кулаками не машут.

Актуальность «Маснави»

В своем трактате «О поэзии» Аристотель называет поэзию более философской, чем история, и ставит ее на более высокое место. Он объясняет это так: «Поэзия рассказывает о делах общих, тогда как история повествует о делах частных»⁴⁸

Похоже, он хотел сказать, что поэзия является концентрированным изложением, квинтэссенцией всего человеческого опыта, тогда как история занимается объяснением лишь одной его стороны.

Поэзия, которую имел в виду Аристотель, это та поэзия, что была распространена в его время: эпос, трагедия и комедия, рассказывающие истории из жизни людей, сплетенные из действительности и фантазии, то есть того, что есть, и того, что должно быть.

Басни, притчи и описания, присущие нашей, персидской, литературе, также можно поместить под это определение.

⁴⁷ Стихи взяты из книги «Зеленый сад любви» (отрывки из «Маснави»).

⁴⁸ Аристотель. О поэзии. Перевод доктора Абд ул-Хусейна Зарринкуба, с. 44.

Особенно если учесть, что атмосфера иранского общества, с политической и социальной точки зрения, была закрытой, и мысль была вынуждена искать убежище в поэтических намеках и иносказаниях, а поэтому в большинстве случаев поэзия оказывалась более красноречивой, чем история.

Поэты, подобные Санай, Аттару, Мавлави и Саади, оставили много притч. Рассказанные ими басни и притчи не только отражают свою эпоху, но и прямо тянутся в сегодняшний день. Вот весьма актуальные притчи из «Маснави» Мавлави:

Шакал и красильный чан

Басни из жизни животных имеют давнюю традицию. Ярким примером таких басен является индийский сборник «Калила и Димна». Живший в V в. до н.э. древнегреческий писатель Эзоп и француз Лафонтен (1621 – 1695) прославились сочинением басен. Совершенно очевидно, что такого рода литература основывается на пословице: «Ты, дверь, говори, а ты, стена, слушай!» В этих баснях действуют животные, но услышать их должны люди. Прямое обращение к людям сложно, ведь правда часто бывает горька...

Теперь сама притча:

Некий шакал случайно попадает в красильный чан, а когда выбирается оттуда, то обнаруживает, что его шерсть приобрела новый окрас. Этот новый окрас ему чрезвычайно нравится, и он отправляется к другим шакалам и говорит: «Видите, шакалы, каким я стал красавцем! Теперь я не такой, как вы. Знайте свое место, и меня теперь шакалом не называйте. Называйте меня павлином!»

Стихи из «Маснави»:

*Один шакал попал в красильный чан
И целый час провел в этом чане*

*Потом выбрался, а шкура у него окрасилась
/И воскликнул/: «О, я стал настоящим павлином!»*

*Шкура у меня разноцветная, яркая,
Краски так и играют на солнце!»*

*Увидев себя зелено-красным, оранжево-желтым,
Отправился тот шакал к остальным шакалам.*

*Те сказали: «Эй, шакалушка, как дела?
Что это ударило тебе в голову?*

*Отчего это стал ты нас сторониться?
Откуда появилась у тебя эта спесь?»*

*Один шакал вышел вперед: «Слышь, приятель,
что это за маскарад? Иль ты спятил?*

*До того дошел, что готов взобраться на минбар
И своим бахвальством смущать народ.*

*Хватит! Ты старался, но не познал истинного пыла.
И своим обманом ничего не обрел, кроме позора».*

Бахвальство шакала:

*И вот этот разноцветный шакал вышел вперед
И сказал тому, кто порицал его:*

*«Посмотри же теперь на меня и на мой окрас!
Такого божка, как я, нет и у самого шамана!*

*Я подобен цветущему саду красками, ароматом.
Кланяйся мне, не задирай передо мной голову!*

*Взгляни на мое могущество, мой ореол и мой блеск
И назови меня славою мира, оплотом веры!*

*Я проявлением стал милости Господней,
скрижалью стал Господней благодати.*

*Шакалы! Не зовите меня больше шакалом!
Разве бывают шакалы с такой красотой?»*

*Шакалы собрались вокруг,
Окружили его, как мотыльки свечку.*

*«Но как нам звать тебя? Скажи, дорогой!»
Ответил: «Павлином, подобным Юпитеру!»*

*Тогда сказали ему: «Павлины настоящие
Украшают райский сад своим блеском.*

*Можешь ты озарить нас блеском?» - Ответил: «Нет.
Кто лишь в пустыне бывал, не скажет: я - городской?»*

*«А кричать умеешь, как павлин?» - Ответил: «Нет» -
«Тогда ты не павлин, господин Хвастун!*

*Одеяние павлина падает с Небес!
Нельзя стать павлином с помощью краски и
хвастовства!»*

(Из третьего дафтара)

Рано или поздно, но с крыши упадут кирпичи, и тогда в красивом чане больше не останется краски. Конечно, на какой-то момент, «групповые связи» или «неожиданные обстоятельства» могут подарить подобие славы и высокого положения. Но все равно надо предвидеть, чем кончится дело, ибо еще в древние времена говорили: «Что принес ветер, то ветром и унесет».

Гордец, мазавший жиром усы

Это притча о бедняке, который хочет выдать себя за состоятельного человека. Ему хочется приукрасить свою внешность. С этой целью он каждый день смазывает усы куском курдючного сала, чтобы всем казалось, что он питается жирной и сытной пищей.

Когда он шел на собрание соседской общины, то всегда мазал усы салом. И вот однажды он сидит в кругу своих соседей, когда вдруг прибегает его сынишка и взволнованно говорит: «Что ты сидишь! Кошка стащила кусок курдюка, которым ты мазал усы!» Конечно, этот человек опозорен, но тем дело не кончается. Товарищи порицают его и говорят: «Таким глупым поступком ты сдерживаешь тех, кто готов потратиться на нас!»

Вот эта притча:

*Нашел курдючную корку один бедняк,
Каждое утро намазывал ею себе усы.*

*Ходил к соседям, говорил на пирушке,
мол, только что сытно поел.*

*И вытирал рот рукой, намекая,
мол, взгляните-ка все на мои усы!*

*Вот доказательство того, что я не вру,
Вот доказательство того, как жирно и сладко я поел.*

И конец истории:

*Не слушался он своего желудка,
А между тем прибежала кошка и унесла курдючную корку.*

*За кошкой погнались, но та сбежала.
У мальчишки от страха, что заругают, краска спала
/с лица/*

*Прибежал в собрание этот маленький мальчик
и опозорил того хвастуна-гордеца.*

*Сказал: «Сало, которым ты каждое утро
смазывал губы себе и усы,*

*кошка, подкравшись, стащила!
Я погнался за ней, да все без толку!»*

*Присутствующие от изумления рассмеялись,
Но потом смилостивились над ним.*

*Пригласили его /поесть/ и накормили досыта,
Зерно милости посадили в землю.*

(Из третьего дафтаря)

Одним из важных вопросов, на котором неоднократно останавливается Мавлана, является выставление напоказ фальши и лжи, которыми хотят заменить подлинник. Он видит в этом несовершенство и неравновесие мира.

В этой притче урон причиняется не только другим, но и самому лжецу, потому что люди думают, что он ни в чем не нуждается, и воздерживаются от того, чтобы ему помочь, оставляя его голодным.

Всякий, кто воображает, что он может провести всех, в конце концов, оказывается самым обманутым из всех.

Дубильщик кож на базаре, в ряду продавцов благовоний

Очень известная притча. Дубильщик кож, шатаясь по базару, забредает в ряды продавцов благовоний. Неожиданно он падает на землю и теряет сознание. Вокруг него собираются люди и пытаются разными средствами привести его в чувство: опрыскивают его лицо розовой водой, подносят к его носу солому, растирают его руки и ноги, но ничего не помогает. А у него есть брат, которому и сообщают, что с ним приключилось. Брат приходит и говорит: «Сейчас я его вылечу». Подносит к его ноздрям собачий помет и говорит: «Мой брат с утра до

ночи работает в дубильне и привык к вони. Когда он почувствовал запах благовоний, он показался ему неприятным. Запах собачьего помета быстро приведет его в чувство!» Так и происходит. Примерно через час дубильщик приходит в себя и встает на ноги.

Вот сама притча:

*Один человек потерял сознание,
Едва попал в ряды продавцов благовоний.*

*Почувствовал он запах благовоний, долетавший от
молодых парфюмеров закружилась у него голова, и он упал.*

*Как мертвый упал и недвижим лежал
Полдня посредине базара.*

*Собрались тогда вокруг него люди,
Все ахают, охают, пытаются его лечить.*

*Один кладет ему ладонь на сердце,
А другой кропит розовой водой его лицо*

*и не знает он, что на этом базаре
из-за розовой воды все и случилось.*

*Один растирает ему руки и голову,
Другой тащит влажную солому с глиной,*

*Один смешивает ладан, алоэ и сахар,
Другой расстегивает ему ворот рубахи.*

*Один прощупывает ему пульс,
Другой принохивается к его дыханию.*

*Может, он вина напился, или накурился гашиша?
Так и толпятся люди вокруг бесчувственного.*

*Потом побежали, сообщили его родственникам,
Что такой-то, мол, упал там-то, и дело плохо.*

*Никто не знает, отчего с ним случился припадок,
Или еще что-то, но он упал, растянулся без чувств.*

*Брат был у этого грубого дубильщика кож
Ловкий и знающий, он быстро пришел.*

*В рукаве принес немного собачьего помета.
Всех людей удивил, а сам пришел, плача.*

*Сказал: «Знаю я, отчего с ним беда приключилась.
А когда знаешь причину, легче подыскать лекарство.*

*А когда причину не знаешь, бывает трудно
Подыскать лекарство от болезни, их может быть сто.*

*А когда узнаешь причину, сразу станет легко.
Знание причин помогает от невежества.*

*Сказал: Пропитан его мозг и кровь
запахом, вонью собачьего дерьма.*

*Ибо весь день он проводит в грязи
В дубильне, зарабатывая себе на хлеб.*

*Ибо говорил еще великий Гален:
Дай больному то, к чему тот привык.*

*Так что, поскольку болезнь случилась из-за непривычного,
Надо лекарство от болезни искать в привычном.*

*Поскольку, разгребая навоз, он сам стал как навозный жук,
А навозным жукам не по нутру аромат розовой воды.*

*Поэтому и лекарством для него является собачье дерьмо,
Ведь к его вони он привык, она ему приятна.*

*Добрые люди его амброй или розовой водой
Лечить пытаются, и разными способами.*

*Но скверну не изгнать приятными ароматами,
Не годятся они для этого, о, добрые люди!*

*Если наша пища - ложь, бахвальство и обман,
Восстает против этого обмана наш желудок.*

Лечение, осуществленное братом дубильщика кож:

*Отогнал молодой человек толпу /от своего брата/
Чтобы не видели эти люди, как будет он его лечить.*

*Склонился к его уху как прорицатель,
А потом поднес что-то к его носу.*

*Ибо он растер между ладоней собачий помет
считая его лекарством для пропитанного скверной мозга.*

*Прошел час, человек зашевелился.
Люди сказали: «Просто колдовство какое-то!»*

*Этот сказал тому на ухо какое-то заклинание,
А тот был как мертвый, но заклинание услышал!»*

*Все заволновались и двинулись к нему,
Словно привлеченные красотой и кокетством.*

*Всякому, кому от мускуса наставления пользы нет,
Поневоле в зловонье надлежит оставаться*

*Червь, рожденный в навозе вечности,
Не превращает в амбру свои выделения.*

*Ты таким останешься, если этого света будешь лишен,
От того, что видишь, будешь оставаться грязным.*

*От разлуки желтым стало лицо.
Желтый лист, а внутри – неспелый плод*

*Котел от огня стал черным и закопченным,
А мясо от твердости осталось сырым.*

(Из четвертого дафтара)

Вывод, который делает Мавлана, ясен. Всякий, чей мозг наполнен нехорошими мыслями и ложными представлениями, оказывается подобен этому дубильщику кож. Разве можно ожидать, что разумные мысли и логические доводы смогут на него повлиять? Если говорить с ним языком логики, то он может воспринять это как оскорбление.

Грех невежества подобен греху праздности и злонамеренности, и последствия их также схожи.

Политизированность, столь распространенная в наше время, делает всех более близорукими. Люди в эпоху науки и прогресса намного чаще следуют каким-то общепринятым ориентирам, чем собственным интересам или приверженности истине.

Молодящаяся старуха

Притча о старухе, которая, желая выглядеть молодой, пытается вернуть лицу свежесть и румянец. С этой целью она прикладывает к лицу позолоченные листы Священной Книги. Бумага никак не пристает и соскальзывает с лица. Старуха приходит в ярость и кричит: «Будь проклят, шайтан!» И тут же перед ней оказывается шайтан и говорит: «О, злосчастная ведьма! Зачем ты меня проклинаешь? Это ты стоишь одной ногой на краю могилы и хочешь страницей Корана украсить свое уродливое лицо. А я-то тут при чем?»

Послушаем, как рассказывает эту притчу Мавлана:

*Поскольку нет собрания без ругани и клеветы,
Невозможно найти избавление от низких рассказов.*

*Так что заведи эти слова из залога
И возвращайся к рассказу о старой карге.*

*Когда она состарилась и стала непривлекательной
для мужчин,
Стала, одним словом, просто старой каргой,*

*Не владеющей ни имуществом, ни состоянием,
Ничем достойным, чтобы стать основанием,*

*Не дарующей и не получающей радости,
Не обладающей ни смыслом, ни содержанием,*

*Не имеющей ни языка, ни ушей, ни ума, ни зрения,
Ни памяти, ни сознания, ни мысли,*

*Ни желания, ни красоты, вызывающей ласки,
При этом пахнувшей дурно, как лук,*

*Еле-еле ковыляющей, еле переставляющей ноги,
Растерявшей и пыл, и жар старой распутницей,*

Старуха решила себя приукрасить:

*Как невеста хотела расхаживать эта старуха,
Вот и отмыла себе брови эта несчастная,*

*Поставила перед лицом зеркало эта ведьма,
Чтобы приукрасить лицо, щеки и рожу.*

*Втерла кучу румян эта самовлюбленная,
Но ей не удалось прикрыть дряхлую кожу.*

*Вырезала из Корана несколько позолоченных строк
И приклеила себе на лицо эта нечестивая*

*Чтобы прикрыть свою старую кожу
Чтобы стать камнем в перстне красавиц*

*И когда она бумажки на лицо приклеивала,
Они тут же отклеивались и падали.*

*И снова и снова она их слюнявила
и на лицо там и сям приклеивала.*

*Но как только чадру надевал этот драгоценный
камешек,
Листочки отклеивались и падали на землю.*

*Так и сяк пыталась, а они все падали,
И сказала она: «Сто раз проклят Иблис!»*

*И тут же перед ней объявился Иблис.
Сказал: «Слушай, старая распутница!»*

*Я за всю свою жизнь такого не мог и представить,
И не видел другой такой распутницы, как ты.*

*Ты посадила в /почву/ бесчестья редкое семя,
В своем мире не оставила Книги.*

*Сто проклятий твоих это больше чем миллион
проклятий
Ты прокляла меня, падшая женищина.*

*Украла несколько листков из книжного знания,
Чтобы стало лицо твое похожим на яблоко».*

Бывают такие люди, чьи злодеяния нелюбезны самому шайтану. Хафиз говорил:

Не украшай скотину так, как другие /украшают/ Коран!

К каким только хитростям, и к какой только демагогии не прибегают, чтобы заполучить деньги и положение, прикрываясь именем благочестия и религии!

Предупреждение Мавлана:

*Сколько ты украла слов божьих людей,
Чтобы продавать и брать /деньги/! Браво!*

*Нанесенная краска не сделала тебя румяной,
Приспавленные рога не похожи на ветви дерева.*

*В конце концов, когда падет покров твоей смерти,
Опадут эти прекрасные листочки*

*Поскольку стремительно приближается этот путь,
Исчезнут после этого шум и веселье.*

*В мире настанет тишина, так что остановись!
Увы, из людей в нем никого не останется.*

Страна невежд

Некий насмерть перепуганный человек прибегает в один дом и просит убежища. Удивленный хозяин говорит: «Что случилось? От кого ты убегаешь?» Тот отвечает: «Государь издал указ отобрать всех ослов». Тот говорит: «Но ведь ты не осел, ты-то чего боишься?» Тот отвечает: «Они очень усердны. Я боюсь, что они заберут меня вместо этого животного. Но они не могут отличить одно от другого. С их точки зрения, между ослом и его хозяином нет никакой разницы»

Стихи Мавлави следующие:

*Вбежал в один дом один человек
С желтым лицом, посиневшими губами.*

*Хозяин дома ему сказал: «Добро пожаловать!
Но отчего трясутся у тебя руки, как у старика?»*

*Что случилось? От кого ты сбежал?
Почему так бледно твое лицо?»*

*Сказал: «По указанию шаха Харуна
Сегодня у всех отбирают ослов!»*

*Тот сказал: «Ну, отбирают. А где осел? Милый друг,
Ты же не осел, тебе-то какая печаль?»*

*Сказал: «О, они так рьяны и так усердны!
Если бы они отобрали осла, я бы волновался.*

*Но коли начали они отбирать ослов,
То взялись за дело со всей серьезностью.*

*А поскольку в нашей стране много непонятливых,
Они и забирают хозяев ослов вместо самих ослов.*

Это известная притча, которая приводится также в «Гулистане» Саади. Становится понятно, что в отдельные эпохи истории Ирана несправедливость и немилость доходили до таких пределов, что такого рода рассказы не слишком удивляли людей. Хафиз говорил:

*Бумажное платье омоем горячими слезами, ибо никто
Не указал еще нам путь к порогу справедливости*

Вместе с тем, Мавлана придает безвинным силу духа, которая позволит им идти своим собственным путем и оградит от посягательств извне, потому что, в конце концов, истина обязательно одержит победу.

По его мнению, даже в очень беспокойном обществе правый и чистый в помыслах человек огражден от посягательств. Он достигает такой степени высоты, что никакой вред ему невозможно причинить. Эта степень величия определяется следующими словами Мавлави: «Ты – выше небесного свода и звезд». Восхваляя человека, он напоминает такие два бейта из «Шахнаме»:

*Тебя создали из двух миров,
воспитали тебя несколько посредников.*

*Сначала подумай, затем действуй!
Не считай себя недостойным (не пренебрегай собой)
(подстрочный перевод
этого двустушия – С.Абдулло)*

Уверенность Мавлана в безвинности безвинных:

*Будь человеком, тех, кто хватает ослон, - не бойся!
Ты не осел, о Иса эпохи! Не бойся!*

*Четвертый круг полон твоим светом,
Упаси Бог, чтобы твое место было конюшней.*

*Ты – выше небесного свода и звезд,
даже если по какой-то причине находишься в конюшне.*

*Быть конюшним - это одно, а ослом – другое.
Не всякий, кто находится в конюшне, является ослом.*

*Мы попали в колодец, следуя за ослом.
Колодец этот – розовый сад, а вода в нем – розы.*

Судья, Джухи ⁴⁹ и его жена

Джухи – один из тех злосчастных ловкачей, которые, несмотря на способность к строительству самых разных планов, всю жизнь влачат в бедности. И вот однажды, в конце измученный нищетой, он обращается к жене с такими словами: «Женушка, придумай что-нибудь, пойдя к городскому судье (видимо, человеку известному такой склонностью) и поговори с ним, пустив в дело свою красоту. Может, нам чего и обломится!»

Жена, наделенная незаурядной красотой, собирается в путь. Хорошенько принарядившись и приукрасившись, она приходит к судье и начинает жаловаться на своего мужа, мол, тот не дает ей ни гроша, поколачивает ее и все такое. Кокетство женщины отлично срабатывает, и судья предлагает ей встретиться в укромном местечке. Женщина говорит: «Здесь неудобно, слишком много народу. Пусть лучше господин судья изволит утрудить себя и направить стопы в хижину его покорной слуги». Судья соглашается и вечером отправляется к ней. В разгар свидания в дверь неожиданно стучат: пришел Джухи. Он пытается войти в дом. Возникает переполох: что делать? Судья прячется в сундук, стоящий в углу комнаты.

Джухи входит и начинает бранить жену и ругаться: «Этот проклятый сундук – причина всех моих несчастий! Люди думают, что в нем хранятся сокровища, и отказываются помогать мне. Прямо сейчас отнесу его на площадь, продам и избавлюсь от того зла, что он мне причиняет!» Словом, он зовет носильщика. Тот взваливает сундук на спину и направляется на городскую площадь. По пути попавший в безвыходное положение судья тихонечко говорит

носильщику: «Ради Бога, закрой сундук и отнеси его к моему помощнику. Пусть купит его за любую цену. Тебе дам большое вознаграждение». Носильщик повинуется ему и идет к помощнику судьи. Тот, понимая, в чем дело, покупает сундук за изрядную цену и спасает судью от позора.

⁴⁹ Джухи – глуповатый недотепа и простак, герой многочисленных средневековых анекдотов (прим. пер.)

Джухи – представитель класса тех бедняков, которые используют свою хитрость на несправедливых путях и опускаются даже до того, что начинают торговать собственными женами.

Судья – представитель класса распутников, которые, прикрываясь именем науки и религии, унижают и грабят народ, и, будучи, по определению, хранителями чести народа, они не останавливаются перед тем, чтобы грубо на нее посягать.

Вот этот рассказ:

*Джухи, от бедности не зная, что и придумать,
Обратился к жене со словами: «О, милая женушка!*

*Оружие у тебя есть, так что иди на охоту.
Чтобы мы подоили хорошенько твою дичь.*

*Лук бровей, стрелы кокетства, сети хитрости
Для чего тебе дал Господь, как не для охоты?*

*Иди же, расставь силки на прекрасную птичку.
Зернышки ей покажи, но от кормления воздержись.*

*Цель покажи, но сделай для него недостижимой.
Как сможет /птичка/ съесть зернышки, если будет
в силках?»*

*Отправилась жена его к судье с жалобами:
мол, несчастная я из-за мужа такого-сякого.*

*Словом, судья и стал той самой дичью
из-за речей и прелестей этой красавицы.*

*Сказал: «В суде такой шум и гвалт.
Я не могу понять суть этой жалобы.
Если в уединенное место придеешь, о, стройный
кипарис,
Смогу помочь тебе против притеснений мужа».*

*Сказала /она/: «В дом твой всякий - и добрый, и злой –
Приходит-уходит с разными жалобами».*

*Сказал судья: «О, мой кумир, что же делать?»
Сказала: «Дом вашей покорной служанки – пуст.*

*Муженек мой в деревне, и сторожа нет.
Если нужно уединение, лучшие места и не найдешь.*

*Нынче вечером, будет возможность, приходите туда.
Ночное дело не нуждается ни в словах, ни в
притворстве».*

*Женщина зажгла две свечи, завела приятные разговоры,
сказала: «Мы пьяны и без вина».*

*А в это время пришел Джухи, затарабанил в дверь.
Судья искал, куда бы спрятаться, пока не открылась дверь.*

*Кроме как в сундук, спрятаться было некуда.
И залез от страха в сундук этот благородный человек.*

*Вошел Джухи и сказал: «Эх, моя сожигательница!
Ты - моя беда и весной, и осенью!*

*Я пожертвовал для тебя всем,
А ты кричишь на меня постоянно.*

*И когда начинаешь меня бранить
То обзываешь то нищим, то сводником.*

*Если это и так, душа моя, то причин тут две –
одна от тебя, другая – от Бога.*

*Что у меня есть, кроме этого сундука? А он является
причиной клеветы и основой /ложных/ предположений.*

*Люди думают, что храню в нем – золото,
И отказывают мне из-за неверных представлений.*

*Внешне сундук этот очень красив, однако
Нет в нем ни золота, ни серебра, ни меди.*

*Как тело притворщика – внешне здоровое и солидное.
А внутри сплошь изъедено язвами.*

*Пойду - ка я, завтра этот сундук отнесу
И сожгу прямо посередине площади.*

*Чтобы увидел и правоверный, и зороастриец, и еврей,
Что в этом сундуке не было ничего, кроме проклятия.*

*Сказала жена: «Откажись, муж, от этого!»
Но он поклялся, что так поступит.*

*Едва рассвело, как он сбегал за носильщиком,
И тот тут же взвалил сундук на спину.*

*Изнутри сундука несчастный судья
Начал взывать: «Носильщик, эй, носильщик!»*

*Стал носильщик оглядывать по сторонам,
Пытается понять, кто это его окликает:*

*«Может, это ангел-вестник меня окликает? Что за чудо!
А может, это пери тайно ко мне взывает?»*

*Но поскольку тот голос все звал и звал его,
Он сказал: «Нет, это не ангел-вестник», и пришел в себя.*

*И понял, наконец, что этот голос и крик
Доносится из сундука, и кто-то, стало быть, - в нем.*

*Влюбленный, отправившийся /на свидание/ в тоске по
возлюбленной,
Хотя и снаружи находится, но сидит в сундуке.*

*Но история судьбы на этом еще не кончается.
Сказал: «Эй, носильщик, который тащит сундук,*

*Иди в здание суда и сообщи обо мне
Моему заместителю как можно скорее.*

*Пусть он за золото купит сундук у этого безмозглого
И отнесет его домой не открывая.*

*Заместитель /судьи/ пришел, спросил: «Сундук почему?»
Тот сказал: «Девять сотен золотых предлагают.*

*Но я не соглашаюсь меньше, чем на тысячу.
Если хочешь купить, открывай кошель и бери».*

*Сказал: «Постыдись! Ты что, не видишь?
Цена этого сундука окажется очевидной».*

*Сказал: «Без просмотра покупка опасна.
Покупка моя /спрятана/ под ковром, это неправильно.*

*Я открою ее. Не понравится, не покупай.
Лишь бы не пришлось тебе сожалеть, отец».*

*Сказал: «О, покрывающий, не открывай тайну!
Тайну сокрытую покупаю, согласись со мной!*

*Сохрани все в тайне, чтобы тебя извинили.
Пока не видишь веры, ни над кем не смейся.*

*Ибо в этом сундуке такие же, как ты находятся
Те, которые сами себя ввергли в несчастье.*

*Все, к чему ты и сам стремишься, принимай.
И другого спасай от беды и невзгоды.*

*От того, что на торном пути истины и в засаде
дает воздаяние еще до наступления дня веры».*

*Инцидент исчерпал себя, и этот человек
дал сто динаров и купил сундук.*

*Всякий раз, когда ты попадаешь в сундук, о,
принимающий дурное,
Тебя выкупают ангелы-вестники и потусторонние силы.*

Всегда было так, и сейчас распространено еще больше, чем в прошлом, что желательное развитие общества становится заложником действий случайной группы людей, которым приходится доверять. А если им не доверять, то все рухнет. К какому только разврату и коррупции не приводят отсутствие справедливости и наличие бедности?

Муаззин с противным голосом и дочь гебра ⁵⁰

Эта притча о муэдзине, который призывает к намазу в городе, в котором живет много неверных. У муэдзина очень противный голос. Люди советуют ему проявить осторожность; мол, если в городе, большинство населения которого не является мусульманским, призывать к мусульманской молитве таким ужасным голосом, немусульманское население может возмутиться. Но он не обращает на это внимания.

Однажды к нему приходит один весьма сладкоречивый кафир и с поклоном преподносит ему подарки. Люди удивляя-

⁵⁰ Муаззин (муэдзин) – служитель при мечети, в обязанности которого входит пять раз в сутки провозглашать с минарета призыв к молитве; гебр – зороастриец (хотя, возможно, здесь это обобщенный образ неверного, кафира, которым мог быть и христианин, и язычник – при. пер.)

ются: «Что бы это значило?» Человек говорит: «У меня есть дочь, которая страстно хочет стать мусульманкой. Сколько мы ни старались сделать так, чтобы она отказалась от своего намерения, все без толку. Она все твердила: «Клянусь, я стану мусульманкой». Но сегодня она услышала голос этого человека и сказала: «Что это за звук, ужаснее которого я не слышала в своей жизни?» Мы ответили: «Это мусульманский призыв к молитве». После того, как она услышала этот голос, в ее сердце погасло желание стать мусульманкой, и образумилась. Теперь я пришел для того, чтобы отблагодарить его этими дарами.

Стихи Мавлана:

*У одного муэдзина был ужасно противный голос,
И он призывал к молитве посреди города неверных.*

*Сколько ему не говорили: «Перестань призывать к молитве,
а то начнется война, все будут к нам враждебны».*

*Но тот упорствовал и неосторожно
продолжал призывать к молитве /своим дурным голосом/.*

*Люди боялись всеобщего восстания,
Но пришел один кафир с отрезом ткани.*

*Со свечами, сластями и отрезом отличной материи.
Принес дары и повел себя, как лучший друг.*

*Стал всех расспрашивать: «Где тут ваш муэдзин,
Чей призыв к молитве услаждает воздух?»*

*«Какая услада от такого противного голоса?»
Сказал: «Ибо голос его был услышан и в нашем храме.*

*Есть у меня дочь, красивая и очень добрая.
И было у нее желание стать мусульманкой.*

*Никак эта мысль не выходила у нее из головы.
Хотя все советовали ей от нее отказаться.*

*В сердце ее выросла любовь к исламской вере.
Моя же печаль была похожа на кафельницу, я совсем иссох.*

*Я мучился, страдал и терзался,
что ничто не может отвлечь ее от этой мысли.*

*Не видел я никакого выхода из этого положения,
Когда вдруг начал читать азан этот муэдзин.*

*Спросила дочь: «Что за страшный звук
Донесся нынче до моих ушей?»*

*За всю свою жизнь такого ужасного голоса
Не слышала я в нашей стране и нашем храме».*

*Сестра сказала ей: «Это азан –
Призыв к молитве у мусульман».*

*Она не поверила, расспросила других.
Другие сказали, что это, мол, так.*

*Когда же истина открылась, она пожелтела лицом,
И сердце ее охладело к исламу.*

*И настал конец моим мучениям и терзаниям,
Вчера первый раз смог спокойно поспать.*

*Коль радость мне принес его противный голос,
Подарки я принес. Где этот человек?»*

*Когда увидел его, сказал: «Эти подарки возьми,
Ибо для меня стал ты защитником и помощником.*

*За то, что ты сделал для меня из милости и доброты,
Стал я твоим рабом на веки вечные.*

*Если б было у меня состояние, владение и богатство,
То я наполнил бы золотом твой рот.*

(из пятого дафтара)

Рассказ этот напоминает о пропаганде, которая за счет государственной казны с помощью всех громогласных средств массовой информации льется на уши людей, и о том результате, к которому это приводит. Отчасти это напоминает тот результат, к которому привел дурной голос муэдзина. У нас тоже есть противники, которые очень радуются нашим промахам и пользуются ими. Саади говорил:

*Если ты будешь читать Коран таким образом,
То лишишь мусульманство его блеска.*

Осел ушел, осел ушел

Один суфий, странствующий дервиш, приезжает верхом на осле в некую ханака (суфийскую странноприимную обитель). Он привязывает животное в конюшне, дает ему сена и травы, а сам присоединяется к собранию суфиев. Оказывается, что у тех намечается некий праздник. Странник тоже хочет принять участие в их пиршестве, и счастлив оттого, что совершенно даром проведет такую приятную ночь. Во время радения все танцуют и хором поют: «Осел ушел, осел ушел... (хар берафт-о хар берафт...). И странник тоже начинает петь вместе с ними.

Пир продолжается до рассвета. Все едят, пьют и веселятся. Утром суфий собирается в дорогу, отправляется за ослом и видит, что осла в конюшне нет. Он спрашивает у хозяина странноприимного дома, что случилось. Тот ухмыляется и уклоняется от прямого ответа. Гость кричит: «Ты отвечаешь за это! Я поручил свое животное тебе!» Хозяин ханака отвечает: «Суфии его продали и купили на эти деньги еду для своей пирушки». Тот говорит: «А ты как это допустил?» Тот

отвечает: «Они сильнее меня, я им не противник». Тот говорит: «А почему ты не пришел, меня не известил?» Тот отвечает: «Я приходил, но увидел, что ты еще более рьяно, чем другие, поешь «осел ушел, осел ушел...» и подумал, что сделали они это с твоего согласия, и ты этому радуешься».

На это ему нечего ответить. Дело сделано, и осла вернуть невозможно.

Стихи Мавлана:

*Суфий подъехал к одной ханака,
Слез с осла и отвел того в конюшню.*

*Помыл его, дал ему травы собственноручно
Не такой он был суфий, о которых мы говорили раньше.*

*Проявил предусмотрительность по ошибке и недоразумению.
Да и бывает ли, что пользу приносит
предусмотрительность?*

*Когда началось всеобщее радение,
мутриб-запевала начал отбивать ритм*

*и запел: «Осел ушел, осел ушел...»,
а все с жаром за ним подхватили.*

*И так до рассвета они с жаром топали ногами
и били в ладоши: «Осел ушел, осел ушел, о, сынок!»*

*Подражая им, тот суфий также начал
Петь «Осел ушел, осел ушел...».*

*Когда же закончилось это возлияние, возбуждение и радение,
Наступил день, и все распрощались.*

*Странноприимный дом опустел, а суфий остался,
стряхнул путешественник пыль с одежды,*

*взял дорожный мешок и вышел из худжры ⁵¹,
чтобы привязать его к ослу так же, как и /мешок/ с ячменем.*

*Он торопился, чтобы догнать своих спутников.
Пошел в конюшню, но осла своего не нашел.*

*Служитель пришел, спросил суфий: «Где осел?»
Сказал служитель: «Что такое, что за шум?»*

*Сказал: «Я поручил своего осла тебе!
Я тебя сделал ответственным за своего осла!*

*Объясни мне все и со мной не спорь!
То, что я поручил тебе, возврати мне!*

*Отдавай мне то, что я отдал тебе!
Отдавай назад то, что я тебе поручил!»*

*/Тот/ сказал: «Меня они одолели! Суфии
Напали на меня, и я испугался за свою жизнь!»*

*Ты – потроха, /оказавшиеся/ среди котов.
Швыряешь /им/ и хочешь, чтобы хоть что-то осталось?*

*Ты – лепешка, /оказавшаяся/ среди сотни голодных,
Ты – облезлая кошка перед сотней псов».*

*Сказал: «Предположим, они силой у тебя отобрали.
Они захотели моей жалкой крови.*

*Но /почему/ ты не пришел и не сказал мне,
что, мол, осла твоего забирают, о, несчастный?
Ибо осла своего я у любого бы выкупил,
Если бы не распределили они между собой мое золото.*

⁵¹ Худжра – келья.

*Там сто человек было присутствующих.
А теперь все они разошлись кто куда, в разные стороны.*

*Кого ж мне теперь взять и отвести к судье?
Несчастье это случилось из-за тебя,*

*потому что ты не пришел и не сказал: «О, чужестранец!
Произошло такое – то ужасное злодейство».*

*Сказал /тот/: «Ей-богу, приходил я много раз,
чтобы тебя известить о том, что случилось.*

*Но ты говорил: «Осел ушел, о, сынок!»
еще более рьяно, чем все остальные.*

*Тогда я решил, что он, мол, и так все знает,
согласен с тем, что произошло, человек неглупый».*

*Сказал /тот/: «Так это все говорили, да с таким пылом,
что и меня охватил пыл, и я повторял за всеми.*

*Так, значит, подражание им и разорило меня!
Тогда двести проклятий тому подражанию!»*

*Хочешь, чтобы зрение, ум и слух были чисты,
Тогда разорви завесы алчности и жадности.*

*Причина подражания того суфия – в алчности,
Которая заслонила его ум от света и ясности.*

*Алчность до пищи и алчность к восторгу и радению
помешала его уму понять, что происходит.*

Участие этого суфия в радении и его пение напоминает о беззаботности и беспечности, несправедливом распределении и дискриминации, и кутежах и разгуле, за примерами которых далеко ходить не требуется.

Этот бедный человек, желая провести в веселье всего одну ночь за чужой, как он полагал, счет, теряет все свое состояние.

Утром, когда он просыпается – и каким ужасным является это просыпание! – он остается один на один с воспоминанием о своем ослике, об ухмылке хозяина странноприимной обители и о бесконечной дороге, которую ему придется пройти пешком, хромя и стирая ноги в кровь, и еще неизвестно, куда заведет его эта дорога.

фарвардин 1378 г.
(март-апрель 2000 г.)

Молодежь и роль книги

Самой важной проблемой, с которой сегодня сталкивается Иран, является проблема молодежи.

Больше половины населения страны составляют молодые люди младше тридцати лет. Все они устремлены в будущее и надеются на то, что их ожидания оправдаются.

У них существуют две основные жизненные потребности. Во-первых, заработок и работа, являющаяся необходимым условием для жизни. И, во-вторых, культура, которая подсказывает, какую дорогу выбрать. Заработная плата и работа являются частью экономической программы страны, и здесь мы не будем обсуждать эту тему. Достаточно лишь напомнить о том, что ежегодно целые толпы молодых людей выходят из стен университетов и вливаются в легионы ожидающих приличного трудоустройства. Согласно статистике, для того, чтобы безработица оставалась на приемлемом

уровне, в стране ежегодно необходимо создавать восемьсот тысяч новых рабочих мест. Продолжается наплыв молодых людей в столицу, и трудности с жильем и заключением браков нарушают естественное течение жизни страны. Официальная пропаганда призывает молодежь жениться, однако для создания семьи необходимо отдельное жилье, о чем пропагандисты умалчивают. Так что теперь делать? Поскольку Иран обладает материальными и духовными источниками, нельзя сказать, что двери перед ним закрыты. Однако для того, чтобы открыть эти двери, необходим ключ. Конечно, ключ этот находится не на дне колодца, однако и найти его не так просто. И раз действительно существует ощущение некоторого беспокойства по этому поводу, необходимо составить своего рода «программу поиска выхода» и продвинуться несколько дальше стадии слов, добрых предвестий и надежд. За послереволюционный период население страны увеличилось примерно вдвое. Если дело дальше пойдет таким темпом, и ничто не будет придумано для уравнивания ситуации, наша древняя страна потерпит поражение. Как сказал Баба Тахир, *«Земле с таким размахом станет тесно»*.

Второй вопрос заключается в том, с какой культурой должна жить эта огромная масса молодежи? Разве молодые люди не должны знать, какая страна является их родиной? Не должны знать, какое место занимала в мире их страна, и по какой дороге она устремлена в будущее?

Потому что без хотя бы минимального представления о прошлом нельзя правильно определить путь в будущее.

За последние пятьдесят лет в стране произошло нечто вроде культурного землетрясения, в стороне от которого не осталась и наша современная молодежь. На самом деле, чем дальше мы идем вперед, тем более ухудшается положение. Речь идет о сосуществовании двух культур, которое ведет к полному бескультурью. Нельзя отрицать, что мы попали сейчас в водоворот именно такого кризиса. Наши молодые люди стремятся ко всему западному, читают западные учебники и с утра до глубокой ночи подбирают крохи западной культуры. Наши радиостанции тоже питаются из западного источника, и даже когда ведут пропаганду против Запада, то добиваются, на

основании господствующей в обществе психологической ситуации, прямо противоположного результата. Так каким же образом молодые люди смогут уберечься от ее последствий? Но проблема заключается в том, что как раз хорошие стороны западной культуры такие, как научный дух, самокритика, дисциплина, логика и рабочая честь, не воспринимаются должным образом. С другой стороны, в молодых людях сохранились воспоминания о местных обычаях и традициях, которые, по большей части, не соответствуют требованиям современного мира, потому что еще не облагорожены и не превращены в культуру.

Столкновение с модернизацией стало препятствием для того, чтобы положительные стороны народной культуры смогли оказать сопротивление /наступлению западной цивилизации/, и поэтому иранские элементы начали исчезать, в то время как элементы века науки отстали со своим приходом. Талант молодого иранца и его желание много знать отрицать нельзя. Можно засвидетельствовать два многообещающих признака: во-первых, иранские школьники с блеском выступили на международной олимпиаде по естественным наукам, а, во-вторых, к получению образования стремятся все. Уже сейчас в каждой семье из трех человек один обязательно ходит в школу, и по всему Ирану открываются университеты. И каким бы ни был результат их деятельности, они, по крайней мере, свидетельствуют об интересе молодежи к получению дипломов и личностному утверждению через посредство образования. Но все это выдвигает вопрос: с какой культурой должна жить эта молодежь?

Люди, не имеющие точки опоры в культурном пространстве, никогда не смогут построить достойное общество. Тем более в безжалостном торопливом мире, не позволяющем ни одному обществу жить «как Бог на душу положит» и оставляющем того, кто запоздал перестроиться, влачиться позади каравана. Да, у нас есть много молодых талантов. Но эти таланты слишком разрозненны. Они должны быть объединены, и это – необходимое культурное условие для дальнейшего продвижения вперед. За последние несколько десятилетий,

которые сопровождалась политическими приливами и отливами и социальными потрясениями, надежды и упования лишь усиливались, а достижений становилось все меньше. Религиозно-нравственные основы, без которых не может достойно выжить ни одна нация, стали расшатываться. Если только юноши и девушки не задумаются над тем, что происходит, то, с таким количеством молодежи, как сегодня, Ирану придется столкнуться с величайшими трудностями в своей истории.

Конечно, экономика очень важна. Но экономика, не опирающаяся на поддержку культуры, не может получить необходимое развитие.

Исходя из этого, мы, в меру своих слабых возможностей, подумали о том, чтобы сделать хоть что-нибудь в этом направлении, какую-то часть необходимой работы. А именно, в рамках программы «Иран-сарай Фирдоуси» мы решили издать цикл книг для молодежи. Эти книги, общим числом двести томов, будут посвящены истории, цивилизации, источникам и литературе Ирана. Поскольку же знание мира также имеет большое значение, еще примерно сто томов будут посвящены всеобщей истории мысли и цивилизации. Мы надеемся, что эта серия книг будет написана ясным и понятным слогом, и стоить они будут относительно недорого. Нет сомнения, что с выходом этих книг в сознании молодых людей произойдут изменения, и они захотят более пристально взглянуть в собственную страну.

Как мы уже сказали, это только часть работы. необходимо подумать и о том, что еще можно сделать, особенно против той волны, что идет со спутников и через Интернет. Если Иран не будет обладать прочным мыслительным каркасом, все его остальные усилия останутся бесплодными. Необходимо сделать так, чтобы иранская молодежь чувствовала себя спокойно в родной стране, доверяла ей, гордилась ею. А одним из важных путей для этого является знание того, что это за страна и какой она когда-то была. Знание есть начало движения. Оно – необходимость, а не украшение.

Мы признаем, что у современной иранской молодежи нет верного идейного пристанища. Она знает, чего не хочет, но не знает, чего хочет. И, прежде всего, потому, что современная молодежь очень мало читает. При таком количестве молодых людей, посещающих школу (а это число многие миллионы!), достойно всякого сожаления, что средний тираж издающихся книг – всего 3 тысячи экземпляров. Кроме того, молодые люди не знают, что именно читать, какие книги приобретать. Книги дороги, а общественных библиотек мало. А если кто из молодых людей отличается большей любознательностью и хочет узнать что-то сверх обязательной школьной программы, то нынешняя писательская мода отличается мелкотемьем, постмодернистскими поисками, либо комплиментарной, либо излишне язвительной критикой, а также псевдопереводами и сомнительным версификаторством, и все их произведения находятся на таком уровне, что напоминают соску, которую суют в рот младенцу, чтобы тот не плакал. Через несколько лет такого чтения молодой человек поймет, что зря потратил несколько лет своей жизни.

Поиски «левизны» – это признак молодости, начала жизни. Но за последние пятьдесят лет левые идеи в Иране оказались совершенно бесплодными, и сознание молодежи совершенно напрасно забивалось ими. Кое-кто использовал это в своих интересах и заработал себе на этом весьма недобрую славу. Но мы хотим, чтобы те книги, о которых мы говорили выше, принесли свои плоды. Наша цель в том, чтобы сделать их основой для ориентации в сегодняшнем мире. Ибо сегодняшний день можно понять, только зная день вчерашний.

*Чтобы знали эти правители государства,
Что о многих народах помнит этот мир*

И те страны, которые с точки зрения наших модернистов-реформаторов считаются очень цивилизованными и развитыми, не забывают о том прошлом, которое лежит в основе их

нынешнего успеха. Однако познание истории у них идет одновременно с «чистой» историей.

Из того, что было сказано выше по поводу «Иран-сарая», очевидно, что нет опасности того, что культура будет противопоставлена науке и технике. Прямо наоборот. Цель проекта заключалась в том, чтобы с помощью науки культура получила большее изучение и развитие и придала науке правильное направление, потому что максимум, которого может достичь чуждый основам культуры ученый, это превратиться в технократа, торгующего научным знанием и не только не приносящего обществу пользы, но зачастую приносящего ему прямой вред.

В связи с публикацией этой серии книг, мы думали, прежде всего, о нашей молодежи, но это не значит, что другие классы общества такие, как врачи, инженеры, коммерсанты и вообще все желающие не могут получить от них много полезного. Помимо этого, данная книжная серия нацелена не только на иранскую читательскую аудиторию, но и на наших соотечественников, живущих за рубежом, на них и их детей, с тем, чтобы они могли с помощью этих книг сохранить связь со своей родиной. Конечно, имеются и другие книги, однако мы полагаем, что выдержанная в одном ключе и несложная по стилю серия легче сможет помочь достижению этой цели. При большом количестве аудио и видеoinформации, включая ту, что поступает через телевидение и Интернет, книга остается важнейшим и благороднейшим средством связи с миром познания, и никакие СМИ не могут приуменьшить ее авторитет и пользу.

шахривар 1378 г.
(август-сентябрь 2000 г.)

Сойдутся ли когда-нибудь Восток и Запад?⁵²

*Всякая росинка на этом пути – сто огненных морей.
Увы, что эта загадка не имеет объяснения и разъяснения.*

Хафиз

Полный самых разных событий двадцатый век подошел к концу, и двадцать первый век идет вперед со своими собственными надеждами и опасениями. Скорость связи на планете достигла своего апогея, а потому важнейшим вопросом, стоящим ныне перед человечеством, является следующий: «Сойдутся ли когда-нибудь Восток и Запад?» «Настанет ли день, когда это величайшее историческое разделение будет преодолено?»

Но где Восток и где Запад? В течение тысяч лет Азия считалась Востоком, той страной, откуда восходит солнце, а Европа – Западом, страной, где солнце заходит. Но со второй половины двадцатого века все больше стран стали подпадать под это понятие. Появились и совсем новые определения такие, как «отсталые страны», «развивающиеся страны», «страны Севера и Юга», «Третий мир» и т.п. И когда мы употребляем здесь слово Восток, мы имеем в виду некоторые специфические особенности, независимо от того, в каком уголке земного шара находится та или иная страна.

Азия и Европа, которые считаются образцом Востока и Запада, с самых давних времен были связаны между собой и находились в отношениях соперничества. Было хорошо известно, что Азия – это край сокровищ и золота, а потому алчный взгляд Европы, стремившейся к захвату этих сокровищ, издавна был устремлен на нее. В глазах же жителей Востока Запад был краем большего равенства и благоденствия, и этим объяснялась его притягательность. Большую часть истории человечества составляют набеги кочевников степи и пустыни, а также жителей северных стран на Запад и Юг.

⁵² Более полное изложение темы, кратко освещенной 2 бахмана 1378 года (22 января 2001 г.) в лекции, прочитанной в зале специализированной библиотеки Министерства иностранных дел Ирана.

Если заглянуть еще дальше вглубь веков, то Троянская война, о которой говорится в «Илиаде» Гомера, является первым серьезным столкновением Востока и Запада. В этой легендарной исторической битве Греция и Троя, находившиеся по ту и по эту сторону Средиземного моря, представляют Запад и Восток соответственно.

Удивительно, но дух этой битвы, случившейся за тринадцать веков до Рождества Христова, до сих пор правит миром. Война начинается греками с целью захвата богатств города Троя, продолжается с упорством и жестокостью и подходит к концу благодаря хитрости и коварству. Все это в той или иной степени встречается и в отношениях Запада и Востока в современном мире. Будем надеяться, что конец сегодняшнего мира не будет похож на конец мира древнего, ибо в той войне так и не оказалось победителя. Троя была разрушена, однако победители-греки не получили удовлетворение от победы и, не успев вернуться на родину, погибли в морской пучине.

Почему Древняя Греция? Почему Иран?

Во второй половине первого тысячелетия до нашей эры в мире произошло два весьма важных исторических события, которые в чем-то очень похожи, а в чем-то различаются. Первое – это появление Ахеменидского Ирана на западе Азии, ознаменовавшее создание первой мировой империи, а второе – появление древнегреческой цивилизации на востоке Европы.

Поход Ксеркса в Грецию в 480 году до н.э. был первой настоящей (а не мифической) и исторической войной между Европой и Азией. С того самого времени и до сих пор войны и столкновения между ними не прекращаются. Создается впечатление, что и в двадцать первом веке судьба всего мира снова окажется заложницей отношений между Западом и Востоком.

На Западе так никогда и не простили тот поход Ксеркса в Европу. Нашествие Александра Македонского происходило в форме отмщения Азии со стороны Европы. Чтобы дать выход своему гневу, Александр приказал предать огню дворец Тахте-Джамшид, который считал оплотом той старой агрессии.

Войны между Ираном и Римской империей тоже подпитывались этим воспоминанием, да и потом из всех восточных стран Западная Европа всегда уделяла первостепенное внимание Ирану. К счастью, историческая память о военной мощи Ирана стала одной из причин того, что Иран оказался единственной страной в этой части мира, которая не превратилась в прямой объект колониальной экспансии.

С тех давних времен в мире существуют две отчетливых цивилизационных и философских линии, составляющих основу восточного и западного мировоззрения. При всех изменениях, которые произошли в мире за эти две с половиной тысячи лет, основные исходные пункты обеих философских линий остались прежними. Приходят и уходят династии, но мировоззрение сохраняется. В результате нашествия Александра Македонского в 334 году до н.э. Ахеменидская империя прекращает существование. Но Греция также теряет свою независимость и попадает под власть Александра. Римская империя становится преемницей и наследницей древнегреческой цивилизации. Иран освобождается от господства Селевкидов, а через некоторое время и от господства парфян. С этого времени Римская империя и Иран делят на примерно равные сферы влияния весь известный на тот момент мир, и это положение сохраняется примерно девятьсот лет. При этом Восток остается Востоком, а Запад – Западом. Иран занимает положение ворот, ведущих в Азию, и является преградой между Востоком и Западом.

Две же философские линии, приобретая некоторые внешние изменения, продолжают существовать. В Римскую империю приходит христианство, и начинается новая эпоха в жизни Европы. Однако древнегреческое мировоззрение сидит в засаде, ожидая момента, когда оно сможет вернуться. И оно возвращается.

То, что западная цивилизация берет свое философское начало в Древней Греции, бесспорно. Общность мировоззренческого начала у западных народов очень велика. При всем различии, которое, например, можно при желании обнаружить в образе мышления славян и американцев, корни у них общие. Смешение с христианством также не поколебало этих основ.

Когда мы обращаем взоры к Востоку, ситуация оказывается несколько сложнее, потому что здесь общность мировоззрения ниже. Китайцы, иранцы и египтяне, например, стоят совсем не на одной и той же мировоззренческой линии. Конечно, между ними имеются и существенные общие черты, которые в целом и называются «восточными» или, во всяком случае, «не-западными». В своем анализе мы неизбежно должны опираться на эти относительно общие черты.

Полагаю, что поскольку линия раздела между мировоззрением Востока и Запада ведет свое начало с войны между Древним Ираном и Древней Грецией, проще всего будет сравнить между собой две этих цивилизации. Таким образом, мы можем получить некоторое представление о самых корнях.

Помимо этого Иран с самых древнейших времен занимал такое положение, которое позволяло ему накапливать некую смесь из совокупности восточных мировоззрений. Важнейшим здесь является географическое положение, которое давало Ирану возможность всегда быть в эпицентре важнейших исторических событий и на перекрестке главнейших путей, быть стражем ворот и в Европу, и в Азию, местом встречи древних цивилизаций – от китайской, индийской и древнеегипетской до семитской и арийской. Иран сосредоточил и выкристаллизовал в себе все эти течения.

Иран и Древняя Греция

Цивилизация Ахеменидского Ирана обладает двумя существенными особенностями: духовностью и деятельным характером.

В руках Ахура-Мазды, мудрого, невидимого и единого Бога, находится управление всем миром бытия. Верно и то, что существует также Ахриман, который стоит за всеми бедами и несчастьями, однако он не является силой, равновеликой Богу. А это означает, что, в конце концов, он будет побежден и исчезнет. Ахура-Мазда не является антропоморфным божеством, и, кроме мудрости, не обладает ни одним определенным признаком, потому что он выше всех признаков. Его мир – это мир света. Противником его является Ахриман,

управляющий тьмой. Это разделение обязывает людей своими добрыми поступками помогать Создателю, чтобы приблизить его победу. Цель заключается в том, чтобы жизнь человека была наполнена стремлением и старанием. Таким образом, между землей и Небом устанавливается своего рода сочувствие и солидарность, и человек, в качестве избранного существа, считается правой рукой единого Бога на земле.

Иран – страна единобожия. И в это же время ему противостоит Греция, в которой царит многобожие.

Древние греки представляли себе своих богов как небесных людей, наделенных человеческими чертами, потребностью в пище и сне, страстями и желаниями. Единственным отличием их от людей является то, что люди – смертны, а боги – бессмертны. Эти боги обитают на горе Олимп, и каждый из них управляет одной из сторон человеческой жизни. Во главе всех богов стоял Зевс, считавшийся царем Небес. Он находился в таком же отношении к своим подданным, как любой земной монарх – к своим. Он объявляет войну и заключает мир, наказывает и награждает. Это такой тип мировоззрения, который ни в одном аспекте жизни не может оторваться от материального и телесного. В основе всего лежит материальное и осязаемое, а дух и духовность в любом случае привязаны к телу. В этом заключается основа древнегреческой цивилизации, отсюда берет свое начало все западное мировоззрение, вся западная цивилизация. Аполлон, который считался в то время богом искусств, в наше время отправляет в небо космический корабль. Имеется в виду, что то же самое материалистическое представление много веков спустя привело к строительству и запуску космического корабля. Во всех своих делах античный человек предполагает, что поведение богов будет аналогично его собственному и старается самостоятельно найти выход из своих затруднений, полагая, что тем самым сможет привлечь внимание богов. Древний грек пытается докопаться до истоков всех вещей, и таким путем приходит к философии. Восточный же человек во всем уповает на милость Неба, а потому не считает необходимым докапываться до физической сути вещей и использовать это знание для улучшения своей жизни. Иранец принимает

существующий миропорядок без вопросов «зачем?» и «почему?», и делает все, что может, и при этом надеется на конечное освобождение, которое наступит с поражением Ахримана.

Древний грек – человек сомневающийся и недоверчивый. Он считает себя игрушкой в руках богов. Поэтому он приходит к намерению обхитрить богов или с помощью подкупа (жертвоприношений и подношений) привлечь их расположение к себе. Путь к освобождению он ищет не на Небе, а в своей умственной деятельности, из которой рождаются философия, логика и даже софистика.

Само наличие нескольких богов, каждый из которых имеет собственные обязанности и специализацию, стало для людей образцом организации дел на основе разделения задач, дискуссии, голосования и субординации. Народное собрание Афин было похоже на совещания олимпийских богов, или наоборот, представление об организации совещаний олимпийских богов повлияло на организацию народных собраний в полисах. Функционирование современных западных государств зиждется на том же фундаменте. Каждый индивидуум и каждая общественная группа обладают правами, которые обязательно должны учитываться при управлении государством.

Конечно, в Древней Греции правом голоса обладали только свободные граждане, не рабы. И в современном мире, уже другим способом, более скрытым, сохраняется остаточное деление на свободных и несвободных людей.

Климат и география

Теперь поговорим о такой проблеме: насколько климат, географическое положение и природа влияют на формирование мировоззрения нации и национальный характер. Влияние это отрицать нельзя, однако анализировать его надо в соответствии с научными нормами. Мы же здесь излагаем лишь свою общую точку зрения, понимая, что подробный анализ должен быть гораздо более точным.

Первым является вопрос климата. Регулярная смена времен года и перепады температур, достигающие пятидесяти градусов по Цельсию, могут создавать в сознании людей колебания, подобные приливу и отливу. Возьмем Иран. Благоприятным сезоном в Иране всегда была весна, пробуждавшая в человеке поэтический дух. Оптимизм и пессимизм, чередующиеся в сознании иранцев, носят в себе влияние весны, предвещающей освобождение и цветение, но при этом грустящей о краткости жизни, ибо она проходит так быстро, и за ней обязательно следуют лето и осень.

Сухость климата и испепеляющий жар солнца мешают развитию склонности к точным наукам, а напротив, способствуют развитию воображения, облегчая его применение.

Сухость климата и редкость осадков заставляют людей постоянно обращать свой взор к небу. Иранцы должны были постоянно поднимать голову к небу и ждать.

Наряду с этим, небо, полное то ярких звезд и прозрачного лунного света, то безжалостного света солнца, постоянно ставило свет в центр существования. Неслучайно поэтому появилось поклонение солнцу и богу Митре. Все это способствовало обращению сознания людей к Небу и развитию мистического мышления иранцев.

Светлое, блистающее небо легче находит связь с землей и порождает в людях либо страх, либо надежду, тогда как темное, пасмурное небо безжалостно, ибо не дает знать, что происходит там, за тучами.

Бескрайние просторы степей и пустынь, столь типичные для Азии и совершенно неизвестные Европе, способствуют размышлениям об одиночестве и бесприютности человека, и побуждают к неторопливым раздумьям. В результате этого привязанность к Небу только усиливается.

Пророки, как и мистики, – воспитанники пустыни. Редко случается так, что пророк или мистик рождается в изобилующей зеленью стране. Беспредельный горизонт и бескрайняя пустыня внушают состояние связи с бесконечным. Дожди же и

обильные осадки, напротив, становились причиной того, что человек приковывал свой взор к земле.

Просторы степей и пустынь, так характерных для Востока, побуждают человека к выходу из земной оболочки. В целом же, холодный и умеренный воздух, усиливая плодотворные старания человека, способствует развитию цивилизации больше, чем обжигающий воздух пустыни. Чтобы принести свои плоды, старание должно сопрягаться с надеждой на везение и счастье.

Европейская среда в большей степени подготовлена к городской жизни и урбанизации. В то же время население Азии в прошлые эпохи было относительно небольшим по сравнению с размером территории. Создается впечатление, что весьма важным фактором является море. Морской характер страны развивает в ее народе склонность к авантюризму и предприимчивость. Море способствует текучести и подвижности, тогда как ровная земля – спокойствию и покорности. Предприимчивость и цивилизация распространялись по большей части через посредство моря. Море выступало в качестве естественной оборонной преграды и в то же время побуждало к открытию и освоению заморских земель. Именно морская сила Древней Греции помешала многочисленному и мощному персидскому войску победить. Европейский колониализм, ради покорения всего мира, начиная с пятнадцатого века, прибегнул к помощи сначала парусных судов, а затем пароходов. Огромную роль в расцвете западной цивилизации и для ее защиты сыграли Атлантический океан и Средиземное море, расположенные с двух сторон Европы. Морскому характеру своей цивилизации обязана своими успехами и Япония.

Французский поэт Бодлер напоминает о «диком величии и беспокойности» моря и полагает, что «свободный» человек подобен морю и всегда находится «в схватке с морем», и «его душа – морская бездна, и она не менее ужасна», чем

бездна⁵³. И Э. Хемингуэй в своей повести «Старик и море» говорит о таком же сражении человека и моря.

Морские страны имеют дело с текучей средой, а не с неподвижной землей, и потому приводят себя в соответствие с ее подвижностью. Если мы согласимся с тем, что географическое положение может определять ход истории, то страны, находящиеся в укрытии моря, в укрытии гор или где-то на краю мира, оказываются в более безопасном положении.

Иран и Древний Рим

Захватив Вавилон в 539 г. до н.э., Иран создает первую мировую империю, которая просуществовала, сменив три династии – Ахеменидскую, Парфянскую и Сасанидскую – более тысячи лет. Лишь нашествие Александра Македонского создало в этом непрерывном правлении брешь в несколько десятилетий. Редко бывало так, чтобы какой-то народ такое долгое время правил столь большой частью земли. Равновеликой Ирану была Римская империя в Европе.

⁵³ Имеется в виду стихотворение Шарля Бодлера «Человек и море» из цикла «Цветы зла»:

*Свободный человек, от века полюбил
Ты океан – двойник твоей души мятежной;
В разбеге вечном волн он, как и ты, безбрежный,
Всю бездну горьких дум чудесно отразил.
Ты рвешься ринуться туда, отваги полн,
Чтоб заключить простор холодных вод в объятья,
Развять скорбь души под гордый ропот волн,
Сливая с ревом вод бездумные проклятья.
Вы оба сумрачны, злоеце молчаливы.
Кто, человек, твои изведal глубины?
Кто скажет, океан, куда погребены
Твои несметные богатства, страж ревнивый?
И, бездны долгих лет сражаясь до конца,
Не зная жалости, пощады, угрызений,
Вы смерти жаждете, вы жаждете сражений,
Два брата страшные, два вечные борца! (пер. Эллиса)*

В Иране люди жили в полной гармонии с Небом, ибо их сознание было спокойно и уверено в том, что Создатель стоит на стороне Добра и хранит их, а они обязаны участвовать в борьбе с силами Зла. Римляне же находились под влиянием философии древних греков, и в их мировоззрении господствовали чувственное и телесное начала.

Каждый из двух народов имел собственные жизненные ориентиры и стремился к равновесию между своими материальными и духовными потребностями.

Очевидно, иранцы ощущали необходимость оставаться самой мощной силой на протяжении такого долгого, тысячелетнего периода. И кажется, что важнейшим стимулом для этого было географическое положение их страны. Находясь на перекрестке путей между Востоком и Западом, Севером и Югом, под постоянным давлением со всех четырех сторон иранцы понимали, что если они растеряют свой боевой дух, то будут уничтожены. Только народ, обладающий непоколебимой внутренней силой и твердым и ясным мировоззрением, смог бы такое долгое время сохранять свою идентичность и заставлять остальных с ним считаться.

Однако то же самое обстоятельство, а именно проживание иранцев в таком важном и опасном регионе, требовало от них ни на секунду не забывать об укреплении своей связи с Небесным миром, потому что внешняя угроза постоянно находилась всего в нескольких шагах от них. Тесная связь «религии и государства», которая в период правления Сасанидов приняла характер государственной политики, была необходима для того, чтобы противостоять угрозе внешней агрессии с помощью такого рода сплочения. До определенного момента, ознаменовавшегося общим упадком, эта политика была весьма действенной.

Можно сказать, что римляне жили в условиях, совершенно отличных от иранских. Географическое положение страны было более безопасным (по причине его морского характера), климат – более благоприятным, а площадь – более сжатой (ибо «все дороги ведут в Рим»). Поэтому приземленное, материалистическое мировоззрение более соответствовало их нраву и темпераменту.

Падение Рима и падение Сасанидов

Падение Римской империи, как и империи Сасанидов, относится к удивительным фактам истории. Напоминание об этих двух фактах может служить уроком и сегодня. Рим пал под ударами северных варваров в 476 году н.э. после того, как почти восемьсот лет держал в своих руках управление половиной мира. Почему это произошло? Да потому, что к этому времени Рим утратил свои нравственные основы. Поиск грубых наслаждений и удовольствий, подобных боям гладиаторов с дикими хищниками, рабовладельческая система и разложение правящего аппарата привели к тому, что власть в Риме перешла к народу, находившемуся на куда более низком цивилизационном уровне.

Смена религии, заключавшаяся в переходе от язычества к христианству, не менее удивительна. Это изменение коснулось народа, который в течение веков был самой грозной военной силой в мире. И осуществлено оно было небольшой общиной, вожди которой вышли из среды одного из самых угнетенных народов. Христиане подняли голову среди страшных цепей и сумели обратить в свою веру римлян, могущественнейшую державу мира.

Нечто подобное произошло и с империей Сасанидов, павшей под ударами армии, численность которой не превышала сорока тысяч человек. Конечно, она тоже состарилась, и правящая династия выпустила власть из рук, что нашло свое отражение в восстании Бахрама Чубины. Но основную причину следует искать в смешении «религии и государства». Мубады⁵⁴ заронили в народе зерно суеверия и предрассудков и держали его вдали от сокровищ жизни. Их вмешательство в дело управления страной ослабляло государственную власть. Ормузд, сын Ануширвана, хотел встать против духовенства, а те выставили против него Бахраму Чубину. Мубады нанесли Ирану тяжелейший удар. Другой причиной недовольства народа был сословно-классовый строй, и духовенство пыталось законсервировать его, придавая всему религиозную окраску.

⁵⁴ Мубад – зороастрийский священнослужитель.

После принятия ислама в Иране не осталось места прежней военной власти и прежнему политическому управлению. Границы открылись, и, поскольку страна не могла оставаться без всякой защиты, следовало найти замену старой власти, которая, даже не будучи в силах защитить ее земную, материальную совокупность, все же смогла бы защитить ее дух, который можно назвать «иранским началом». И эта ответственность легла на плечи культуры. Все силы иранцев, которые в прошлом были направлены на защиту территориальной целостности страны, теперь были брошены на защиту ее культуры. Появился новоперсидский язык (дари) и взвалил на свои плечи огромный груз словесного и мыслительного творчества. Прошло совсем немного времени, как была создана «Шахнаме», которая стала настоящим талисманом сохранности Ирана. Но с приходом тюрок – Газневидов и Сельджукидов – ситуация несколько ухудшилась, ибо теперь для сохранения иранской идентичности требовалась еще более мощная гарантия. Такой гарантией стало появление иранского исламского мистицизма. Широчайшее распространение мистицизм получил потому, что он снова отказался от поиска земных и коллективных путей решения проблем и обратил взор к Небу, призвав каждого человека прохождению своего личного пути очищения. Каждый человек должен спасать себя сам. Таким образом, мистицизм стал крепостной стеной, защищающей в иранцах иранское начало.

Разница между мистицизмом и маздаистским мировоззрением заключается в том, что в мистицизме условием всеобщего спасения является личное совершенствование каждого отдельного индивидуума, тогда как в маздаистском Иране религия поощряла коллективные усилия. Это поощрение в известной степени проясняет обязанности человека в отношении Неба. В то же время в иранском мистицизме до конца не ясно, что же именно нужно делать. Ситуация с принуждением и добровольным выбором остается неопределенной. Волен ли человек или неволен? Точно неизвестно. Поэтому следует либо освободиться от жизни и избрать путь странствующего дервиша, либо, если остаешься на сцене жизни, постоянно делать выбор. В некоторых случаях

выбор будет вынужденным, а в некоторых – свободным. Подобное положение в целом содержит вероятность того, что, делая выбор, человек будет учитывать, прежде всего, свои личные интересы, а не интересы общества, взаимопомощь и поддержку. Поэтому общество и пребывает в стагнирующем и раздробленном состоянии.

Нет сомнения, что подобный тип мышления оставляет закрытым путь любознательности и поиска. Индивидуум остается за стеной неизвестности, потому что из предыдущего опыта знает, что по ту ее сторону не найдет ничего. *«Ибо эту загадку никто не решил и не решит эту загадку!»*

Таким образом, слова «почему?» и «зачем?» оказываются ненужными, и мысль отнимает у себя право на поиск и исследование. Поэтому те из наших поэтов, кто пытался найти хоть какое-нибудь окошко, прибегали к намекам и иносказаниям. Они пытались пробить стену отклонения от истины, и постоянно обвиняли Небо, судьбу и звезды, потому что шли не по полю логики и познания, а по засохшему руслу мистики.

С началом распространения суфийской мысли иранцы стали еще большими индивидуалистами, чем раньше. Лишь лучшие из них стремились к самосовершенствованию. Дело дошло до того, что в своих крайних проявлениях суфийская мысль начала вообще отрицать науку и разум, потому что научное знание и разум связаны с мирской жизнью, а мирская жизнь сдвинулась в таком направлении, где не осталось места ее гармонии с нравственными принципами.

В те годы, когда путь деятельности оказался неровным и опасным, путь слова оставался открытым, и поэтому весь гений иранцев ушел в поэзию. Поэзия сделала воображение таким сильным, что научная мысль не нашла возможности воспарить.

Как произошло возрождение Европы?

То, что цивилизация проследовала на Запад с Востока, не оставляет сомнения. Это означает, что природные условия и обстоятельства на Востоке в большей степени благоприятствовали более раннему, чем на Западе, зарождению цивилизации. Например, и античная цивилизация Древней Греции, и Европейское Возрождение развились благодаря мощному влиянию Востока. Расцвет древнегреческой цивилизации, особенно Афин, между 480 – 380 годами до н.э. поистине удивителен. Как это произошло? Как в море единомыслия появился этот остров раздумий и сомнений? В действительности же, искра мысли пробила себе дорогу на Запад из Ионии, то есть из Восточного Средиземноморья, и это было связано с тем, что Иония находилась ближе к Азии и могла заимствовать идеи у цивилизаций Индии, Междуречья, Древнего Египта и Ирана. Смешение иранцев с населением районов Малой Азии началось со времен Куруша Великого.

Не следует также забывать об итогах войны между Ираном и Грецией. Потрясение войны и длительный контакт с иранцами создали беспрецедентные подвижки в различных областях греческой мысли и искусства. Греция почувствовала, что сможет стать источником выдающихся свершений, ведь она не только на равных воевала с такой огромной страной, как Иран, но и победила ее. Эта мысль четко прослеживается, например, в трагедии Эсхила «Персы».

Нечто подобное произошло и с Европейским Возрождением (Ренессансом). Точно так же череда войн дала толчок, и Европа прорубила окно на Восток.

После падения Римской империи начались Средние века, ставшие периодом замкнутости Европы. Эта часть света казалась изможденной, уставшей. Сила и ярость языческого Рима уступила место коленапоклоненному спокойствию. Но как бы долго ни тянулась эпоха молчания, ей тоже приходит конец. Движение начинается под предлогом Крестовых походов за освобождение Иерусалима, священного города христиан и оплота Иисуса Христа, из-под власти мусульман. Религия является сильнейшим стимулом для выхода из тупика,

является ли этот тупик экономическим или идейным. Все пытаются проявить инициативу: и феодалы, и священнослужители, и особенно сервы, крепостные крестьяне, которые хотели освободиться от своего невыносимого положения даже ценой смерти. С революционным энтузиазмом, так характерным для этой эпохи, они храбро, пешком пускаются в дальний путь. Это конец одиннадцатого века ⁵⁵.

Защита религии – отличное прикрытие для освобождения от бедности и утоления жажды грабежа. Поэтому когда, преодолев долгий путь, они достигли Иерусалима, то «стали повсюду хватать золото и серебро, лошадей и мулов, грабить полные богатства дома. Потом, лия слезы радости, все они радостно отправились в паломничество к усыпальнице своего пророка – спасителя, чтобы отдать ему свой долг» («Большая всемирная история» Карла Гринберга, т. 4, с. 237). Европа впервые после Троянской войны, похода Александра Македонского и римских побед удовлетворила свою жажду нашествия на Восток. Один из религиозных писателей сравнил Иерусалим с древней Троей и предрек ему такую же судьбу.

Следующий крестовый поход состоялся в 1212 году. В этом походе добровольцами-пилигримами стали дети, лозунгом которых было следующее высказывание Христа: «Отпустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне» ⁵⁶. Они хотели повиноваться этому призыву. Никто не мог остановить их порыв. Они стремились к морям, чтобы увидеть Бога. Поощряя их, Папа говорил: «Пусть поведение их детей заставит устыдиться нас, равнодушных взрослых!» Число маленьких пилигримов достигало тридцати тысяч. В этом походе большинство детей погибло, однако их религиозный порыв послужил воодушевляющим примером для взрослых.

Крестовые походы, продолжавшиеся около двух веков, принесли в Европу серьезные изменения. Они пробудили эту часть света от спячки, и, как это часто бывает с войнами, вызвали возбуждение в жизни и потрясение в сознании.

⁵⁵ Имеется в виду Крестовый поход бедноты 1096 г., в котором приняли участие десятки тысяч крестьян.

⁵⁶ Матфея 19:13-15.

Рыцари, возвращавшиеся домой в Европу после пяти лет в плену на Востоке, приносили с собой новые мысли. Смешение культур создало поиск идей. Путь с Востока на Запад стал открытым, пышным цветом расцвела торговля, особенно после того, как с появлением на сцене монголов путь через Средиземное море стал более безопасным. Экономический расцвет Европы, ярким примером и эпицентром которого был порт Венеция, создал предпосылки для культурного развития. Это смешение и движение заставило европейцев обратиться к истокам своей культуры, то есть к культуре античных Греции и Рима.

Блаженный Августин (354 – 430 гг.) был первым мыслителем, связавшим христианство с античной мыслью. Он придал новую жизнь философии неоплатонизма и снова открыл путь к идеям Платона и Аристотеля. Много веков спустя, в XI веке, возникла школа схоластики, которая пыталась объяснить религию с помощью философии. Представители этой школы не хотели принимать постулаты религии безоговорочно. Возвращение Древней Греции сделало свое дело. Для того чтобы религия сохранила свой авторитет, требовалось подкрепить его рациональными доказательствами. Цель заключалась в том, чтобы найти эти доказательства и показать, что все, о чем говорила религия, - верно, потому что не расходится с материалистическими и логическими принципами. Все стали задаваться вопросами: «Почему?» и «Отчего?», и пришли к такому выводу, что постулаты религии и философия составляют единый корпус человеческой мысли. Конечно, предполагалось, что все эти вопросы приведут к укреплению позиций религии, а не посеют сомнения в ней. Однако, в конце концов, если в каких-то моментах точка зрения религии не совпадала с точкой зрения разума, стало само собой разумеющимся принимать сторону разума. Одним из тех, кто оказал наибольшее влияние на приведение в соответствие религии и разума, был Фома Аквинский (1225 – 1274 гг.), который с помощью мистики указал религиозному мышлению путь к науке.

Общество, находящееся в состоянии перехода от одной культуры к другой, не может избежать духовного кризиса. В

тринадцатом веке Европа находилась именно в таком состоянии, когда одно мировоззрение уходит, а другое еще не появилось. Неудивительно поэтому, что долгое время ситуация характеризуется противоречивостью, неустойчивостью и проявлениями самых разных крайностей.

Пример Святого Франциска (1182 – 1226 гг.) имеет очень большое значение. Богатый молодой человек, не знавший в жизни никаких печалей и не имевший иных целей, кроме радостей жизни, внезапно осознает, что услышал призыв «Бога» и полностью меняет своей образ жизни. Он становится праведником, единственная цель которого – забота о людях. Он раздает все свое имущество бедным. Он, который в прошлом не мог переносить вида и запаха прокаженных, теперь, встретившись в дороге с прокаженным, тут же спешивается, подходит к прокаженному, обнимает его и целует. Он сменяет роскошную жизнь богача на путь нищего странника, одетого в лохмотья. Люди принимают его за сумасшедшего и на улицах забрасывают его камнями.

Перемена, произошедшая со Святым Франциском, напоминает о переменах, случавшихся с некоторыми мужчинами и женщинами в нашей стране, например, с Ибрахимом Адхамом, Бушером Хафи, Рабиэ Аддавийэ и другими, вплоть до Санаи, Аттара и Мавлави, с каждым по-своему, как это рассказывается в сохранившихся преданиях. Наблюдается большое сходство между поведением части христианских мучеников и некоторых иранских суфиев, которые мучили и истязали себя, носили на ногах цепи, морили себя постоянным постом и жили лишь подаянием. Из группы людей, сплотившихся вокруг Святого Франциска, возник францисканский орден, члены которого, как и доминиканцы, сделали целью жизни отказ от всего мирского. Эти перемены в мировоззрении происходили одновременно с развитием искусства. Искусство было предвестником духовных и идейных изменений. Так было в Древней Греции, и так же было в Европе в XIII веке.

Четырнадцатое столетие является началом Европейского Возрождения (Ренессанса) и совпадает со временем жизни Хафиза. Европа подобна поезду, который медленно выезжает из «тоннеля» на открытый воздух. Человек пытается взять в

руки собственную судьбу. До этого времени он искал свое Добро и Зло на Небе. С этого времени он сам несет ответственность за себя. Античные идеи, обращенные к миру мировоззрение древних римлян, расплывчатая восточная философия (в которой индивидуум сам решает, что дозволено, а что запрещено) распространяют свое влияние в Европе. За сто лет до Ренессанса Данте написал «Божественную комедию», не лишенную следов восточного влияния (иранская «Ардавирафнаме»⁵⁷ и «Рисалат ал-гуфран» («Послание о прощении») Абу-л-Ала Ал-Маари). Затем появляется еще один поэт, Лоренцо де Медичи (1449 – 1492 г.г.), который тоже был одним из самых передовых людей. Он говорил:

*Как красива весна жизни,
Но годы юности стремительно пробегают.
Наслаждайся сегодняшним мигом,
Потому что где гарантия, что грядущее грядет?*

Разве это не напоминает рубайи Хайяма, появившиеся за четыреста лет до этого четверостишия?

Мы сказали, что искусство было предшественником науки. Такие поэты, как Данте (1265 – 1321 г.г.) и Петрарка (1304 – 1374 г.г.), изобразили момент перехода от старого мира к новому. Данте так мощно изобразил атмосферу Ада и грешников в Аду, что поэты пугали людей Адом, ссылаясь на его стихи, а сами лицемерно и жестоко брали на себя еще более тяжкие грехи.

В своих произведениях Петрарка воспевае силу и славу Древнего Рима и сожалеет о том, что ему не суждено было родиться в такое славное время. Он проводит параллель между христианством и римским политеизмом и высмеивает пороки своего века, еще хранящего многие предрассудки Средневековья.

Джованни Боккаччо (1313 – 1375 г.г.) является другим примером поэта двух культур. Поскольку некоторое время он

⁵⁷ Точнее, «Арта-вираф-намак» («Книга о праведном Вирафе») – сочинение на пехлеви (средне-персидском языке), содержащее сюжет о путешествии человека в загробный мир, о посещении Ада и Рая (прим. пер.)

провел в Неаполе, который был морским портом и местом контакта различных культур и цивилизаций, от его сочинений веет Востоком. Его знаменитая книга «Декамерон» содержит более или менее откровенные новеллы, которые порой напоминают стиль «Тысячи и одной ночи», а иногда, самым удивительным образом, даже некоторые из притч «Маснави» Мавлави. Возникает вопрос: а не приплыли ли эти идеи на парусниках, следовавших с Востока в Неаполь?

Прошло время, и восход новой эпохи принес радостную весть, именовавшуюся гуманизмом, то есть человечностью. Новое мировоззрение пробивалось, однако, нелегко. В то время как некоторые из Пап положительно относились к новым веяниям, другие выступили резко против. Всем известен рассказ о Савонароле (1452 – 1498 г.г.), суровом монахе-проповеднике, выступившем против «общественного разврата». Под «развратом» подразумевалось свободолобное поведение, примеры которого стали появляться все чаще. Часть жителей Флоренции встала на сторону этого человека, и они начали резко выступать против искусства, мысли и свободы. Но то, что уже происходило, остановить было невозможно. Почувствовав угрозу, все влиятельные лица и даже сам Папа Римский выступили против него единым фронтом. Религиозным судом Савонарола был приговорен к смертной казни, и 23 мая 1498 года приговор был приведен в исполнение.

Однако протест несчастного монаха, который был сожжен на костре, не был таким уж безосновательным. Его многословные проповеди, приобретшие огромную популярность в народе, были направлены против поведения правящей династии Борджиа и самого Его Святейшества Папы, которому по неводержанности не было равного среди всех священнослужителей. Папа Александр VI, по словам Карла Гринберга, «имел столько любовниц, сколько бусин в четках», а его дочь Лукреция, бывшая в то время возмутительницей всеобщего спокойствия, «делила ложе и с отцом, и с братом», и не останавливалась ни перед каким преступлением.

Как мы уже указывали, в переходные эпохи нередко изобилуют такими необычными противоречиями. И вдруг в этой хаотической атмосфере вседозволенности появляется

столь трезвомыслящий и умный человек, как Макиавелли (1469– 1527 г.г.), который, основываясь на националистических принципах, рекомендует в политике опираться не на мораль, а на конъюнктурную выгоду, и считает, что для нации безопасность важнее свободы. Такого рода политический стиль был по его имени назван макиавеллизмом. При более глубоком рассмотрении становится очевидным, что нынешний политический курс Европы берет свое начало от Макиавелли.

Среди всех мелких и крупных событий и явлений, относящихся к эпохе Возрождения, самым естественным и отрадным следует признать развитие культуры. Европа выходит из того мрачного и скорбного состояния, в котором она пребывала в средние века, славит красоту и осыпает себя цветами. Этот процесс начинается в Венеции, которая является воротами на Восток и переживает беспрецедентный расцвет торговли. Династия Медичи связала в единый узел искусство, политику и экономику. То же произошло и во Флоренции, а затем в Риме. Италия становится цветущим садом искусства, от поэзии до живописи и скульптуры. Большое распространение получает иконопись с изображением Девы Марии, в светлом облике которой художники ищут идеал красоты души и тела. Художниками создаются сотни полотен, изображающих Мадонну с младенцем и отражающих высшую эстетическую мечту человека - мечту об идеале женщины, не разделяющем душу и тело, красоту и чистоту, и проявляющемся в совершенном образе матери.

Можно найти некоторое сходство между этими иконами, которые, несмотря на телесный источник, вызывают духовное наслаждение, и мистическими персидскими газелями, и это показывает, до какой степени волнует сознание человека телесная красота. У каждого народа это проявляется по-своему – у кого в живописи, у кого в поэзии.

Боттичелли (1445 – 1510 г.г.) – один из лучших художников того времени. Его знаменитая картина «Паллада» («Паллада и Кентавр»), сюжет которой основан на древнем мифе о мудрости и законе, показывает его интерес к возвращению античной мудрости. Причиной того, что Ренессанс начался в Италии, возможно, является скрытая сила Древнего Рима,

взраставшая ярчайших полководцев, политиков, ораторов и архитекторов, и теперь заново проявившая себя. Это напоминает первые века после принятия ислама в Иране, где скрытая сила Сасанидской эпохи проявила себя в расцвете культуры.

Смешение религии с античным духом стало наилучшим путем к освобождению. Христианская религия лишилась теперь жестокости, столь характерной для нее в средние века, и проявилась в мистической форме, привлекавшей на помощь милосердие Евангелия. Идеи Платона и Плотина смешались с христианским учением; отовсюду извлекались идеи, соответствующие потребностям времени. Собор Святого Петра в Риме стал тем местом, где Небо и земля сходились лучше всего. Изображение крылатых ангелов на куполе собора, доказывало любовь человека к красоте, даже воплощенной в небесных созданиях. Это слияние духовного и телесного, христианского и античного нашло свое наивысшее воплощение в творчестве трех величайших художников той эпохи – Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело. Развитие науки в Европе следует в фарватере искусства, как это было и в Древней Греции, где философское мышление родилось из трагедий. Трагедия первой поставила вопрос о причине тех или иных деяний богов, и это стало истоком развития философской мысли.

Иран тоже мог бы, подобно Европе, встать на жизнеутверждающий путь, если бы смог воспользоваться большим историческим шансом. Этим шансом было развитие научной мысли, продолжавшееся до конца четвертого века (по хиджре), а затем, из-за прихода в Иран тюрок (Газневидов и Сельджукидов) и войн, которые происходили между ними и Багдадским халифатом, практически остановившееся. Иранский мистицизм, который мог бы сыграть положительную и освободительную роль, эволюционировал в суфийский мистицизм, провозгласивший уход от жизни и лишивший иранцев четких ориентиров, что создало духовные предпосылки для монгольского завоевания. После этого Иран утратил мыслительную активность, которую успешно сохранял до конца пятого века.

Потрясения, которые произошли в Европе в начале XIV века, были вызваны стремлением к сохранению религии, а не наоборот. Когда у мыслителей раннего Возрождения появилось ощущение, что религия начала ослабевать, они захотели придать ей новый жизненный импульс. Их беспокоило то, что если религиозные постулаты не смогут противостоять реальной жизни и действительности того времени, религия может оказаться в опасности. Они не знали, что лучше: подтянуть науку к религии, или религию к науке. В конце концов, они выбрали второй путь.

Аналогичным образом, если бы в Сасанидском Иране с вниманием отнеслись бы к предупреждениям манихейцев и маздакитов, ситуация в стране могла бы стать совершенно другой, подобно тому, как реформы эпохи Ануширвана, в некоторой степени прислушавшегося к этим предупреждениям, на несколько десятилетий отсрочили падение Сасанидов. Когда произошло столкновение между системой взглядов и человеческой природой, верх, в конце концов, одержала человеческая природа.

Средние века в Европе призывали закрыть глаза на мирские блага, а это противоречило природе общества. Ренессанс, напротив, выступил за пользование мирскими благами.

Литература сыграла важную роль. В средние века в Европе античная литература была предана забвению. Из забвения ее вытащили мусульмане и крестоносцы. Литература эта ушла на Восток, а потом вернулась оттуда назад. Возвратилась идеология, учившая любить, радоваться жизни, наслаждаться красотой. Одним из ее девизов было: «Брать приятнее, чем отдавать». Мысль освободилась от давления выхолащенных церковных постулатов.

В целом, следует иметь в виду три основных причины Возрождения в Европе:

1) протест против жестких, закостеневших взглядов прошлого, находившихся в противоречии с человеческой природой;

2) контакт со странами Востока и возвращение через его посредство к античному наследию (одной из причин этого стало переселение в Европу (под давление турок) некоторого

числа византийцев; они-то и познакомили европейцев с античной мыслью);

3) экономический расцвет, который последовал за Крестовыми походами и установлением безопасности в Средиземноморье, и сопровождавший его расцвет литературы и искусства.

Для правителей того времени литература и искусство были одним из важнейших пропагандистских средств, и они не скупились на их поддержку.

Все стали замечать прекрасное. Признаками этого было внимание к античным памятникам и обращение к книге. Возникли большие библиотеки, и переписывание старинных рукописей стало частью повседневной жизни монахов в монастырях и церквях. Распространилось мнение, что условием решения всех проблем является обращение к сокровищнице античной философии и литературы. И государство, и нация искали в этой сокровищнице ключ к обновлению жизни. Сила логики и культ красоты получили широкое распространение. Люди отвергли лохмотья и грязь Средневековья и стали стремиться к пользованию всеми благами жизни.

Возвращение к античной мысли соответствовало географическому положению и климату Европы. Десять веков спустя после падения Римской империи Европа снова встала на ноги. Несколько стран, а именно Италия, Франция, Испания, Англия, Германия и Скандинавия, поделили между собой наследие римской мощи. Одновременно со свободным перемещением идей, множество оснащенных пушками кораблей устремились в дальние страны. Впервые качество победило количество, и мир стал двигаться к тому, что с помощью превосходящей технологии меньшинство получит контроль над большинством.

Европейский Ренессанс познакомил христианство с его античным – древнегреческим и древнеримским – прошлым и сумел найти в них нечто объединяющее. Секрет его успеха заключается в этом. Христианство, превратившееся в средние

века в довольно мрачную доктрину, теперь стало жизнерадостным источником для искусства. Всегда, когда возникало какое-нибудь препятствие на пути материального прогресса, религия скромно и благородно отходила в сторону. В конце концов, она превратилась в нечто вроде президента, не имеющего никакой реальной власти, но по-прежнему пользующегося уважением и почетом. Дух христианского учения ограничился часом коленопреклонения в церкви и вниманием органной музыки. В это время больше требовалась римская воинская отвага. Если бы это было не так, то как можно было бы совместить миролюбивые проповеди Христа с колониализмом и империализмом?

Христианство каноническое превратилось в христианство мистическое. Теперь каждый мог хранить веру в глубине души и при этом спокойно заниматься своими делами. Дело и прогресс стали считаться важнейшими целями жизни. Сложилось общепринятое мнение, что религия поддерживает этот принцип. Поэтому, когда начинается «век торжества способностей», когда талант и работоспособность оказываются на голову важнее других человеческих качеств. Это вовсе не подразумевает того, что другие качества, такие, как доброта, нравие, благочестие, порядочность, благородство и тому подобные, теперь не признаются, но говорит о том, что больше всего на этом рынке ценятся способности, и чем дальше, тем больше. Своего апогея этот подход достиг в Америке. Там ценность личности определяется ее эффективностью. Конечно, способности еще должны найти способ заявить о себе, проявить себя, а это требует от человека особого таланта – умения продемонстрировать свои способности.

В своей жизни современный человек стремится свести к минимуму долю случая и с помощью планирования и прогнозирования самому взять в руки свое будущее.

Прогресс и колониализм: близнецы-братья

Своим размахом европейский колониализм обязан морю. С изобретением компаса и огнестрельного оружия, а также построением судов, способных бороздить просторы океанов, перед теми из европейцев, кто был преисполнен авантюристического духа, открылись дальние морские пути, а мир начал становиться все меньше и меньше.

Слава восточных сокровищ всегда привлекала внимание Запада к Востоку. В начале пятнадцатого века португальские корабли двинулись к югу Африки в надежде добраться до Индии, и это можно считать первым шагом к созданию мировой колониальной системы. Вслед за португальцами в путь отправились испанцы, как в западном направлении, что, в конце концов, привело к открытию Америки, так и в сторону Африки и Дальнего Востока. Удивительно то, что эти экспедиции шли под религиозными предлогами и сопровождались желанием наставить язычников на истинный путь. Колониальные устремления прикрывались личиной христианства. Европа очнулась от сна и начала стремительно развиваться сразу во всех направлениях. Отвага мореплавателей сопровождается мыслительной деятельностью таких ученых, как Коперник (1473 – 1543 г.г.) и Галилей (1562 – 1642 г.г.), философов, как Эразм Роттердамский (1469 – 1536 г.г.), религиозных реформаторов, как Мартин Лютер (1483 – 1546 г.г.), и таких мучеников, как Джордано Бруно (1548 – 1600 г.г.), который, подобно иранцу Хусейну Мансуру Халладжу отдает жизнь во имя истины. Изобретение печатного станка Гутенбергом (1394 – 1468 г.г.) открывает новую страницу в общении людей друг с другом и с культурой прошлого. Наряду с открытием новых континентов это связывает между собой разные цивилизации и культуры.

Проявляется реакция на неспособность церкви управлять христианским миром. В течение двух веков – тринадцатого и четырнадцатого – церковь была в Европе осью, вокруг которой все вращалось. Но мало-помалу начинает чувствоваться, что церковь утратила роль направляющей силы, и связано это с разделением двух вещей: внешнего проявления религии и

истинной религии. Двуличие, разложение, корыстолюбие отцов церкви достигли невыносимых пределов. Голландский философ Эразм, обрушивший суровую критику на лицемерие церкви, пишет, что для открытия дверей рая «необходим ключ ума, а не ключ власти». Острые высказывания Эразма напоминают критические строки Хафиза, который за сто лет до него говорил по схожему поводу почти то же самое: *«Огонь ханжества и лицемерия сожжет гумно религии!»*

Эразм, считающийся одним из предшественников европейского гуманизма, хотел вернуть к жизни ценности Древнего Рима, а наряду с ними и основательно позабытое истинное евангельское учение.

Речь шла не об основных принципах религии, которые всеми принимались, а лишь о конкретной политике Римской церкви. Начинается Реформация, возглавленная Лютером и Кальвином (1509 – 1564 г.г.), в результате которой появляется протестантизм. Протестантизм призывал к приведению религии в соответствие с требованиями нового мира. Началось столкновение между старым и новым. И хотя католическая церковь первое время оказывала сильное сопротивление распространению протестантизма и объявляла отцов Реформации «лжепророками», в конце концов, она вынуждена была примириться с реальностью и начать реформы даже внутри себя.

Европа хотела расцвести, и у нее не было иного выхода, кроме как стряхнуть со своих ног все мешавшие этому путы, включая путы религии.

Начинается бурная и насыщенная событиями эпоха, напоминающая столетний период расцвета афинской цивилизации в Древней Греции. Сражения и битвы, столкновения противоречивых идей, близорукость и проницательность, авантюризм, человеколюбивые взгляды и бесчеловечные поступки, словом, весь ум и талант Европы, вся ее алчность и жадность были брошены на то, чтобы открыть новую главу в ее истории.

С одной стороны, раздались призывы к возврату к изначальным принципам религии, с другой стороны – к открытию и прогрессу. Познание Бога не должно было быть

препятствием для человеческой любознательности, которая хотела проникнуть во все места, куда еще не ступал человек. Открытия не могли совершаться лишь в кабинетах ученых. Ради них необходимо было отправиться по ту сторону океана. Торговля, практические исследования и теоретическая мысль развиваются параллельно. Начиная с четырнадцатого века, развитие научной мысли способствует расцвету торговли. Открытие неизведанных земель дает испанцам и португальцам золото, которое начинает течь в Европу. Развитие книгопечатания в корне меняет темпы распространения знания. Человечество становится более мобильным, чем когда-либо прежде. Фернандо Магеллан (1480 – 1521 г.г.) совершает первое кругосветное путешествие. Любознательность и отвага мореплавателей, отдавших жизнь ради новых открытий, доказали, что обитаемый мир представляет собой «вращающуюся картину». Галилей говорил, что вертится земля. Теперь стало понятно, что «вертится» в первую очередь воля человека.

Человеческая мысль должна придавать этому хаотическому вращению стройность и порядок. Поэтому необходимым условием расцвета становилось как можно большее раскрытие всех тайн природы. Француз Декарт (1596 – 1650 г.г.) утверждает, что жизнью управляют законы природы, и задача человека заключается в их познании. Наш Саади тоже говорил: «Облако и ветер, луна, солнце и небо – все это нужно...». Оба знали и говорили об одном, однако один мыслил мистически, а другой – научно, что и составляет основную разницу между восточным и западным способом мышления. Европейцы исключительную важность придавали опыту. Многократно повторяя одни и те же физические и химические опыты, они выявляли свойства явлений, которые можно описать той или иной научной формулой. В свою очередь, наука практическим образом проявляет себя в развитии промышленности. Такие писатели и поэты, как Шекспир (1564 -1616 г.г.), Сервантес (1547 – 1616 г.г.) и Лопе де Вега (1562 – 1635 г.г.) создали почву для полета мысли. Одновременно появляются такие ученые, как Декарт (1594 – 1650 г.г.) и Бекон (1561 – 1626 г.г.). Они создают своего рода гнездо, которое становится вполне земной отправной точкой для этого полета.

Наука должна идти бок о бок с практикой. Поскольку же изобретение порождается потребностью, а круг потребностей постоянно расширяется, то человеческая мысль устремляется в высокий полет и ищет новые возможности для удовлетворения этих потребностей. Жажда открытий и жажда познания не знает утоления.

Энциклопедия Дидро (1713 – 1784 г.г.) в тридцати пяти томах обобщает все знания того времени. Человек впервые начинает так широко использовать богатства, хранящиеся на суше и в море. Залежи полезных ископаемых открывают свои чудеса. Англия, являющаяся обладательницей крупных запасов каменного угля, опережает в индустриальном развитии все остальные европейские страны. Наряду с открытием земных благ, человек заново открывает себя. Эти несчастные существа, которые до сих пор робко ползали по земле и именовались людьми, вдруг изъявляют претензию на то, что сами станут хозяевами своей судьбы. Они хотят спустить Олимп на землю.

Ветер раздувает знамя капитализма. Увеличение богатства любыми способами становится главной целью. Краснокожие, чернокожие, самые разные «туземцы», словом, не европейцы, считаются людьми второго и третьего сорта. Сила порождается наукой и техникой. Власть ориентируется только на саму себя. Она не нуждается ни в каких логических аргументах или ссылках на закон.

Европейский восемнадцатый век обычно называют веком просвещения. Само это наименование показывает, что человек полагает, будто ключ к открытию всех тайн у него в руках, и теперь на его пути не осталось никаких препятствий. Однако эта истина не мешает тому, чтобы выражать совершенно противоречивые мысли о жизни. Монтескье хочет сделать мир послушным закону, в то время как Ларошфуко (1613 – 1680 г.г.), подобно Убайду Закани, подвергает все иронии и насмешке. Само разнообразие мысли считается признаком прогресса.

Требование творения в том, чтобы ничто не оставалось в неизменном виде. Человек просто обязан идти вперед и вперед, если даже это движение по кругу. Всемирная история – это история чередования созидания и разрушения. И можно

сказать, что если бы не было разрушения, то не было бы места и созиданию.

Два следующих века – девятнадцатый и двадцатый – были веками собирания плодов. Эти два столетия, не зная усталости, пользовались усилиями предшествующих столетий. Десятки изобретателей, ученых, мыслителей и писателей, тысячи исследователей и десятки миллионов рабочих рук создали тот новый мир, влияние которого распространилось сегодня в самые отдаленные уголки земного шара.

Такие люди, как Джеймс Уатт (1734 – 1819 г.г.), Пастер (1822 – 1890 г.г.), Эдисон (1847 – 1931 г.г.) подарили миру больше света и движения и продлили срок человеческой жизни. Такие люди, как Ньютон, Дарвин (1809 – 1882 г.г.) и Эйнштейн (1879 – 1955 г.г.) вскрыли корни и свойства вещей, а Маркс (1818 – 1883 г.г.) и Фрейд (1856 – 1939 г.г.) выдвинули новые теории, после которых человечество уже не могло успокоиться.

Нынешняя эпоха модернизации является результатом мысли и труда. В эту эпоху человек больше чем когда-либо доказал, что мыслитель является практиком, который за каждое свое усилие должен получать вознаграждение от природы. Все поиски до сих пор были направлены на то, чтобы получить ответ на вопрос: как надо жить? Равенство людей, права человека, равенство женщины и мужчины были вехами на этом пути. Однако достигнут ли искомый результат? Стала ли жизнь более ровной, более «нормальной»? Это вопрос, на который нельзя получить легкий ответ.

Однако является совершенно неоспоримым, что никогда прежде человечество не было таким деятельным и усердным, как в девятнадцатом и двадцатом веках, и никогда прежде смысл человеческой жизни не ограничивался этим деятельным усердием. И если, в конце концов, человечество потерпит поражение, это будет великой трагедией, подобной трагедии героев, которые, несмотря на все их величие, в конце концов, валятся с ног. Но разве сами по себе, независимо от того, увенчаются ли они победой или поражением, не достойны восхваления эти героические усилия?

Человечество вышло на дорогу, на которой нет остановок. Либо его корабль встанет на мель, либо оно будет продолжать свой путь. Проблема заключается в том, что современный человек является одновременно «и частью этого, и частью того», то есть его жизнь и поведение, с одной стороны, разительно отличается от жизни его предков, а с другой стороны, он хранит в себе все их черты и характерные особенности.

Этот человек словно сидит на тонкой кирпичной стене, разделяющей вчерашний и сегодняшний дни. Если Шекспир говорил: «Быть или не быть?», то современный человек говорит: «Сегодня, а не вчера». Несколько тысяч лет человек учился равновесию, способному удержать его на земле. Сегодня это равновесие нарушено. Постепенно проявляются признаки того, что человек научился делать хорошую обувь, но при этом некрепко стоит на ногах. Платой за удивительный прогресс науки стала утраченная человеком духовность.

Восстановление равновесия и новое обретение духовности, соответствующей сегодняшнему миру, является одной из самых сложных задач, стоящих перед двадцатым первым веком.

Веревка с длинным концом

Теперь, после всех этих предисловий, зададим себе вопрос: «Так могут ли все же когда-нибудь сойтись Восток и Запад?» Сто лет назад этот вопрос был бессмысленным, однако теперь, когда благодаря появлению новейших средств коммуникаций мир стал таким маленьким, мы поневоле должны спросить себя: до каких пор может продолжаться это разделение?

Разве повсеместное применение новейших технических достижений, совместное пользование скоростью и средствами связи, а также осознание общих потребностей не приводят к мысли о том, что все живущие на земном шаре мало-помалу приближаются к «полюсу общности»? Ведь теперь на Земле почти не осталось домов, в которых не было бы хоть какого-нибудь образца современной техники.

Другой вопрос заключается в следующем: нужно ли, чтобы все страны, пользующиеся новейшей техникой, производили также и технические идеи? Или же они могут не гнаться за современной наукой и техникой и оставаться в рамках своей собственной культуры?

Ответ на этот вопрос связан с другим вопросом: необходимо ли, чтобы все страны мира, в той или иной степени, пользующиеся современной техникой, принимали участие в ее создании, или же они могут оставаться лишь потребителями? Разделение, которое проводят обычно между Востоком и Западом, возвращает нас к этим вопросам.

Что касается первого вопроса, то следует сказать следующее. Нельзя долго пользоваться достижениями современной науки и не испытывать ее влияния на своем мировоззрении. Население растет. Растет число детей. Дети ходят в школу. Происходит рост потребностей каждой семьи. Автомобильный транспорт увеличивает скорость перемещения. Радио и телевидение приносят новости из всех уголков Земли. Визуальные образы далеких стран оказываются прямо перед глазами. И разве может после этого сегодняшний человек быть в точности таким, каким был человек прошлого?

По поводу того, что страна-потребитель и сама должна принимать участие в создании новой техники, нужно сказать, что само по себе развитие в стране современных технологий — это еще не выход, потому что у проблемы есть и другая, скрытая, сторона: негативные последствия индустриализации. И если страна не будет работать над решением этой стороны проблемы, ее ждет резкое нарушение равновесия.

В настоящее время все еще только начинается. Большая часть восточных стран либо экспортирует сырье и ничего, кроме сырья, либо довольствуется крайне малым. Однако это положение не может продолжаться долго. Совершенно очевидно, что новый мир движется к тому, чтобы каждый, беря что-либо у мира, что-либо отдавал взамен. И эта отдача неизбежно должна основываться на увеличении производства товаров или идей и новых технологий. Если же этого не произойдет, то произойдет катастрофа, ибо запасы полезных ископаемых рано или поздно подойдут к концу. Поэтому необходимо, чтобы произошло нечто вроде психологического

переворужения. Это является условием для изменения общего мировоззрения. Нельзя противостоять вызовам нового мира, сохраняя старое мышление. Конечно, отказ от древних обычаев и традиций нелегко и вызывает естественное сожаление, однако он неизбежен. Согласно известному высказыванию,

*Или не води дружбы с погонщиками слонов,
Или построй дом, годящийся для слона.*

Нация, которая, желает она того или нет, вступила в новый мир, вынуждена создавать для себя все то, что соответствует этому миру. В противном случае ей придется заплатить слишком высокую цену, а именно цену самых серьезных социально-экономических потрясений.

Но здесь существует коварная опасность, которую можно назвать *псевдомодернизацией*. Какое-то время псевдомодернизация может занимать место настоящей модернизации. Признаком псевдомодернизации является внедрение легких внешних форм, то есть строительство поверхностное, а не фундаментальное. Ряды кирпичей поднимаются выше и выше, из заводских труб уже идет дым, однако в людях не происходит изменений, необходимых для того, чтобы они стали эффективными работниками. Они сидят за партами, пишут в тетрадках, числятся учащимися школ, однако в целом их образование не приносит пользы нации. Обман псевдомодернизации – это опасность, которая может висеть над нацией многие годы.

Другая опасность – несоблюдение принципа гармонии. Прогресс должен идти гармонично, а это означает, что он должен охватывать все стороны жизни общества. Несбалансированность приводит к тому, что в одной области происходит улучшение, а в другой – ухудшение. Чаще всего, правящие режимы предпочитают осуществлять бросающиеся в глаза меры популистского характера, игнорируя необходимость кардинальных изменений. Люди, в свою очередь, стремятся к комфорту и удобствам, и охотно принимают легкие стороны новой цивилизации, закрывая глаза на важные сущностные моменты. Это воспитывает в людях дух потребления и превращает нацию в страну, которая не имеет никаких доходов и только несет расходы.

Перейдем к другой группе вопросов.

Первый вопрос. Возможно ли, чтобы Восток остался самим собой, то есть тем же Востоком, что и прежде, но при этом смог подтянуть свою экономику до уровня мировой экономики?

Навскидку ответ будет отрицательным. Потому что нельзя принять одну половину модернизации, а другую отвергнуть. Когда едете в город тростника, надо ехать верхом на тростнике. Это означает, что самым необходимым условием является изменение в мышлении людей. Восточное мышление (характерное для большинства восточных стран) – в основе своей мистическое, тогда как развитие нового мира неизбежно нуждается в следовании логическому мышлению. Быстрый рост населения и рост человеческих ожиданий ставит мир перед новыми вызовами, не отвечать на которые нельзя.

Второй вопрос. Сможет ли мир в будущем измениться так, что ни Запад не сохранится в том виде, каков он сейчас, ни Восток не останется тем, что он есть, а будет выработана некая третья культура, культура всего человечества?

Есть, по крайней мере, один пример – пример Японии, который доказывает, что вечными и непреложными не являются ни характерные восточные черты, ни характерные черты западные. Современный человек изобретателен и мобилен. Его цель – максимальное продление жизни. Если один путь перед ним закрывается, он открывает для себя другой. Но, с другой стороны, человек должен подчиняться природе. Из-за своей гордыни последние два века человек пренебрегал природой, однако теперь он постепенно начинает осознавать, что должен знать предел своего вмешательства в природу. Нам кажется, что и Западу, и Востоку следует опереться на то общее, что их объединяет, а именно на природу человека. Нельзя допускать, чтобы нарушалось равновесие между телесными и духовными потребностями. Если это произойдет, придется заплатить очень большую цену за исправление.

Следует понимать, до какой степени можно уповать на два важнейших принципа – принцип *необходимости* и принцип *противодействия*. Под противодействием мы понимаем следующее. Когда что-то не приносит ожидаемого результата, следует обратить внимание на нечто прямо противоположное, или, по крайней мере, попытаться произвести своего рода выравнивание. Исходя из этого принципа, Запад должен почувствовать и осознать, что чрезмерная опора на сугубо материальное ведет его в тупик. Западный мир превращается в подобие механизма, в котором не остается места для наслаждения жизнью. Однако Восток, в свою очередь, должен найти новый импульс развития в науке и технике. В противном случае, он просто умрет с голоду. Любой источник средств существования, за исключением человеческих рук и мозга, когда-нибудь да иссякнет.

И, наконец, последний вопрос: действительно ли так необходимо, чтобы пропасть между Востоком и Западом когда-нибудь исчезла, и они смогли бы «сойтись»?

Цель «схождения» Востока и Запада в том, чтобы на нынешней, как бы уменьшившейся в размерах, Земле происходило согласованное решение насущных проблем, стоящих перед всем человечеством в целом, и чтобы повсюду, где разногласия создают угрозу серьезного конфликта, они по возможности устранялись. Здесь вступает в силу принцип *необходимости*.

Прежде всего, следует различать, когда противоречия между Западом и Востоком вытекают из экономики, а когда из культуры. Кажется очевидным, что экономика играет в этих противоречиях основную роль, хотя проявляются они чаще как культурные.

Благодаря своей науке и технике, Запад завоевал мировое господство и довел уровень жизни людей до возможно высочайших пределов. И, конечно, он пытается любой ценой сохранить это достижение. До настоящего времени это превосходство обеспечивалось отставанием Востока, то есть источниками западного богатства, перекачивавшими его с

Востока в индустриальные страны, были восточное сырье и дешевая рабочая сила. И можно только представить себе, что произойдет, если когда-нибудь это равновесие, а, на самом деле, неравновесие, будет нарушено.

На место прямой эксплуатации пришла западная технология. Ее позиции еще очень устойчивы. Восток еще очень долгое время будет покупать ее за непомерную цену. К тому же на Востоке пока еще имеются существенные разногласия и фанатизм, которые несут угрозу войны и сохраняют потребность Востока в западных средствах вооружения. Поэтому Восток будет по-прежнему нуждаться в Западе, однако, при соблюдении двух нижеследующих условий:

1. Восток будет постепенно развивать собственную промышленность и тем самым уменьшать свою зависимость от западной технологии.

2. Политическое отрезвление повысит уровень сопротивления Востока западным ожиданиям.

К тому же, западная наука, промышленность и культура вольно или невольно влекут за собой и некоторое политическое отрезвление.

*Всякий, кто учился у меня искусству стрельбы,
Меня же и избрал своей мишенью
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

В последнее время индустриальные страны начали соединяться в новые союзы, среди которых Европейский союз, Организация экономического сотрудничества и развития, НАТО и другие организации. Эти организации объединяют все индустриальные страны мира в одно большое сообщество, в котором место конкуренции занимает стремление защитить общие интересы. Сейчас речь идет уже о том, чтобы включить в НАТО страны Восточной Европы и даже Россию! А противостоит этому сообществу западных стран восточный мир – перенаселенный, неразвитый и бедный.

После крушения социалистического лагеря и окончания холодной войны, оборонная стратегия Запада сменила направ-

ление, то есть превратилась в «тайную войну», противостояние богатых и бедных.

Представляется очевидным, что нынешнее столетие (или, учитывая тот факт, что мир изменяется со стремительной скоростью, часть нынешнего столетия) будет свидетелем обострения отношений между Востоком и Западом, и это, в зависимости от того, насколько сильным будет обострение, окажет очень существенное влияние на судьбу мира. Военные приготовления Запада говорят о его беспокойстве и неуверенности. Запад достаточно хорошо представляет себе, что уже теперь должен подстраховаться.

Те, кто радуются соперничеству между Америкой и Европой и говорят о нем, заставляют вспомнить рассказ о верблюде, который во сне видит хлопковое семя. Западный, индустриальный мир является гораздо более единым, чем кажется, потому что видит перед собой опасного общего противника – Азию и Африку. Сегодня это – потенциальный противник, но, возможно, уже завтра он станет настоящим. Проснувшийся Восток сильно отличается от спящего Востока столетней давности. Прошло то время, когда ради раздела богатств Востока европейцы бились друг с другом в двух мировых войнах. В наше время существует лишь узко локальное соперничество, так сказать, «мирное» соперничество, которое немедленно сменяется союзничеством, едва на горизонте появляется нога чужака.

Мир разделился на две большие группы «своих» и «чужих». Ничего подобного раньше в истории не было.

Возникает еще один вопрос: сможет ли когда-нибудь Восток догнать Запад с точки зрения науки и промышленности?

Пример Японии перед нами. Уже сейчас чернокожий является генеральным секретарем Организации Объединенных Наций ⁵⁸. Несколько лет назад генеральным секретарем был бирманец ⁵⁹. Тысячи первоклассных ученых, происходящих из самых разных стран Востока, принимают участие в развитии

науки в исследовательских центрах Америки, Канады и Европы.

Китай и Южная Корея демонстрируют потрясающую скорость развития. Если огромное население Востока получит доступ к технике, это будет похоже на наводнение. Конечно, Запад не может остановить этот естественный процесс, но до какого-то времени он будет пытаться его отсрочить.

Если Восток, или какая-то часть Востока достигнет стадии, на которой сможет самостоятельно удовлетворять свои нужды в промышленной продукции и будет использовать свои полезные ископаемые для себя, в мире произойдут колоссальные изменения. Западному миру будет не хватать «витамина процветания».

Отметим положительные и отрицательные стороны Востока в плане развития техники и промышленности.

Положительные стороны:

1. Некогда Азия была колыбелью цивилизации, и цивилизационное развитие Запада берет свое начало оттуда. Так почему теперь Восток не может вернуть себе былую силу?

2. Восток много веков отдыхал, и теперь, перед лицом вызовов нового мира, он свеж и бодр. А бодрость помогает появлению воли и энтузиазма.

3. Многие исторические источники восточного происхождения свидетельствуют о том, что народы Востока талантливы от природы. Если они могли проявлять свой талант раньше, то почему не могут теперь? Это доказывает, что способности человека не зависят от крови и расы.

4. Восток все еще обладает огромными запасами полезных ископаемых.

5. Потребительские требования населения стран Востока все еще существенно ниже аналогичных требований населения Запада. Если для населения стран Востока будут созданы соответствующие предпосылки, оно сможет проявить большое рвение.

6. Огромное население Востока, при всех издержках перенаселения, в то же время может способствовать развитию (при условии, что для него будут созданы рабочие места).

⁵⁸ Кофи Аннан (р. в 1938 г. в Гане), седьмой генеральный секретарь ООН (1997 – 2006).

⁵⁹ У Тан был Генеральным секретарем ООН в 1961 – 1971 гг.

Отрицательные стороны:

1. Климатические особенности региона не способствуют сбалансированному развитию.

2. Быстрый рост населения может создать огромную проблему.

3. Отсталость приводит к истощению запасов полезных ископаемых. Осталось мало возможностей для индустриализации.

4. Неготовность массового сознания к индустриализации заставляет Восток понапрасну растрчивать запасы полезных ископаемых и время.

5. Социальная незрелость общества становится причиной классового расслоения, отсутствия социальной справедливости и нестабильности.

6. Молодежь, составляющая важнейшую часть общества, пребывает в неустойчивом культурном поле и, разрываясь между традиционным и индустриальным обществом, не верит в себя и не может выбрать правильный путь.

7. Недостаток качественной пищи угрожает здоровью людей и ведет к физическому истощению.

8. Все эти причины, а также исторически сложившийся образ мышления, ведут к превалированию чувств над логическим мышлением.

9. В большинстве стран отсутствует необходимое взаимопонимание между правительством и народом.

Теперь приведем аргументы, касающиеся Запада.

Положительные стороны:

1. Запад движется вперед, опираясь на науку, что сводит возможность ошибки к минимуму. Высокоразвитая промышленность позволяет ему быть мощнейшей военной силой.

2. Запад обладает возможностями политического прогнозирования, техническим превосходством и опытом управления миром.

3. У него есть воля и способность сохранить внутреннее единство ради защиты собственных интересов.

4. Он обладает общей культурой, за которой стоят наука и индустрия.

5. Население Запада легко управляемо, а государственные институты соответствуют требованию времени.

6. Западные страны обладают прочной и стабильной политической системой, в которой сведена к минимуму возможность государственных переворотов и чрезвычайных ситуаций.

7. Для Запада характерна опора на чистую логику, а не на чувства.

8. У западных стран благоприятное географическое расположение и отличные климатические условия.

9. Они имеют выход к морям и океанам.

10. Для западных людей характерна мобильность, любознательность, здравомыслие, дисциплинированность, пунктуальность, ответственность в работе.

11. Западные люди умеют не забивать себе голову лишними мыслями.

12. В распоряжении Запада находятся колоссальные богатства.

Отрицательные стороны:

1. Чувствуются изношенность и усталость, вытекающие из длительности существования индустриальной цивилизации.

2. На Западе происходит демографическое старение населения, связанное с падением рождаемости.

3. На уровне отдельных стран заметен рост ожиданий, который в случае ослабления или кризиса экономики может вызвать социальные потрясения.

4. Происходит падение морального и нравственного уровня молодежи из-за ослабления духовной культуры. В числе последствий – наркомания, хиппование, общественное разложение.

5. По причине абсолютного преобладания материалистического мышления, господства машин и власти денег на Западе отсутствует равновесие между духовными и материальными потребностями людей.

6. Рост автоматизации производства ведет к увеличению безработицы.

7. Для Запада характерна полная вседозволенность (permissiveness). Степень свободы человека поднята до высочайшего мыслимого предела.

Все перечисленные обстоятельства в достаточной степени очевидны и не нуждаются в распространенных объяснениях.

Вернемся к вопросу: что же будет теперь? Что будет, если Восток и Запад так и не сойдутся? Учитывая то, каким маленьким стал теперь земной шар, нельзя больше надеяться на то, что его разделение останется без последствий. Сейчас происходят два параллельных процесса: на Западе стремительно развивается индустрия, а на Востоке так же стремительно растет население. Эта ситуация ведет к увеличению разделяющей Восток и Запад духовной и материальной пропасти. Поэтому либо между ними произойдет столкновение, которое повлечет за собой катастрофические последствия, либо мир погрузится в хаос всеобщего восстания.

Мир, который с физической точки зрения стал единым, не перенесет слишком большого числа противоречий. Уже сейчас налицо противоречия между качеством и количеством, разумом и чувством, меньшинством и большинством. Совокупное население стран Востока почти в 5 раз превосходит население индустриальных государств мира, но оно противостоит меньшинству, владеющему техникой. Вероятно, оно не сможет победить это меньшинство. Но оно сможет поднимать восстания и мятежи, сможет содействовать развитию различных противозаконных движений — криминально-мафиозных, экстремистских и террористических.

Некоторые полагают, что раз коммунизм потерпел поражение, опасности для классового общества больше не существует. И это в то время, когда все только начинается. Мятежники и бунтари, которые в прошлом находились под контролем программ и были скованы дисциплиной уставов, теперь оказались совершенно свободны. Марксистские взгляды сегодня могут скрываться под самыми разными именами и оболочками, и это гораздо опаснее, чем раньше, потому что теперь они освободились от дисциплинирующей узды «идеологии».

По поводу дальнейшего развития отношений между Востоком и Западом можно высказать три предположения.

Во-первых, между ними все же может начаться война (что весьма маловероятно, потому что ни одна из сторон этого не желает). Если такая война начнется, то исход ее предсказать нельзя. Взглянем на опыт трех последних войн. Первая — это война Франции и США с Вьетнамом, вторая — война Советской России с Афганистаном и третья — война в Чечне, которая еще продолжается и, скорее всего, закончится заключением своего рода перемирия. Опыт показывает, что невозможно все проблемы решать исключительно военными средствами. Трудно победить веру, считающую себя правой, разве что ее убеждение в собственной правоте пойдет на убыль.

Но разве можно вообще избежать войны? По мнению многих мыслителей, и среди них Фрейда, нельзя. Потому что причиной войны является столкновение противоречий, которое и вызывает движение. К сожалению, до сих пор история лишь подтверждала этот принцип. Но мы не можем сравнивать нынешнюю ситуацию с прошлым. Сегодняшний мир кардинально отличается от прошлого, а именно тем, что современное оружие может привести человечество на грань полного исчезновения. И это обстоятельство вынуждает задуматься. То есть речь идет о выборе: быть или не быть.

Второе предположение: положение в мире останется таким, как сейчас и будет осторожно продлеваться неопределенно долгое время.

В этом случае в мире будут нарастать неравенство и недовольство. Колоссальные суммы тратятся на вооружение, и каждый год новые виды оружия занимают место прежних, и таким образом, важная часть здоровья, сил и времени слабых наций растрачивается впустую. Кроме того, что будет, если жизнь станет такой тяжелой, что мир покажется более ужасным, чем война, то есть радость жизни и ее смысл обесценятся до последней степени? Будет ли тогда жизнь стоить того, чтобы ее прожить?

Третий вариант: в мире установится новый порядок. Теперь, когда по причине сокращения расстояний, человечество вынуждено придерживаться принципа мирного сосуществования (потому что в противоположном случае оно просто исчезнет), оно на практике приходит к той истине, что все люди Земли – братья, происходящие от одного корня, и искренно хочет сделать все, чтобы эта истина подтвердилась.

Речь идет не о том, чтобы все отказались от своих культур и стали носителями некой общей культуры. Речь идет о том, чтобы участники культурного взаимообмена, руководствующиеся общностью природы и изначальной сущности человека, сели вокруг общего стола. Это должны быть люди, которые смогут выработать пути к обеспечению мирного сосуществования наций.

И если шотландец считает бирманца человеком, обладающим равными с ним правами, и признает за ним право на эти права, то основная проблема решена. В этом нет ничего удивительного, ибо во всех культурах есть какая-то часть общего духа. Однако в своем эгоизме человечество может забыть об этом.

Какие различия существуют между Востоком и Западом?

Особенность рода человеческого в том, что среди людей нельзя встретить ни одного, кто был бы точной копией другого. И в то же время все люди похожи друг на друга. Совершенно очевидно, что это справедливо и в отношении западных и восточных людей.

Посмотрим, однако, какие же все-таки различия существуют между ними. Постараемся ответить на вопрос, сможет ли когда-нибудь общечеловеческое начало сократить лежащую между ними пропасть. Самое основное отличие заключается в способе мышления. Мышление западных людей основывается на логике и расчете и признает, что в принципе все жизненные проблемы поддаются решению. Мышление восточных людей является мистическим, то есть предполагает, что корень всего сущего находится в мире ином.

Из мышления первого типа вытекают любознательность, энтузиазм и упорство, которые привели Запад к великим открытиям в науке и достижениям в промышленном развитии. Мышление второго типа способствовало сохранению традиционного мировоззрения. Конечно, западная промышленность и западная общественная организация пробили себе путь и на Восток, однако, такого рода проникновения недостаточно. Необходимо, чтобы установилась гармония между пониманием необходимости индустриализации и созидательным настроем людей, который предполагает, что решение земных дел следует искать только на Земле, а от Неба не ждать больше того, что угодно Создателю.

Есть такая персидская поговорка: «От тебя – движение, а от Бога – благословение». Она подтверждает принцип, согласно которому, главное – это движение. В то же время на Востоке это движение ограничивается повседневной жизнью.

Разница между двумя типами мышления объясняет и разницу между восточным и западным пониманием жизни, как в плане отношения к жизни, так и в плане ожиданий от нее. Как можно судить по многим признакам, западное отношение к жизни стоит на позиции силы, оно связано с желанием, брать от жизни как можно больше и использовать ее возможности «на всю катушку». Эта сила черпается из средств, получаемых за счет умственной и физической работы. Восточному мышлению также не чужд этот принцип, однако оно склонно к более естественному течению жизни. Вопрос поэтому заключается в том, каким образом и сколь долго сможет Восток пребывать в таком двойственном положении, то есть в положении одновременно и своего, и чужого, когда он уже поставил перед собой цель индустриализации?

Разумеется, мы не хотим проводить знак равенства между всеми странами Востока. Между ними существует масса различий. Вместе с тем, у них есть ряд общих черт, характерных для большинства восточных стран.

Каковы же наиболее яркие отличия Востока от Запада?

1. *Разобщенность.* На Востоке все еще господствует дух индивидуализма. Связь между индивидуумом и обществом еще не вышла на уровень понимания того, что интерес каждого означает интерес всех.

2. *Деятельность людей ограничена повседневной жизнью.* Любознательность восточного человека не выходит за определенные пределы. А западный человек может всю жизнь пытаться раскрыть ту или иную тайну природы, даже если получаемый результат далек от искомого, или вообще никакого осязаемого результата нет.

Приведем примеры. Изучение жизни муравьев не имеет явной связи с жизнью человеческого общества, однако им активно занимаются. Или, например, какой-нибудь орнитолог идет с биноклем и камерой в лес и с опасностью для жизни проводит день за днем в дупле дерева только для того, чтобы снять фильм о какой-нибудь птичке. Его любознательность сродни любознательности ученого, который проектирует космические корабли для исследования далеких планет.

С западной точки зрения, всякое знание может когда-нибудь пригодиться, знание – это путь к решению всех проблем.

3. *Поэтические издержки и поэтическая суть.* На Западе поэзия и искусство по-прежнему занимают свою нишу. Концертные залы и музеи всегда заполнены, а великие поэты окружены уважением и почетом. И в то же время поэзия никак не вмешивается в обычную жизнь.

На Востоке поэтическая суть уступила место поэтическим издержкам, в качестве примеров которых можно назвать мечтательность, склонность к гиперболизации, расплывчатость вместо точности, бессодержательный обмен любезностями, выход литературного слова за пределы своей компетенции. В прошлые века не было ничего плохого в том, чтобы такого рода поэтические издержки смешивались с жизнью, но сейчас такое смешение непозволительно. Сейчас жизнь стала очень пунктуальной. Если поезд придет на станцию на несколько минут раньше положенного срока, то он рискует сойти с рельсов. И так приблизительно во всех сферах. Разве возможно организовать сложную многопрофильную жизнь в такой мастерской, где все основывается на поэтическом воображении? Ведь при поэтическом способе мышления граница между реальным и нереальным стирается. Другой поэтической издержкой является склонность к чрезмерности. Когда мышление ничем не ограничивается, оно не видит препятствий,

которые нужно устранить, и далеко выходит за естественные или обговоренные пределы.

4. *Двуличие.* Затхлая атмосфера и деспотизм, долгие столетия, сковывавшие страны Востока, стали причиной того, что в восточном человеке сильна разница между внешним и внутренним, что особенно негативно сказывается на социальных отношениях. Речи оказываются неискренними, а мысли, по соображениям осторожности, избирают крайне запутанный путь. Когда человек, у которого есть собственные взгляды и интересы, вынужден скрывать их за неискренними речами, ему трудно доверять. В деспотическом обществе выбор между безопасностью и искренностью делается чаще всего в пользу безопасности, да и мыслящие люди вынуждены выражаться намеками и аллегориями. Деспотия не ограничивается лишь тираническим характером власти. Есть и другая деспотия, охватывающая более широкие сферы. Такая деспотия делает мысль пугливой и ущербной.

Извлечение пользы из всеобщего невежества и фанатизма было важнейшим капиталом, приносившим удовольствие тираническим правительствам. Всегда легче иметь дело с горсткой ограниченных идей, чем с открытой и свободной мыслью. До тех пор, пока степень терпения людей не выходит за определенные пределы, самым безопасным поведением является подчинение власти, а подчинение власти есть сохранение существующего порядка вещей.

5. *Отсутствие свободы.* В новом понимании свобода означает обычно свободное волеизъявление народа, возможность избирать правительство и в необходимых случаях выражать недовольство деятельностью правительства с помощью методов, утвержденных законом. Это то, что касается отношений народа и правительства. Но можно представить себе и другой тип отсутствия свободы. Это существование некоего «стандарта», за пределами которого люди чувствуют небезопасность и испытывают страх. Кажется даже, что они прячутся от собственных глаз. Этот стандарт мало-помалу становится привычкой, естественным состоянием. Люди, в нем пребывающие, не готовы с легкостью от него отказаться.

Одной из причин отсталости является этот самый стандарт, потому что он удерживает человека от поисков того, что выходит за его пределы и уходит в сферу знания. Такое мировоззрение словно запирает страну на замок и удерживает ее в четырех стенах.

6. *Подобие вместо принципа.* В странах, которые обычно называют «развивающимися», нередко встречаются внешние заимствования из индустриального мира. При этом за ними не стоит никакого принципа, и их суть выхолощена. Например, заимствуется кофе без кофеина. Или заимствуются такие признаки западной цивилизации, как парламент, газета, университет. Однако они не приносят той пользы, которую должны приносить по своей сути. Это проблема подобия вместо принципа, которая, как и лицемерие, является застарелой болезнью, преследующей некоторые страны. И такие средства массовой информации, как радио, телевидение и газеты, способствуют ее проявлению. В такой атмосфере средства массовой информации становятся орудием пропаганды, инструментом, способным доносить до слушателя или читателя только то, что угодно правящей власти.

Это положение, то есть то подобие демократии, при котором людей буквально сгоняют к избирательным урнам, еще хуже, чем деспотия, потому что при нем народ своими руками может провести во власть худших из людей. В прошлом личность имела какое-то значение, но для псевдодемократии существует лишь купля-продажа.

Правительство хочет обрядить страну в одежды западной демократии, сохранив в неприкосновенности восточную деспотию. Поэтому, как только люди понимают, что власть не является выразителем их интересов, они отказываются делать то, что от них требуется.

Вольно или невольно, но положение сводится к взаимному обману: народ пытается обхитрить правительство, а правительство – народ. И если правительство не находит опору в народе, но желает удержаться у власти, то оно вынуждено пользоваться услугами людей, готовых ему служить, а эти люди, как правило, относятся к категории прислужников, а не тех, кто всем сердцем ратует за дело или обладает необходимой компетентностью.

Если мы хотим, чтобы люди мало-помалу начали узнавать о своих правах, то достичь этого можно только с помощью всестороннего образования, хотя, возможно, это и займет долгие и долгие годы. Опасность заключается в том, что если эпоха тирании и притеснения слишком затягивается, то на последней стадии это приводит к «взрыву», а «взрыв» имеет весьма разрушительные последствия. Принцип противодействия – хорошо проверенный историей принцип.

7. *Небезопасное общество.* В таком обществе усиливается дух индивидуализма. Как это было в прошлом, когда люди строили дом, а над ним на всякий случай возводили башню, надеясь, что в случае опасности она послужит им защитой («мой дом – моя крепость»). Безопасность бывает двоякой: безопасность тела и безопасность духа. В тех странах, которые часто подвергались угрозе внешнего нападения, или были раздираемы внутренними распрями и гражданскими войнами, чувство опасности было постоянным, и каждая семья сама отвечала за свою защиту. Но это было обеспечением безопасности тела. Однако существует и небезопасное состояние духа – небезопасная атмосфера для мысли. Это атмосфера общества, в котором не существует инстанции, которая занималась бы защитой прав человека. На справедливость влияет много факторов, и ее можно толковать по-разному. Но когда у вас нет ни социальной, ни судебной защиты, вы невольно думаете о том, как самим защитить себя. И вполне естественно, что в таких обстоятельствах начинает господствовать принцип: «Каждый думает только о себе». Чтобы не подвергать себя лишней опасности, люди становятся либо покорными и слабыми, готовыми подчиняться и приспосабливаться, либо, наоборот, дерзкими и непочтительными, и объясняют это так: «Не хочешь, чтобы тебе нахамили, хами сам». В обоих случаях страна сходит с естественного пути развития.

8. *Наука ради науки.* Совершенно очевидно, что лозунг «наука ради науки» похож на лозунг-мечту. Как правило, каждый, кто идет в науку, преследует вполне земные цели и имеет вполне определенный интерес. Либо это деньги и богатство, либо, как минимум, карьера, слава и авторитет.

Вместе с тем, нельзя сказать, что все дело только в этом. В человеке сидит какая-то заноза, он слышит какой-то тайный зов, который делает познание исключительно значимым для него. Помимо целей, которые, возможно, и достигаются путем приобретения знаний, существует некое внутреннее удовлетворение и неутолимая жажда открытий, с которой не сравнится никакое другое наслаждение. Возможно, у кого-то она не имеет возможности проявиться, однако, то, что она в принципе существует, отрицать нельзя. Причина этого в том, что только ей, этой неутолимой жажде открытий, человечество обязано тому прогрессу, которого оно к настоящему времени достигло. Никто из великих ученых, мыслителей и художников не достиг бы того, чего он достиг, если бы не откликнулся на этот внутренний зов. Но зов этот в разных обществах и в разные эпохи слышится по-разному. Нет ничего удивительного в том, что в современную эпоху, поработанную всеобщим культом материального, приобретение знаний преследует материальные цели и торговля «специальностями» идет весьма бойко. Прошло то время, когда Шахид Балхи говорил:

*Знание и богатство – это нарцисс и роза,
Которые не цветут в одном саду.*

*У кого есть знания, у того нет богатства,
У кого есть богатство, тот мало знает.
(подстрочный перевод – С.А.бдулло)*

Вместе с тем, все выдающиеся представители мира науки и мысли чувствовали, как саднит их души эта нематериальная заноза, и она сидит в них до сих пор. Джалал ад-Дин Мавлави говорил именно о них:

*Ты заарканил эту маснави,
И тянешь в сторону, которая ведома лишь тебе.
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

*Исследователи маснави – незримые долготерпцы,
Незримые для невежества, ибо нет у него зрения.*

А вот что говорил о том же самом Хафиз:

*Внутри меня, уставшего сердцем, не знаю, – кто.
Я-то молчу, а вот он рыдает и вопиет.*

На Востоке, лишь недавно познакомившемся с новой наукой, в дипломах об образовании принято было писать, что их обладатели будут пользоваться «законными привилегиями». Так Восток извлекает материальную пользу из этого знакомства. По сей день человек, располагающий документом об образовании, считает, что обладает некими особыми правами, а государство обязано предоставить ему должность в государственном учреждении, и получения этой должности достаточно для того, чтобы его связь с миром науки полностью прервалась.

При таком отношении совершенно очевидно, что никакого прогресса не происходит. Прогресс науки оказывается заложником сложных обстоятельств. Несомненно, науке нужна и материальная поддержка, но не менее важен исследовательский энтузиазм. Необходимым условием для этого является создание обществом соответствующих предпосылок.

9. *Солидарность народа с правительством.* То, что Запад смог поставить научно-исследовательскую работу на безостановочный поток, имеет политическую причину. Она заключается в том, что правительства западных стран сумели поставить отношения между народом и собой на такую ступень согласия и взаимопонимания, выше которой и представить себе невозможно.

Познакомимся с устройством стран, известных под названием «демократических». Всеобщее голосование, свобода слова, свобода собраний и демонстраций, всеобщее право на судебную защиту, гражданская безопасность... Это несколько основных столпов, исключающих какую-либо возможность народных волнений. Население западных стран уверено в том, что правительство делает все возможное, то есть оно может ошибаться, но не может делать что-то во вред нации. Поэтому расстояние между властью и нацией сокращено до минимума. Конечно, никакое правительство не является идеальным, и нет такой нации, которая была бы абсолютно довольна своим

правительством, однако все относительно, и до тех пор, пока власть не становится тиранической, ее следует считать приемлемой.

Однако на Востоке правительство считает необходимым делать только то, что выгодно для него самого, и что нравится ему самому, а все остальное считает ненужным. Это и приводит к войне. Конечно, если копнуть глубже, то станет очевидно, что за этой разобщенностью скрываются жажда обогащения, экономические причины и невежество. Для правительств восточных стран очень опасно вести войну на два фронта: одну – с индустриальным миром и другую – с собственным народом. Разве мы не видим тайные и явные столкновения, которые происходят между правительствами и народами этих стран?

10. Есть и другие признаки, отличающие восточные страны от западных. Один из них, хотя и довольно второстепенный, – это культ чистоты. Современное понятие чистоты отличается от прошлого. Светское представление о чистоте отличается и от шариатского. Оно не ограничивается тем, чем ограничивается шариат, потому что имеет непосредственную связь с санитарией и гигиеной.

Другим отличием является отношение к дисциплине труда и ответственности за свою работу. Западный человек решает свои дела с помощью аргументов, даже если за этими аргументами стоит принуждение. Восточный человек прочтет какой-нибудь поэтический бейт и считает, что дело сделано. Возможно, бейт этот и представляет собой мудрое и справедливое изречение, однако с точки зрения закона он дела не решает. Мир, поверяющий свое движение математикой, стал более хладнокровным, чем был тот мир, в котором можно было убедить противоположную сторону просто двусутишием, даже самым изящным.

Нынешний мир таков, что большая часть тех проблем, которые в прошлом решались с помощью чувств, теперь скована холодными рамками обязательств. И неизвестно, до каких пор нужно следовать этим обязательствам?

Ситуация такова, что на Востоке за западной цивилизацией теперь признается превосходство не только в

политике, но и в научной мысли. И оно будет осознанно или неосознанно признаваться до тех пор, пока на Востоке не появятся свои изобретатели и свои ученые, хотя это мнение и может вызвать возражения.

Когда говорят о независимости какой-то страны, это не означает лишь то, что эта страна является членом Организации Объединенных Наций и имеет право голоса, а то, что эта страна прилагает всесторонние усилия для того, чтобы «упрочить свою человечность».

*Всякий кто ест хлеб благодаря своему делу,
Не ждет милости от Хатама Тая*⁶⁰.

Страна, обладающая развитой промышленностью, приобретает право смотреть на страну, торгующую сырьевыми ресурсами, не так, как на страну, равную себе. Неуверенность в себе превратилась в большую проблему. Несмотря на некоторые политические противоречия между восточными странами, по сути, именно Запад находится в центре внимания Востока. Восток думает о том, что ему надо либо идти с Западом вперед, плечом к плечу, либо воевать с ним. Беря в руки автомат G3, боевик, считающий себя противником Запада, в глубине сознания не может не признавать, что этим оружием он обязан Западу. Все поднимающиеся на борт самолета понимают, что их жизнь находится в руках западной авиапромышленности, и бессознательно доверяют ей. В восточном человеке смешиваются три ощущения: принятие превосходства Запада, страх перед Западом и подозрительность по отношению к Западу. И эти ощущения могут измениться только тогда, когда он обретет уверенность в себе. Уверенность в себе наступит тогда, когда Восток сможет твердо встать на ноги. Для обретения уверенности совсем не обязательно, чтобы восточная страна стала полностью индустриальной. Достаточно уже того, чтобы она встала на исходную линию, с которой будут видны рубежи, которых ей нужно достичь.

⁶⁰ *Хатам Тай* – зд. щедрый человек (по имени араба из племени тай, прославившегося своей щедростью).

Что можно сделать сейчас?

Исторический опыт

В прошлые эпохи иноземное владычество, даже длительное, не могло выявить существенные отличия между Западом и Востоком. У нас есть несколько примеров: Александр Македонский совершил походы в Азию и Африку и намеревался соединить Запад с Востоком. После его ранней смерти его преемники оставались в восточных землях около трех столетий, однако после их ухода ни в Иране, ни в Египте не осталось и следа западной цивилизации. Восточная Римская империя правила в Малой Азии десять веков. В течение этого времени господствовали византийские обычаи и культура, а также греческий и латинский языки. Но когда в 1453 году Византийская империя уступила место туркам, от западной цивилизации снова не осталось и следа. Влияние же иранской цивилизации, которой никогда не приходилось завоевывать этот регион, было гораздо большим.

Арабы в 711 г. по христианскому летосчислению проникли в Испанию, и несколько веков на большей части этой страны существовало мусульманское государство, однако после его окончательного крушения в 1492 году Испания осталась такой же западной страной, какой и была. Конечно, наличие следов влияния той или иной культуры не следует принимать за смену цивилизации.

И, напротив, длительное колониальное господство западных стран над Востоком (например, господство Великобритании над Индией, Франции – над Африкой и Индокитаем, а Испании – над другими странами) не смогло принести в эти страны кардинальные изменения. Аналогичным образом, захват Восточной Европы (Греции, Болгарии и Венгрии) Османской Турцией не сделал народы этих стран восточными народами. А причина этого в том, что цивилизационные основы так легко не меняются.

Вместе с тем, для того, чтобы сохранить себя, Восток вынужден соблюдать определенные условия в соответствии с требованиями времени.

Перечислим эти условия:

1) Следует удерживать рождаемость на приемлемом уровне, не допускающем перенаселения.

2) Образование должно способствовать появлению настоящего компетентных людей, профессионалов.

3) Правительствам следует воздерживаться от расточительства и бесполезных трат.

4) Прогресс не может ограничиваться лишь развитием индустрии, но должен охватывать все области.

5) Необходимо достичь равновесия между абстрактным и логическим мышлением.

6) Следует отказаться от всего того в национальной культуре, что мешает прогрессу. Как в старину сбрасывали балласт с попавшего в шторм судна, для того, чтобы облегчить его.

Благодаря современным средствам связи, мир стал таким маленьким, что его нельзя больше делить на части света. Поэтому смешение культур, с одной стороны, и различия между ними, с другой, могут привести мир к серьезным потрясениям. Люди живут врозь, однако не могут не знать друг о друге. У человечества есть общая дорожная сума, в которой лежат все те духовные богатства, что накопились за тысячелетия. Сума эта открыта, и мысли перемещаются в пространстве так же, как облака. Все страны считают, что в пределах своих границ они – независимы, однако это границы несуществующие, то есть существующие лишь в человеческом сознании. Мир стремится к единению, правда, в реальности оказывается разделенным на две части. И это разделение является порождением объединения, потому что последнее создает у людей всей Земли общие ожидания, а эти ожидания во всеобщем масштабе не реализуются.

Телега времени слепо и стремительно продолжает свой путь, и кто-то следует за ней как молния, а кто-то – плетется пешком.

Достижения западной цивилизации, равно как и усилия, предпринимаемые ею для того, чтобы жизнь человека стала более легкой и свободной, неоспоримы. Однако, к сожалению, что-то приходит, а что-то уходит, и это нечто невыразимое, создавшее пропасть между человеком и духом жизни.

Жизнь стала чрезвычайно широкой, ее не спрячешь за пазухой. Западный человек смотрит вокруг себя, и то, что он раньше искал в себе, теперь ищет вовне, в творениях собственных рук. Человек прошлого полагал, что у жизни есть цель, и ему нравилось то, что он идет к цели. Теперь он вынужден прибегать к помощи технических приборов и инструментов, а они, при всем своем могуществе, все-таки не имеют души.

Мир достиг того рубежа, на котором ему нужно искать некую третью культуру, потому что стратегия развития, применявшаяся на Западе в девятнадцатом и двадцатом веках, выявила определенные недостатки, и теперь, несмотря на весь свой прогресс, Запад так же нуждается в переменах, как и Восток.

Последние сто лет многие умы мучил и продолжает мучить вопрос: является ли западная цивилизация последней цивилизацией в истории человечества? Вечна ли западная цивилизация, достигшая зенита технологического развития и опирающаяся на науку? Категорического ответа никто до сих пор дать не смог.

И сомнения в незыблемости западной цивилизации появились, прежде всего, на Западе, потому что именно для западного человека нет ничего незыблемого и установленного раз и навсегда. Английский историк Тойнби предсказал, что Соединенные Штаты ждет судьба Римской империи, которая рухнула, несмотря на то, что достигла вершины могущества. Это же имел в виду и Хафиз, когда говорил:

В конце концов, небытие суждено всякому совершенству.

Таким образом, вечность существования той или иной цивилизации противоречит законам природы и истории. Разве что она найдет в себе силы и сумеет полностью обновиться. Гораздо легче представить себе, что более долгий срок жизни уготован спокойной и сбалансированной цивилизации, нежели стремительной индустриальной цивилизации Запада.

Дело в том, что сама природа ставит человечеству определенный предел в развитии, за которым оно просто вынуждено искать другой путь. Уже сейчас имеется множество

предостережений со стороны окружающей среды. Другие сигналы посылает человеческая психика. Мы не знаем, до какой степени она способна адаптироваться к изменениям, выходящим за пределы ее природных возможностей.

До сих пор жизнь человечества упорядочивалась своего рода равновесием между материальным и духовным. Если теперь это равновесие будет нарушено в пользу материального, то психическое равновесие человека окажется под угрозой.

Однако сможет ли индустриальная цивилизация изменить направление своего нынешнего развития, даже если этого захочет? Это очень трудно и возможно разве только ценой колоссальных потрясений. Это напоминает рассказ «Шахнаме» о Кей-Кавусе, которому по наущению Иблиса ударило в голову желание летать. Для него соорудили специальный трон, который привязали к ногам четырех орлов, над головами которых подвесили баранью ногу, чтобы те, проголодавшись, потянулись бы к мясу и взлетели, подняв за собой трон. И вот Кавуса усаживают на этот трон, и орлы взмывают в небо, однако, вскоре они выбиваются из сил и падают на землю в отдаленной роще Амоль. Израненный Кавус не в силах даже подняться на ноги. Он оказывается в полном одиночестве и практически на грани смерти, однако Рустам и другие иранские военачальники узнают об этом и спешат к нему на помощь. Получив спасение, Кавус раскаивается в содеянном. Так вот, можно сказать, что и современному миру для того, чтобы устоять на ногах, необходим кто-то вроде Рустама.

С другой стороны, восточный, то есть, неиндустриальный мир тоже, в свою очередь, сталкивается с тяжелыми испытаниями.

Но может ли Восток, при таком колоссальном количестве населения, которое с каждым днем становится все больше и больше, притом, что ожидания и упования людей с каждым годом лишь возрастают, сам решить все свои проблемы? Может ли он привести свой образ мышления в соответствие с требованиями времени, если на его плечах груз столыких столетий? Ведь для того, чтобы интеллектуальная атмосфера стала творческой, следует достичь гармонии, чтобы не получилось так, что одна половина окажется отсталой, а другая – развитой.

Для наций, за спиной которых стоят древние цивилизации, есть лишь один путь: использовать то животворное ядро, которое скрыто в них, и которое позволило им дожить до сегодняшнего дня. Человеку присущи два начала - положительное и отрицательное. Первое ведет его к свету, нравственности, надежде и старанию, а другое – к праздности, суеверию и разрушению. Из двух этих начал следует выбрать первое, а второе – отринуть. Это возможно только в том случае, если станет целью всей нации и будет сопряжено с всесторонним благоустройством и настоящим, а не фиктивным образованием.

Следует надеяться на то, что человечество сообща будет решать проблему своего будущего. Всякая цивилизация обладает двумя сторонами – светлой и темной. В нашу эпоху, в которую благодаря чрезвычайному прогрессу науки и техники пульс жизни бьется с необыкновенной частотой, следует создать культуру, соответствующую этой частоте. А для этого необходимо взять у древних культур, хранящих многотысячелетний опыт человечества, лишь то, что способствует созиданию жизни, а все остальное оставить на складе истории, и тогда эта культура сможет слиться с научной культурой современного мира. Таким образом, появится третья культура, которая не будет ни чисто восточной, ни исключительно западной. Такая смесь рационального и мистического, логического и абстрактного сможет удовлетворить и телесные, и духовные потребности. Когда мы говорим о мистическом, то имеем в виду, что в нетронutom виде сохранится светлая атмосфера, включающая духовную сторону человека, его мечту о Всевышнем, духовное измерение жизни. Как нам представляется, для того чтобы насколько возможно продлить свое существование и сделать это существование полноценным, человечеству не остается иного пути, кроме создания третьей культуры. И в этом смысле, вероятно, и можно будет сказать, что Восток и Запад обязательно сойдутся.

При том подавляющем господстве, которое захватила сейчас в мире индустриальная цивилизация Запада, возникает вопрос: а что может дать древняя цивилизация цивилизации, которая все свои повседневные проблемы решает с помощью электронной техники и компьютеров?

Восток обладает мудростью, а Запад – философией. Мудрость уходит корнями в человеческий опыт, а философия, напротив, не отходит далеко от научной логики. Обе они возвращаются к общей судьбе человечества. Сближение двух полюсов необходимо для выработки общего языка и говорит о том, что и мудрость, и философия желают, по сути, одного и того же.

Если восточная мудрость и мистицизм с помощью спутников будут известны во всем мире, то с учетом готовности, которая созрела в западных людях по принципу противодействия, они могут способствовать установлению некоторого равновесия. Человечество готово свернуть с того пути, по которому шло до сих пор, и который оказался тупиковым. Люди Запада ищут выход из сложившегося тупика, и они любят жизнь. Поэтому они не откажутся принять то, что может помочь им на этом пути.

Перевод ряда великих произведений восточной мысли и литературы на главные мировые языки и их публикация большими тиражами также могут принести свою пользу. Западный человек должен понять, что не всегда он является правым, и не всегда истина на его стороне. Он должен обратиться к «мировому разуму», вклад в который должна внести каждая нация. Разве невозможно соединить мудрость Канта и Декарта с мудростью «Шахнаме»? Если между нациями будет начат диалог, будет хорошо, если каждая нация без чванства и фанатизма расскажет другим о своей цивилизации и своем мировоззрении. Но для этого необходимо одно условие: прежде чем представлять свою цивилизацию другим, восточная нация должна сама поверить в нее, познать ее, и, что особенно важно, не относиться к ней враждебно, недоброжелательно или несерьезно.

Прежде всего, следует решить эту задачу внутри собственной страны, критически проанализировав пройденный путь, безо всяких колебаний отделив ценное от никчемного. Ни одна цивилизация не стоит выше другой, за исключением той, что сможет доказать, что способна предложить человечеству наиболее верный путь спасения.

Другим условием является следующее: если какая-либо страна захочет чему-то научить другие страны, она должна быть уверена в том, что сама, сейчас, ведет себя цивилизованно и достойна того наследства, которое досталось ей от прошлого; потому что нужно сначала самой научиться применять его, а уж потом учить других. Как говорили в старину: «Лампа, которая годится для дома, не годится для мечети». Однако все эти приготовления окажутся бесполезными, если и во всем мире, и в каждой стране по отдельности не будет господствовать экономическая справедливость. Сейчас, когда у человечества за плечами имеется самый разнообразный опыт, включая марксистский, социалистический, капиталистический и диктаторский, и ни один из этих путей не оказался верным, следует найти некий общий путь, который сможет в определенной степени совместить три вещи: свободу, справедливость и могущество.

Последнее слово: мир или война?

Вся история человечества представляет собой историю войн. Неужели и в будущем сохранится та же картина? Единственно новым фактором, характерным для нынешнего момента, является убеждение в том, что новая мировая война угрожает концом света, исчезновением всего человечества. Но хватит ли страха перед исчезновением человеческой цивилизации для того, чтобы навсегда снять войну с повестки дня? Или же человеческая природа останется безразличной к смерти, и человек будет идти по тому же пути, что и прежде? Разве мы не знаем, что прямо сейчас в десятках стран происходят локальные вооруженные конфликты или внутренние беспорядки, напоминающие собой войны, и Организация Объединенных Наций не в силах с ними покончить. Мировая печать тоже этого не требует, потому что конфликты и беспорядки в одной части мира признаются причиной благополучия в другой. Если война не подкрадывается непосредственно к его границам, индустриальный мир относится к ней безразлично. В Афганистане более двадцати лет горит пожар войны, и все относится к этому хладнокровно и равнодушно.

А югославская проблема была решена в несколько недель - и только потому, что Югославия находится непосредственно в Европе.

Исходя из этого, мир будет сохранен, если мировое сообщество будет воспринимать локальные конфликты как конфликты, касающиеся всего мира, и будет пресекать их в зародыше. Это – необходимое условие нового порядка в мироустройстве.

С самого начала своего существования человек неосознанно связывал свою жизнь с силой, как бы она ни доставалась ему – войной или миром. Человек всегда стремился к силе, однако никогда так, как теперь, не был сознательно убежден в ее абсолютной ценности. В основе его веры лежало не столько самосовершенствование и познание Бога, сколько сила. Все, что могло казаться воплощением силы, он давал имя божества. Всякий элемент, сколько-нибудь влияющий на жизнь, признавался божеством, обладающим разумом и волей – таким же разумом и такой же волей, какой обладал сам человек. Многочисленные божества, присутствующие в разных религиях, всегда являются воплощением силы. Так, Зевс, древнегреческий бог богов, был правителем всего сущего потому, что мог управлять громом и молниями, дождем и солнцем. Иранский Зурван управлял двумя силами – силой Добра и силой Зла. Поклонение Солнцу началось тогда, когда люди признали в нем источник величайшей силы, без которой не будет ни света, ни тепла. Представителем Солнца на земле был огонь, который имел жизненно важное значение для человека. Без огня роду человеческому пришлось бы влачить жизнь, подобную жизни животных, или вообще исчезнуть с лица земли. Поэтому в маздаистской религии огонь стал священным, а в греческих мифах он является подарком Неба земле, подарком, с которого и началась человеческая цивилизация. И сегодня потомки того самого огня (например, нефть) двигают вперед индустриальную цивилизацию и служат топливом для кораблей, отправляющихся в космическое пространство.

Считается, что действие силы направлено в две противоположные стороны: в сторону добра и в сторону зла.

Поэтому сила и создает эти два элемента: Добро и Зло. Все положительное относится к первому, все отрицательное – ко второму. Все, что способствует продолжению рода человеческого и его процветанию, относится к Добру, а все, что противоречит этому, относится к Злу. Силой можно назвать все то, что тем или иным способом влияет на жизнь человека, а потому она принимает разные формы и имена: сила природы, физическая сила человека, сила разума, сопротивление, воля, сила красоты и сила притяжения.

Как только человек видит, что его жизненная опора упрочилась, он воображает, что сможет добиться большей силы. Упрочение жизненной опоры может происходить с помощью разных средств, наиболее распространенными из которых являются богатство, высокое положение, родственные связи, родоплеменная солидарность, свита, слава и всеобщее признание, короче говоря, все то, что может помочь человеку найти свое пристанище в этой жизни.

Если конкуренция, война и жестокие состязания привлекают человека, то это потому, что в них происходит либо столкновение двух сил, либо демонстрация силы. Примером таких состязаний являются гладиаторские бои, петушинные и ястребиные бои, древнегреческие олимпийские игры, и так далее, вплоть до вестернов, шпионских боевиков, блокбастеров и тому подобных фильмов. Во всех этих случаях происходит демонстрация столкновения двух или нескольких сил. Дискуссия и полемика являются мирным и дружелюбным вариантом того же самого противоборства. С демонстрацией силы связано и стремление к разным опасным приключениям, включая покорение горных вершин, экстремальные водные виды спорта и вообще все то, что ведет к открытию в человеке новых резервов силы или же испытывает ее.

Все это служит подтверждению, объяснению или признанию жизни. Продлению жизни или приданию ей большего качества. Поскольку продлить жизнь дальше определенного предела нельзя, старания направляются на расширение жизни, то есть на увеличение ее качества. Вся деятельность человека связана с пониманием ключевого значения силы. Наука и техника направлены на открытие или укрощение силы.

Литература и искусство тоже вносят свою лепту, потому что выражают собой рост, созидание. Объяснение грубой силы или силы Зла также полезно, потому что позволяет открыть пути сопротивления Злу.

Нам нравятся произведения искусства, потому что, созданные силой воображения, они высвобождают наши внутренние силы. Люди любят наслаждаться искусством, потому что оно способствует их внутреннему раскрепощению. Искусство придает мысли полет, наполняет ее паруса.

Молодость ценится больше всего, потому что ей свойственна большая сила. Старость плоха тем, что уже не может порождать силу. Однако порой к ней относятся с терпением и даже уважением, потому что она таит в себе опыт и знания, которые тоже могут быть использованы как сила.

Все суждения людей связаны с победой и поражением, обретением силы или утратой силы. Однако есть сила материальная, и есть сила духовная. Материальная сила – это энергия, спрятанная в материи. Духовная сила открывает путь использования этой энергии. Поэтому когда мы говорим, что хорошая мысль служит делу, это означает, что она служит выражению внутренних поисков, порождающих силу. Путь открытий ведет к признанию силы. Абсолютно духовные вещи, например, красота, опосредованным образом также порождают силу; в противном случае, они не были бы так интересны человеку. Красота человека отражает четкий внутренний ритм и прочность, а значит, здоровье и силу. Ритмичность приводит к гармонии, а та гарантирует устойчивость и жизненную выносливость. И, напротив, все преходящее и неустойчивое вызывает у человека неприязнь.

Жизнь вращается вокруг соединения или изменения сил. Смерть наступает в то время, когда благоприятное соединение сил прекращается. Все служители искусства во все века превозносили силу, потому что именно сила придает жизни смысл.

Правители и военачальники представляют собой высшую точку концентрации материальных сил. Духовные лица аккумулируют в себе духовные силы, надежду на светлое будущее и райское вознаграждение.

Вся усилия человека направлены на упорядочение сил, на то, чтобы заставить их действовать как нужно, или на то, чтобы извлечь из них максимальную пользу.

Отсутствие справедливости можно понимать как преобладание разрушительной стороны силы над благотворной ее стороной.

Человеку всегда хотелось вырваться из цепей материальных сил и обрести как можно больше духовных сил. Ему хотелось преодолеть свою ограниченность. Человек хотел стать владыкой сил, хотел получить доступ к высшей силе, которую можно назвать силой сил.

На протяжении истории человечества цивилизация является результатом столкновения двух сил – силы Добра и силы Зла. То, что выпадает в осадок от этого столкновения, и есть цивилизация. Поэтому когда мы говорим о цивилизации той или иной страны, мы оцениваем результат ее добрых и злых деяний. Под добрыми деяниями мы подразумеваем все животворное и созидательное, а под злыми деяниями – все смертоносное и разрушительное, ведущее к уничтожению.

Но хотя война и ведет к разрушению и уничтожению, ее можно оправдать в том случае, если она является оборонительной.

Войне же противостоит диалог. Большинство проблем, стоявших перед человечеством, были решены с помощью диалога, с помощью переговоров. Это происходило в тех случаях, когда обе стороны признавали такое решение спора взаимовыгодным. Возникает вопрос: а можно ли в будущем вообще избежать войны? Это возможно при том условии, что мирный способ решения проблем докажет, что способен быть таким же убедительным и мощным, как война. Если в двадцать первом веке человек придет к убеждению, что одна большая война приведет все человечество к исчезновению, а победителя в ней не будет, и что даже постоянное состояние «вооруженного мира» сделает жизнь невыносимой, то в этом случае вполне вероятно, что войны в мире прекратятся.

Для достижения этой цели (если только можно себе ее представить, ибо за нескольких десятков тысяч лет человек так привык к войне, что вряд ли сможет от нее отказаться) следует

привлечь все миролюбивые цивилизации, а хотя бы минимальной гарантией ее принятия сделать экономическое и социальное равновесие.

Сегодня, благодаря созданию новейших средств связи и увеличению скорости, ни одна нация не может ощущать себя в покое и безопасности, замкнувшись в своем национальном «доме», по крайней мере, до тех пор, пока покой и безопасность не будут установлены во всех других районах земли.

Необходимо получить эликсир, который придаст бы уверенности в том, что впереди есть только один путь, и этот путь – мир, а не война. Но в состоянии ли человеческий опыт, история, шедевры литературы, квинтэссенция «мирового разума» предоставить в распоряжение человечества этот волшебный эликсир?

ордибехшт 1379 г.
апрель - май 2001 г

Необходимость большой проверки

То, что иранский народ наслаждается сейчас новой атмосферой жизни и демонстрирует признаки духовного пробуждения, не подлежит сомнению. Уже сейчас население Ирана перевалило за шестьдесят пять миллионов, тогда как всего пятьдесят лет назад оно колебалось между пятнадцатью и двадцатью миллионами.

Урбанизация населения, преобладание в составе населения молодежи (сорок миллионов человек в возрасте до тридцати лет), двадцать миллионов учащихся школ, более двух миллионов студентов и великое множество университетов, а также колоссальная цифра потребления энергии, огромная цифра импорта продуктов питания (то, чего еще пятьдесят лет назад не было вообще), распространение мобильной и спутниковой связи, подключение страны к всемирной информационной сети через Интернет и радиостанции, которое привело к лавинообразному поступлению свежей информации, строительство аэропортов, которые непрерывно отправляют

пассажиров за границу и принимают прибывающих – это сегодняшний облик страны.

Этих нескольких пунктов достаточно для того, чтобы сказать: да, сегодняшний Иран – уже не прежний Иран. И в то же время он остается тем же, чем был всегда: драгоценным камнем Среднего Востока, связующим звеном между Востоком и Западом, нефтеносным центром мира, одной из тех стран, от которых зависит бесперебойная работа американских заводов и снабжение теплом жителей Швеции и Канады. Иран все тот же, и Иран уже не тот. Быстрые и поразительные перемены, произошедшие в этой стране за последние пятьдесят лет, нельзя скрыть ни от кого.

Но и духовное состояние народа не осталось без изменений. Вероятно, изменения в духовной сфере превзошли вещественные и материальные изменения. Люди стали нетерпеливыми, торопливыми, рассеянными, эгоистичными и амбициозными, и, в то же время, политизированными, циничными, пессимистичными, во всем сомневающимися, падкими на слухи и считающими себя экспертами во всем, что связано с внутренним миром. По утрам каждый взваливает на плечи груз своих проблем и отправляется в путь. Никому неизвестно, к какой цели движется он, что он отдает, что забирает, каков его личный вклад в капитал страны.

Деятельное население страны, если не включать стариков и детей, домохозяек и безработных, а также клерков, посредников и работников сервиса, не достигает и десяти миллионов человек. Это число должно обеспечивать средства к существованию для шестидесяти с лишним миллионов. Поэтому если говорить о продуктивном населении, то цифра весьма и весьма настораживающая. Это с материальной точки зрения.

Но с духовной точки зрения ситуация обстоит гораздо сложнее. Все является предельно неустойчивым. Мы имеем дело с постоянно колеблющейся почвой. При этом обнадеживающие признаки появляются наряду с весьма огорчительными.

С одной стороны, это:

1) Всеобщее стремление к получению образования, которое привело к тому, что более трети всего населения

страны является либо учащимися школ, либо студентами университетов. Такого никогда еще не было в истории Ирана, и такого нет в странах, типологически похожих на Иран. Независимо от того, чему именно обучаются эти учащиеся и студенты, само желание учиться говорит о понимании потребностей нашего времени и беспокойстве о будущем. Каждый хочет чему-нибудь выучиться или, по крайней мере, получить в руки какой-нибудь диплом, чтобы занять лучшее положение в обществе и выглядеть современным человеком. Родители говорят: «Пусть у нас ничего не вышло, главное, спасти ребенка», и не жалеют ни денег, ни времени, чтобы дать детям образование. Этот вопрос является наиболее насущным и важным для большинства семей. Страну захлестнула война учения и любознательности.

2) По утрам у газетных киосков и стендов можно видеть интересное зрелище, похожее на то, что творилось у хлебопекарен во время войны. Старые и молодые, мужчины и женщины толпятся у газетных стендов и ищущим взглядом вглядываются в заголовки газет в надежде на то, что за сказанным смогут прочесть что-то недосказанное.

Ни в каком предыдущем поколении иранская молодежь не была такой любознательной, жизнерадостной и в то же время обеспокоенной, как нынешняя.

3) Аналогичным образом и все иранское общество никогда не было в такой степени политизированным, как нынешнее. Политику обсуждают все, начиная от школьников младших классов и кончая студентами и преподавателями университетов, о политике говорят на улицах и базарах, о политике говорят в государственных органах и парламенте. А если о ней не говорят, то о ней думают. И в то же время создается впечатление, что независимо от современных течений, в глубине иранского духа, в самой глубине иранской души есть что-то такое, что оказывается потусторонним по отношению к политике. Это похоже на состояние человека, который после долгих странствий оказался на перепутье.

4) Участие народа в голосовании за последние два-три года достигло наивысшего процента за весь конституционный период. Впервые иранцы полностью убедились в ценности

голосования и его результатах. Теперь люди больше голосуют за взгляды и политическую линию, нежели за какую-то личность. Во время последних выборов в маджлис (иранский парламент – прим. пер.) большинство кандидатов были незнакомы избирателям, но люди шли голосовать за них. Это все равно, что поздороваться с незнакомым человеком на улице. Вопреки обычному принципу, люди стали чаще голосовать за незнакомых, чем за знакомых, и это многое значит.

Но, с другой стороны:

1) Количественное увеличение числа учащихся и студентов выдвигает вопрос: а что потом? Будет ли их научная подготовка соответствовать тем аттестатам и дипломам, которые они получают? Окажется ли их получение возможным для всех и каждого? В состоянии ли экономика страны обеспечить каждого обладателя диплома приличным рабочим местом? Способна ли культурная атмосфера страны поддержать в выпускниках желание послужить родине? Что будет, если ответ на все эти вопросы не будет положительным?

Стране будет нанесен непоправимый ущерб, если весь тот энтузиазм, что присущ сегодня молодежи, рассеется понапрасну и не окажется по-настоящему творческим. Если же усилится движение, нацеленное на строительство будущего, то сложенный вместе энтузиазм молодежи может стать огромной силой, способной встряхнуть страну.

2) Для того чтобы такая страна, как Иран, обладающая таким населением и занимающая такое географическое положение, смогла решить свои проблемы, она должна выработать для себя единую линию – для того, чтобы народ, и особенно молодежь, знали, куда идут. Тот путь, который будет избран страной, должен будет соответствовать потребностям иранцев, культуре, географии и истории Ирана, а также потребностям современного мира. Только пора перейти от слов к делу и составить всестороннюю научно обоснованную программу.

Возьмем, например, засуху, случившуюся в этом году. Это непрогнозируемое природное явление, которое вполне может повториться в будущем. Однако следует ли в случае засухи сидеть, сложа руки? Конечно, природу изменить нельзя,

но кое-что предпринять все-таки можно. Несколько лет назад на официальном уровне было сказано, что от 50 до 70% водных ресурсов Ирана растрачивается впустую.

Разве это правильно, что страна с таким малым количеством природных осадков, как Иран, не знает, как распорядиться собственными водными ресурсами? И дело не только в ограниченности бюджета. Важно, как именно расходуются деньги. В таком огромном мегаполисе, как Тегеран, над которым водная проблема висит, как тень, отбрасываемая грифом-стервятником, беспорядочный расход воды приводит к тому, что вода в каждом доме просто льется рекой.

Согласно прогнозам, нынешняя засуха вновь погонит большое число деревенских жителей в Тегеран. Трудно даже представить, что может случиться после этого с городом, который уже сейчас переживает состояние демографического взрыва.

3) Отсутствие равновесия в обществе является ярчайшим признаком экономического неравновесия. Несметные богатства, сказочные свадьбы и пиршества, миллионы роз, которые за одну ночь увядают, – и в то же время огромное количество нуждающихся. Мы слышим о людях, которые в поисках хлеба насущного роются в мусорных мешках. Безработные молодые люди торгуют на перекрестках жевательной резинкой и клейкой лентой. То, что страна обладает слаборазвитой экономикой, вполне естественно, однако противоестественно и опасно, если в обществе возникает такая огромная пропасть между богатыми и бедными.

Это та пропасть, что на виду, но есть еще и проблемы более незаметные. Они скрываются внутри людей, между женской и мужской половиной дома, по ту и по эту сторону забора. Никогда еще в иранском обществе не было такого раскола, как сейчас. Люди устраивают для себя тайные убежища, в которых могут чувствовать себя в безопасности. Но если человек не совершил никакого греха или преступления, для чего ему жить в тайном убежище? Много лет назад уже нам уже приходилось говорить о понятиях «свой» и «чужой». Какими критериями это определяется? Если какой-нибудь

ростовщик или спекулянт, равнодушный к доброму имени и судьбе своей страны, будет выглядеть так, как это принято сегодня, то неужели он будет считаться более уважаемым и ценным гражданином, чем тот, кто не оснащен этими внешними атрибутами, однако живет по законам человеческой чести? То есть, первый будет считаться «своим», а второй – «чужим»?

Всякая опора на внешние признаки является обманчивым успокоением. Это радость, которая длится недолго. Приведем другой пример: лично я с большим уважением отношусь к ношению женщинами покрывала и связываю с этим понятие красоты, однако при условии, что женщина сама согласится с тем, что обилие покровов в большей степени защищает ее достоинство. Необходимо сделать так, чтобы женщина сама согласилась с такой защитой. Не забудем о таких двух мощных принципах, как принцип противодействия и принцип чрезмерности. Всякое принуждение, противоречащее природным склонностям человека, вызывает обратное противодействие, а всякая чрезмерность – настороженное отношение к ней.

Приведем пример. Однажды мы были приглашены на свадьбу, праздновавшуюся за городом. Когда я вошел в гардероб, чтобы повесить на вешалку пальто, то мне на миг показалось, будто я перелетел на пляж Монако. Кругом были девушки и женщины, которые, освободившись от своих покрывал, готовились выйти к собравшимся. Прикрытого на их телах оставалось меньше, чем открытого для прикосновений воздуха.

Великий шейх Саади говорил:

Завидую я платью, льнущему к твоей груди.

Злюсь я на галие⁶¹, струящуюся по твоему телу.

А здесь, если кто и мог кому-то завидовать, то разве что воздуху.

Эти почтенные дамы всего несколько мгновений назад были с ног до головы закутаны в черные покрывала, и сразу

⁶¹ Галие – смесь мускуса и амбры для волос и бровей, ароматические вещества.

после окончания свадебного мероприятия возвратились в это же состояние. Но на несколько мгновений стена словно упала.

Разве эта скорость качания от экватора к полюсу не тревожна для здоровья и самочувствия общества? Можно, наверное, сказать, что в каждом обществе есть некоторые исключения, однако это, к сожалению, выходит за пределы круга исключений и проникает уже в другие сферы. Разве мало среди молодых людей таких, которые не являются ни поклонниками Ирана, ни поклонниками Запада, и равно невежественны как в вопросах религиозной морали, так и в вопросах морали светской. Они вообще не знают, что такое мораль. Что-то им внушено в школьной среде, что-то дома, а общество сделало их беспорядочными, беспутными, психически неустойчивыми. Разве можно с помощью наставления или насилия сохранить то, что нельзя сохранить?

Все свидетельствует о том, что молодые люди стремятся как можно скорее вырваться из объятий семьи и уехать. Тот, кто живет в деревне, хочет уехать в город, тот, кто живет в городе, хочет уехать в столицу, а тот, кто живет в столице, мечтает о загранице. Ими правит духовное непостоянство. Создается ощущение, что некоторые люди живут в своей стране как в арендованном доме. Они живут, словно под покрывалом.

Вера и убеждения, которые на протяжении всей истории Ирана вносили порядок в социальные отношения, теперь испытывают кризис. Рост мелкой преступности привел к переполнению тюрем. В правосудии царит полный хаос. При заключении браков последнее слово оказывается за золотом. В эпоху, когда больше чем когда-либо говорят о человеческой личности и равенстве мужчины и женщины, деньгам доверяют больше, чем людям. Конечно, в некотором смысле родители правы, полагая, что брак является чем-то вроде лотерейного билета: может, выиграешь, а может, и проиграешь. Раньше говорили: «Девушка отправляется в дом мужа в чадре, а выходит оттуда в саване». Но вместе с тем я не могу согласиться с тем, что иранцы – безнравственные люди. В душе иранцы благородны, и их благородство имеет глубокие корни. Проблемой иранцев является их противоречивость. Внутреннее смятение и противоречивость уже много веков характерны для

иранцев, однако теперь, в столкновении с новой цивилизацией, они достигли своего апогея.

Добродетельные качества сталкиваются в иранцах с дурными качествами. Всякий раз, как возникает угроза их жизненным интересам, они инстинктивно призывают на помощь свои дурные качества, потому что думают, что те способны преодолеть их затруднения. Но в более спокойной ситуации вполне могут проявиться и добродетельные качества иранцев. Все зависит от развития общества, а развитие подобно ветру, который может подуть в одну сторону, а может в другую, может подуть туда, где есть путь, и туда, где пути нет.

В иранцах хорошо заметна эта двойственность. Искренность и лживость, правильность и непутевость, сознательность и бессознательность реакций, терпеливость и непостоянство, гибкость и упрямство, взаимопомощь и эгоизм, жертвенность и равнодушие, воодушевление и апатия присутствуют в них, проявляясь либо одновременно, либо по очереди. И хорошие, и плохие черты присутствуют в иранцах одновременно. Они словно ждут, какие из них понадобятся раньше. Поскольку анализ ситуации должен предшествовать ее исправлению и любой мере, направленной на исправление, полагаю, что в начале нового века настало время провести точный анализ современной духовной и нравственной ситуации в нашем обществе. Мы не можем совсем избежать иностранного влияния или закрыть границы перед лицом «культурной агрессии». Единственный путь, который нам остается, так это познать и понять самих себя.

Вместо всех этих бесчисленных семинаров, недейственной пропаганды и бессмысленных трат, поглощающих огромные суммы из государственного бюджета, создадим лучше «организацию по изучению духовного состояния общества» или какую-нибудь другую аналогичную организацию, которая бы спокойно, взвешенно, без истерик, точно и беспристрастно, на основании статистических данных, социологических опросов и живой реальности изучила и исследовала моральное и духовно-нравственное состояние современных иранцев. Опираясь на это исследование, страна могла бы с открытыми глазами выбрать для себя более правильный путь. Главное, что этот путь есть.

Экономика и средства к существованию, конечно, важны. В некоторых программах они даже заняли место «священной коровы», а в сознании людей они играют огромную роль, отрицать которую невозможно. Ибо еще в старину говорили: «Голодный желудок не знает веры». Но не следует забывать, что экономика тоже создается руками человека, а человеку свойственно думать, и половина его мыслей выходит за пределы экономики. Экономическое поражение социалистического общества – самый наглядный пример.

Психологическое состояние, мировоззрение и культура людей, в особенности, молодежи, которой принадлежит будущее страны, настолько важны, что, не имея о них точного представления, нельзя предпринимать серьезные шаги в области экономики, безопасности, общественной системы, производительности труда, эффективности производства, конкуренции с зарубежными странами. Ведь все эти шаги будут отзываться на людях, а людей заставляют действовать идеи. Ситуация в мире настолько усложнилась, что теперь никак нельзя отправляться в путь, не владея нужной информацией и не подготовившись как следует.

*Что ж, ходжа, в келье отшельника снова меня увидишь.
Ибо связаны мы с ликом кравчего и краем чаши.*

фарвардин 1379
(март-апрель 2001)

Искренность и социальное воспитание

Если у нас спросят, что больше всего необходимо сегодняшнему Ирану, мы ответим: больше повышения цен на нефть, больше поощрения экспорта продукции иных отраслей, кроме нефтяной, даже больше строительства школ, Ирану необходимы искренность и социальное воспитание. Потому что отсутствие того и другого, подобно термитам, разъедает здоровое дерево общества, и, оставаясь внешне незаметным, наносит, в том числе, и неисчислимый экономический урон.

Если общество не бьет по этому поводу тревогу, то это только потому, что «информационная антенна» общества пришла в расстройство, и общество больше занимается второстепенными делами, нежели главными.

Новая эпоха требует, чтобы некоторые вопросы, которые в прошлом считались частью индивидуальной красоты и достоинства, были признаны обязательными для всех. Среди них социальное воспитание. Оно отличается от индивидуального воспитания, потому что помимо межличностных отношений и отношений в группе людей, охватывает отношения внутри всего общества. В прошлом у иранцев были *адаб* (вежливость, учтивость) и *а́дāб* (правила поведения, этикет), которые регламентировали жизнь общества. Но в столкновении с индустриальной цивилизацией они весьма и весьма поблекли. То, что должно занять их место, можно назвать всеобщим воспитанием, которое учило бы людей соблюдать порядок, уважать систему, права и обязанности других.

Растущая урбанизация лишь увеличивает необходимость формирования нового социального устройства. Судьбы людей связаны между собой. Если вполне уважаемый человек, совершающий добродетельные поступки и благотворительные дела и приносящий пожертвования, не имеет при этом социального воспитания, то он может нанести больший вред, чем человек, который ничего добродетельного не делает, но при этом знает, как жить в современном цивилизованном обществе. Такой человек отлично усвоил, что соблюдение некоторого количества норм оказывается в его же собственных интересах.

Границы некоторых видов деятельности определяются законом, и выход за пределы этих границ карается тем или иным наказанием (в случае, если закон работает четко). Однако вопрос этим не исчерпывается. Жизнь полна неписаных законов, пренебрежение которыми придает обществу уродливый и совершенно невыносимый облик. Мы с утра до вечера имеем дело с этими неписаными законами, однако они постоянно сталкиваются с удивительным самомнением людей, полагающих, что ими можно и нужно пренебречь. Потому что люди, не имеющие социального воспитания, думают только о том, как добиться своего. Для них не имеет значения, что будет при этом с другими людьми. Но возникает вопрос: как жить в большом городе и не замечать этого очевидного и жизненно важного принципа?

Например, если какой-нибудь чиновник не отвечает на вопросы клиентов, или какой-нибудь продавец неулыбчив и груб по отношению к покупателям, никакой закон не сможет заставить их поступать иначе, однако распространение этого явления сделает атмосферу жизни такой горькой, что отношения между людьми придут в полное расстройство.

Ярким и наглядным примером социальной невоспитанности являются водители автомобилей в больших городах. Каждый водитель словно считает, что взял весь город себе в аренду. Он совершенно не думает о том, какой огромный экономический урон, с точки зрения санитарии, морали, а также затрат нервов и времени, терпит общество от этого хаоса. Почему люди, которые не знакомы друг с другом и ничем друг другу не обязаны, ведут себя по отношению к другим так, словно они – злейшие враги? Удивительно, что один и тот же человек может казаться упрямым и неуступчивым конкурентом, если у него есть водительские права и он сидит за рулем, и оказывается вполне учтивым и обходительным человеком в любом другом месте и собрании. Как-то мне уже приходилось в шутку говорить о том, что иранец в принципе человек неплохой, если только не давать ему двух вещей – водительских прав и микрофона. По поводу первой вещи уже все ясно, что же касается микрофона, то, как только иранец подносит его ко рту, он не может сдержаться и

обязательно что-нибудь произнесет, и это будут либо чушь, либо лесть, либо брань (конечно, это касается не всех).

Но отставим шутки в сторону. Мы убеждены в том, что по сути своей иранцы благородны, однако при условии, что обстоятельства благоприятствуют проявлению их благородства. Иранцы лучше многих соседних народов, и в глубине души полны достоинства, благородства, великодушия и уступчивости, однако им очень не хватает социального воспитания, особенно в городах. Конечно, среди шестидесяти миллионов человек можно найти тех, кто лучше, и тех, кто хуже, и здесь мы говорим не обо всех. Социальное воспитание доступно каждому, и в обществе оно должно осуществляться согласованно.

Для этого необходима, как минимум, совокупность следующих четырех условий:

1) Общая ситуация должна стать такой, чтобы люди убедились в том, что социальное воспитание выгодно им самим.

2) Необходимо, чтобы люди были солидарны с правительством и не думали, что если правительство не справляется со своими обязанностями, оно должно само выходить из затруднительного положения.

3) В стране должен быть установлен такой экономический порядок, чтобы люди не были вынуждены ради заработка стучаться то в одну, то в другую дверь. Разве можно, например, ожидать от водителя такси, который по десять часов день водит машину по улицам большого города, что он будет отличаться спокойным нравом и добродушием?

Помимо всего прочего, люди не могут постоянно обращаться в суд, если какие-то их права нарушаются. Потому что во многих случаях они сами преступают закон, понимая при этом, что это пагубно. Однако они считают, что преступить закон не так страшно, как потерять время или нервы.

У этого есть еще одна негативная сторона. Когда люди по любому поводу нарушают закон, ими овладевает нечто вроде социальной беспечности, последствия которой могут быть очень тяжелыми, потому что она придает нарушителям закона смелости, и в результате все общество оказывается в состоянии анархии.

В заключение скажем о том, что социальное воспитание теснейшим образом связано с нравственностью, то есть тем образом жизни, на основании которого продолжает существовать общество. По всем признакам, моральный упадок достиг угрожающей степени. Никто никому не доверяет, тюрьмы переполнены, а число разводов и всевозможных случаев обмана и мошенничества просто ужасает. Неужели посреди всех этих бесчисленных семинаров и совещаний никому не пришло в голову, что нужно всесторонне, без прикрас и экивоков, обсудить нынешнее состояние общественной морали. Полагаю, что это, как говорится, «более необходимо, чем ночная трапеза». Какое будущее хотим мы оставить нашей молодежи.

Искренность

Недостатку социального воспитания всегда сопутствует двуличие. Как может быть, что один и тот же человек в одно и то же время одному улыбается до ушей и демонстрирует исключительную любезность и учтивость, а с другим при этом обращается совершенно по-хамски? Этот человек, очевидно, не доверяет ни первому, ни второму, однако считает, что первый занимает такое положение, которое требует относиться к нему подобострастно, а второй – нет. Каем-макам Фарахани⁶² говорил:

*Слаб и несчастен всякий, кто деспотичен и зол.
Деспотичен и зол всякий, кто слаб и несчастен.*

Еще раз повторим: иранцы по сути своей люди совсем не плохие. Это исторический путь и необходимость сделали их такими двуличными. Чтобы продолжать жить, они были вынуждены выражать покорность хозяину или правителю, своему или чужому, они были обязаны служить ему. Выражение покорности было платой за жизнь. Иранцам казалось, что они не смогут уцелеть и погибнут, если не будут натягивать на

⁶² Писатель и государственный деятель Каджарской эпохи мирза Абул-Касем Каем-макам Фарахани (1779 – 1836).

себя личину лицемерия. Уметь на ходу перекраситься – значит, уметь занять более выгодное для себя положение.

Известно, что иранцы обладают гибкостью, и именно с ее помощью они смогли сохранить себя как нацию с древнейших времен до сегодняшнего дня. Если гибкость проявляется по необходимости и уместна, порицать ее не стоит. Когда речь идет о серьезном решении, человек долго взвешивает все «за» и «против» и выбирает то, что позволит ему, пожертвовав второстепенным, спасти главное. Обратившись к нашей истории, увидим, как часто иранцы осознанно или неосознанно шли на ту или иную сделку. А все потому, что гибкость у них в натуре. Внутренний голос шептал им, что они должны платить эту цену за то, чтобы остаться иранцами. И они платили. А поскольку иранцы верили в свою культуру и были привязаны к ней, они надеялись на то, что рано или поздно смогут перестроить захватчиков под себя, под эталон своей культуры, и так, в общем-то, и происходило. Постоянные поражения в борьбе за свободу привели иранцев к такому выводу: «Если руку нельзя отсечь, ее надо поцеловать». Теперь им оставалось ждать, окажется ли эта рука дружеской, или будет ампутирована. Это и было гибкостью. Важно понять, какую пользу принесла иранцам эта гибкость, и какой вред. Для этого необходимо провести сложное, подробное исследование, опирающееся на анализ всего исторического пути. Однако остается еще один важный вопрос: если бы иранцы не проявляли такую гибкость, как бы они сейчас выглядели?

Но лицемерие – это нечто совсем иное. Оно вытекает из слабости, ищет корысти и жертвует личностью. В нашей стране лицемеры никогда не считались хорошими людьми и причинили стране неоценимый ущерб.

Ни один человеческий порок не был так распространен в иранской культуре, как лицемерие, и ни один другой не вызывал в ней столько сожаления и осуждения. Начиная с пятого века хиджры, то есть с Санаи, в персидской литературе не появлялось ни одного сколько-нибудь значительного произведения, в котором ни шла бы речь о лицемерии. Исторические факты тоже говорят об этом.

Почему это произошло? На то есть несколько причин:

1) Географическая причина. Иран находился на перекрестке мировых путей, и после прихода ислама, когда все двери оказались открытыми, и в Иран хлынули разные племена и народы, которые чаще всего вели себя как агрессоры и захватчики, иранцы были вынуждены укрываться от вероятной агрессии в убежище двуличия.

2) Историческая причина. Пропасть между народом и правящей властью. Те династии, что последние четырнадцать веков правили в Иране, были, по большей части, династиями чужеземного происхождения. И правили они так, как было принято у них. Это привело к тому, что между властью и народом не было согласия. Про себя люди думали одно, а внешне выражали совсем иное – то, что считали необходимым. Они должны были убеждать правителей в том, что довольны ими и согласны с ними, хотя на деле это было не так. На помощь им приходила скрытность. Скрытность – порождение небезопасной атмосферы в обществе.

3) Иранское общество. Оно было и остается классовым обществом. Конечно, и другие цивилизации тоже были такими, то есть каждый класс унижался вышестоящим классом и, в свою очередь, унижал нижестоящий класс. Поэтому лицемерие считалось средством, облегчающим унижение.

С другой стороны, для вышестоящих лиц лицемерие было выражением их главенства. Самым многочисленным, и в то же время самым обездоленным классом общества было простонародье. Правящим классам следовало присматривать за ним и держать его в узде. А поскольку они не могли дать простому народу ничего иного, они запугивали и привлекали людей показной святостью и ханжеством. Поэтому между ними выросла тайная и в то же время явная стена, которая была мощнее Великой Китайской стены. По ту сторону стены сильные мира сего могли творить все, что им вздумается, но, оказавшись по эту ее сторону, на глазах у народа, они вели себя совсем по-другому. Махмуд Газнави, провозгласивший себя борцом за веру и защитником ислама, втайне пил вино и практиковал мужеложество. Хафиз, в газелях которого отражена в сжатом виде вся история Ирана, говорил:

*Огонь ханжества и лицемерия спалит гумно веры.
Хафиз, набрось на себя шерстяное рубище и уходи!*

Нельзя сказать, что именно, но что-то скрывается за страхом, заставляющим людей считать, что лицемерие гарантирует им спокойную жизнь, и дающим негодьям и подлецам предлог для оправдания своего лицемерия, используемого ради карьеры и корысти. Лицемерный человек является одновременно и самим собой, и не собой, и как личность оказывается пустым и бессодержательным, а с социальной точки зрения способствует деформации общества. Ибо если число лицемеров растет, или они начинают доминировать на ключевых позициях, общество становится неустойчивой почвой, где и шагу нельзя ступить без того, чтобы не упасть.

Лицемерие и социальная невоспитанность – это два последствия того кризиса морали и нравственности, который последние пятьдесят лет (как минимум!) лишь усиливается. Преодоление их является необходимым условием для исправления всех сторон общественного устройства. Нужно выявить факторы, побуждающие людей к такому поведению. Разумеется, к числу таких факторов относятся отсутствие необходимых законов и слабое исполнение уже существующих законов. Другими причинами этого являются отсутствие твердой веры в основы и культурный хаос, в которой человек не знает, что для него выгодно и целесообразно, и поэтому в поисках выхода из затруднительного положения цепляется лишь за деньги, или как плющ обвивается вокруг какого-нибудь могучего и влиятельного «дерева». Прежде чем наше общество добьется порядка в экономике, оно должно добиться порядка в умах, который приведет и к необходимому политическому порядку.

Человек по своей природе и сути эгоистичен, однако если общество в целом не будет придерживаться ясного пути, любой человек может оказаться на распутье. Нельзя предоставлять его самому себе, ибо тогда им будут править инстинкты.

бахман 1378 г.
январь-февраль 2001 г.

Остаться или вернуться?

22-23 тира 1378 года (11-12 июля 2000 года) в Тегеране проходило собрание под названием «Конгресс иранцев».

Поскольку в нем принимали участие иранцы, проживающие за границей, была поднята тема «Остаться или вернуться?» Кто имеет право вернуться? Те, кто нашел за границей приют и сумел применить там свои знания и умения, или те, кого упрекают в том, что они бросили родину?

Хорошо бы несколько разделить проблему. Прежде всего, следует сказать, что стремление научных исследователей к переезду в развитые страны не является исключительно иранской особенностью или каким-то новым явлением. Этот отток начался еще в шахские времена. Помню, что в 1348 (1970) году были опубликованы статистические данные, касавшиеся выпускников ширазского Пехлевийского университета. Так вот, на обучение одного студента в течение одного учебного года тогда требовалось около 350 тысяч туманов (туманов того времени). И вот этот студент уезжает из Ирана и отдает этот капитал на службу другой стране. Конечно, после революции 22 бахмана этот отток только усилился. Такого рода эмиграцию называют «утечкой мозгов», и говорят о ней уже много-много лет. У этой эмиграции есть два побудительных мотива. Первый – поиск более свободной атмосферы и более благоприятных возможностей для работы, а второй – стремление оказаться в центре научного мира. Обычно такие люди считают себя особо одаренными в той или иной области и желают выйти на более широкую арену для самореализации. Можно с уверенностью сказать, что одним из столпов глобализации является наука. Наука не знает ни места, ни паузы. Ее дом везде, где она развивается. Она чувствует себя «на родине» там, где для нее созданы лучшие условия. В двадцатом веке было создано своего рода мировое научное сообщество, и с тех пор к нему примыкают все те, кто хочет, так сказать, найти больший спрос на свой товар. В этих постоянных скитаниях по свету сталкиваются две вещи: с одной стороны, любовь к родине, которая привязывает человека к среде, языку, культуре своей страны, а с другой –

научное рвение, любознательность и полет человеческой мысли, которые, как подсолнух, поворачивающийся лицом к солнцу, тянутся туда, где им светлее и теплее.

Другая проблема заключается в том, что наука должна развиваться в свободной среде, в среде, приемлющей науку или, по крайней мере, не чинящей ей препятствий. Дерево знания приносит плоды очень поздно, требует большого терпения, и в то же время нежного и тщательного ухода, и если вокруг него не создается научная атмосфера, оно чахнет. Литература и искусство несколько более выносливы и имеют, так сказать, большую возможность маневра, и в соответствии с принципом противодействия могут даже использовать закрытую атмосферу как стимул для себя. Что является признаком обращения лицом к науке? Восприятие науки всерьез, а не удовлетворение оттого, что в стране процветает псевдонаука.

Возможно, в стране есть и университеты, и разные научные и культурные общества, однако это все одно лишь название. Необходимо самое серьезное отношение к науке, нужна вера в науку – искренняя и преданная, ничем не скованная и не обусловленная, без показухи и одолжения.

Конечно, можно спорить о применении науки, но не о самой науке. Научное познание – часть человеческой сущности, драгоценное зерно человеческой природы. Человек стремится познать тайны природы, не уклоняясь от исполнения своего человеческого долга. Конечно, могут быть области, запретные и для науки, но это связано с ее применением. Здесь вступает в действие мораль. Такова, например, наука, помогающая разжиганию войны и усилению деградации общества. Такова наука, которая служит какому-нибудь преступному режиму. Почему иранский мистицизм критически относился к науке? Потому что он имел в виду науку, которая сознательно или бессознательно служила укреплению и оправданию порочных режимов.

У нас нет иного пути, кроме как повернуться лицом к науке. Повернуться лицом к науке не значит просто пользоваться ее достижениями, вроде автомобиля и компьютера, а участвовать в открытиях и исследованиях.

Когда мы говорим о свободе, мы не имеем в виду, что следует взять за образец западную свободу, ибо даже сам Запад не выдерживает испытания ею. Никакое восточное общество не готово ее принять. В современном мире существуют два вида свободы.

Первая – та, что утвердилась в странах Запада и присуща только им.

Вторая – исконная свобода человека, которая не ограничивается какой-то определенной цивилизацией, а является частью человеческой сущности и необходимым условием существования человека. Ее подавление делает человеческую личность скованной и ущербной, а в обществе нарастает социальная напряженность и увеличивается отсталость. Такого рода свобода развивается вместе с национальной культурой (настоящей культурой, а не культурными отбросами) и сопровождается интеллектуальным поиском, который ограничен лишь разумом и законом.

Вернемся к «Конгрессу иранцев».

На этом собрании выступили несколько ученых, приехавших из Америки и проживших в этой стране много лет. Они с искренностью и болью говорили об иранцах, живущих за границей. Среди огромного числа иранцев, ныне проживающих в эмиграции, возможно, есть небольшое число тех, кто не смог устроиться и приспособиться, однако подавляющее большинство эмигрантов ведут вполне достойную жизнь. Иранское меньшинство в западных странах зарекомендовало себя с хорошей стороны: иранцы работают, не создают головной боли властям, платят налоги, живут тихо и спокойно. Иранцы, проживающие в Америке, особенно проявили себя в нескольких областях: согласно озвученной на конгрессе статистике, в Америке работают шесть тысяч врачей-иранцев, и еще три тысячи иранцев обучаются медицине. Было сказано, что в этой стране мало есть таких университетов, в которых не было бы хотя бы одного иранского профессора или ученого-исследователя (а в США больше 3500 университетов). Они являются огромным научным капиталом, и при этом большинство из них тоскуют по родине и не мыслят себя в отрыве от нее. Выдержавший три тысячи лет «исторический

ген» делает свое дело. Кто-то знает о нем, кто-то – нет, однако он существует. Каждая пядь земли в нашей стране является «гробницей воспоминаний»:

*О, земля! Если рассечь твою грудь,
Сколько драгоценных камней /окажется/ в твоей груди!*

Но разве можно с легкостью отбросить в сторону все эти исторические события, все эти культурные достижения, все эти шедевры литературы, и спокойно жить в стране внешне благополучной, но имеющей за спиной лишь историческую пустыню? Ответ на этот вопрос таков: привязанность к загранице могут объяснить два очень весомых фактора: наука и свобода. Но есть и другая сторона проблемы. Свобода не означает лишь невмешательство одного человека в дела другого. Важна еще внутренняя свобода, то есть ощущение близости родной культуры и национального достояния, радость оттого, что живешь в родной стране и участвуешь в ее общей судьбе, где все напоминает о родной культуре, где внутреннее «историческое я» нашептывает человеку: «На этой земле я родился и на этой земле умру».

При всем том, что иранская мысль склонна к идеализму и мистицизму, последние несколько десятилетий доказали, что иранцы могут проявлять способности, как к чистой науке, так и к экспериментальным наукам. Подтверждением этого являются известные ученые и специалисты, проживающие как в самом Иране, так и за рубежом, а также молодые иранцы, блестяще выступающие на международных олимпиадах.

В истории была уже эпоха, когда иранцы делали попытку оказаться на острие современной им науки. Это было в третьем и четвертом веках хиджры. Ради того, чтобы достойным образом проявить себя перед арабами и тем самым сохранить свою независимость и иранскую идентичность, иранцы занимались самой разнообразной деятельностью, и в том числе наукой. Однако эпоха эта длилась недолго. Падение проиранских династий Саманидов, Саффаридов и Буидов и вторжение тюркских династий Газневидов и Сельджукидов на историческую арену страны, усилившие влияние Багдадского халифата и

арабского элемента, стали причиной их тайного инакомыслия и направили их мысль в сторону суфизма и поиска спасения в неземных сферах. Так была упущена очень большая возможность. Для того чтобы выжить, иранцы нашли приют в суфийских сочинениях. Эту эпоху можно назвать Золотым Средневековьем Ирана. Золотым, потому что мистицизм сумел создать на персидском языке несколько поэтических шедевров.

Другого пути не было. Не будь иранского мистицизма, неизвестно еще, смогли бы иранцы сохранить психическое равновесие посреди хаотического урагана событий. Хафиз обрисовал эту ситуацию одним бейтом:

*Удивительно! От самума, что налетел на розовый сад,
Цветы пахнут розой, /притом, что имеют/ цвет шиповника.*

Так можем ли мы теперь, пытаясь ответить на требования времени, оживить воспоминания этих двух веков – третьего и четвертого? «Рыба бывает только первой свежести». Устрашающая реальность призывает нас к трезвости. Посмотрите на огромную массу воды, скапливающуюся в водохранилище перед плотиной. Эта пенящаяся вода может служить благоустройству, а может разрушению. Мир движется вперед стремительно. Интернет и современные коммуникации сократили расстояния. Можно сказать, весь мир теперь открыт, в нем больше не существует перегородок. В результате у мира появляется общая судьба и общие проблемы, которые приглашают каждую нацию принять участие в их решении. И чем позже нация примет это приглашение, тем хуже для нее.

Хотим мы этого или нет, но в новом, только что наступившем веке главным судьей будет наука. Но не та наука, которая сама держит в руках свой штурвал. Потому что наука должна открывать новые пути, а не вести по ним. А роль ведущего должна взять на себя культура, которая отбирает и хранит самое благородное и ценное в опыте человечества. К счастью, мы, иранцы, заплатив огромную цену, получили культуру, в которой великое множество предостережений и указаний. Мы можем найти в ней ответ на все имеющиеся у нас вопросы, даже если речь идет о сегодняшнем беспокойном мире.

Одной лишь «Шахнаме» Фирдоуси достаточно, чтобы она рассказала нам, как нашим предкам удавалось прожить жизнь, двигаясь по светлому пути. Это тот путь, который называет «разум» «глазами души». Но тогда возникает вопрос: «А что такое «разум»?»

Ответ на это должны дать знание и память человека. Короче говоря, все, что ведет к разъединению, расстройству и разрушению, все, что направлено против естественного порядка и человеческой природы, является признаком «неразумия». И, напротив, все то, что помогает разрешению затруднений и объединению людей, разумно. Может быть, кто-то скажет: «По-прежнему неясно». Вероятно, разные группы людей придают этим понятиям разное значение. Как говорил Саади:

*Если с лица земли исчезнет разум,
Никто про себя не подумает: «Я - глупец»*

При всем при этом ситуация вовсе не такая безвыходная. Можно сказать, что из всего человеческого опыта извлекается некий «разум разумов», «мировой разум», который нельзя ничем прикрыть. Даже если пока он существует лишь в теории, его можно применить на практике. Это как раз то, на что должны быть направлены усилия человечества. Первым шагом на этом пути должен быть отказ от слов: «Так и никак иначе». Нужно отказаться от этих слов, которые на протяжении долгих веков помогали человечеству в его бесконечном пути. У человека есть множество самых сложных измерений, и только путем приведения этих измерений в согласие с природой можно приблизиться к сколько-нибудь приемлемому состоянию.

Ирану не избежать вступления в двадцать первый век, и сделает он с помощью всех своих детей – и тех, что далеко, и тех, что близко. Следует пожать руку всем, кто ее протягивает. В рассуждениях о том, что хорошо, а что плохо, нельзя не обращать внимания на фактор полезности или бесполезности. В прошлом можно было думать по-другому. Например, считать идеалом какого-нибудь аскета или благочестивого отшельника. Приведу пример: в нашей деревне, Надушан, был (и есть) один заброшенный мазар под названием «Шейх-е хамуш» (т.е.

«молчащий шейх»). Двери мазара раскрывались только раз в году, внутри находились гробница и светильник. Там был похоронен человек, который, по рассказам, всю свою жизнь промолчал, не произнес ни одного слова, и поэтому его считали способным творить чудеса. Святость его заключалась в молчании. А как теперь? Полезным является то, что направлено на благо общества, то есть на пользу народу. Особенно в эпоху, которая ближе, чем все предшествующие, подошла к границе, за которой решается: быть или не быть.

Мне кажется, что среди иранцев, живущих на Западе, немало таких, кто устал жить на чужбине. Комфорта и материальных удобств недостаточно для того, чтобы чувствовать себя полностью удовлетворенным. Так платану или дубу не вырасти в цветочном горшке, сколько ни поливай. Ничто не сравнится с наслаждением от сознания того, что ты приносишь пользу своему народу, служишь ему. Но, конечно, чтобы усилия не оказались напрасными, необходимо создать общественные предпосылки. Чувство безопасности и защищенности личности – это то, чем нельзя пренебрегать.

Человек тщательно взвешивает на весах все свои потребности и снимает ту гирю, которая тянет чашку весов вниз. Если иранец, со всем его историческим грузом за плечами, все же отправляется на чужбину, то отнюдь не по соображениям комфорта. Потому что платить за него приходится очень высокую цену: терпеть на себе презрительные взгляды, чувствовать себя незваным гостем и прихлебателем, не говорить на родном языке, не видеть родных и знакомых лиц, не видеть вокруг привычных гор и пустынь, не видеть того солнца, что уже тысячи лет освещает страну ариев, не разделять общую боль и общие чаяния... Да, все это имеет отношение к самым глубинам человеческой души, и пренебрегать этим нельзя. А человек на чужбине всего этого лишен. Возможно, до тех пор, пока все это есть у человека, он не понимает, насколько это ценно, но как только он теряет это, человек чувствует себя опустошенным. Глубинные основы человеческой цивилизации всегда имели дело с внутренним миром человека, а все внешнее было лишь средством для того, чтобы этот внутренний мир развивался. Уже три поколения

иранцев живут за границей. Их называют «ирани-табар» (иранцами по происхождению). Кто они, «иранцы по происхождению»? Это люди, имеющие вид на жительство или даже гражданство другой страны, однако за плечами у них груз иранского национального характера. И в любой стране, кроме Ирана, они всегда чужие. Они находятся среди толпы, но их сердца находятся далеко!

А что можно сказать об их детях? Они немного говорят по-персидски, слышали какие-то воспоминания и рассказы о покинутой стране и даже каждый год празднуют Навруз (новый год по солнечному календарю) и «Сиздах бе дар» (то есть устраивают тринадцатого фарвардина пикники за городом). Создается впечатление, что они очень хотят узнать свою историческую родину. Хотят приехать в Иран и увидеть его собственными глазами. Хотят узнать что-то об истории и культуре нашей страны. Им любопытно узнать страну, в которой находятся их корни, потому что та страна, в которой они живут сейчас, это *место жительства*, а не *родина*.

Иногда они спрашивают себя: «Кто я?» Одни лишь родители и ближайшее окружение не могут дать им ответ. Ответ на вопрос «Кто я по большому счету?» возвращает к вопросу об иранской идентичности. К тому, что иранец никогда не теряет ее, не утрачивает связи со страной, которая на протяжении трех тысяч лет играла такую важную роль в истории человечества.

Нужно отворить двери и дать иранцам, живущим за границей, возможность избавиться от мучающего их вопроса о собственной идентичности. Нельзя допускать, чтобы они чувствовали себя навсегда отрезанными от родины. Когда с виноградной лозы срезают ветку, она проливает слезы. Ведь и Сухраб поехал искать пропавшего без вести отца.

*Всякий, кто отделился от своей сути,
Будет искать путь воссоединения.
(подстрочный перевод – С.Абдулло)*

мордад 1379 г.
июль–август 2001 г.

Ирану есть что сказать миру!

Компьютерная верстка: **Забылина Е.Ю.**

Дизайн обложки: **Карпун К.К.**

Корректор: **Фомина О.А.**

Подписано в печать 11.10.2007 г. Формат 84х108 1/32
Усл.печ.л. 8,3 Тираж 1000 экз.